

Министерство культуры Республики Крым
Республиканское высшее учебное заведение
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

Исторические науки

№ 6

Симферополь
2014

УДК 7.072.2(051)

Рекомендовано к печати Ученым советом РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (протокол № 8 от 25 августа 2014 г.)

ts.uncat.crimea.ua

Редакционная коллегия:

Габриелян О. А. — главный редактор, доктор философских наук, профессор

Чайка О. В. — заместитель главного редактора, кандидат искусствоведения, доцент

Вакуленко Л. В., Кислый А. Е., Королев В. И., Масленников А. А., Мозарычев Ю. М., Непомнящий А. А., Николаенко Н. В., Чебаненко Т. А.

Ответственные секретари выпуска:

Федосеев Н. Ф. — заместитель директора по научной работе КРУ «Керченский историко-культурный заповедник», к. ист. н.

Сомов М. В. — заведующий научно-исследовательским отделом РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма», к. полит. н., доцент

Редактор

Гржибовская Г. Н., зав. редакционно-издательским отделом РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь)

Таврические студии. Исторические науки № 6. — Симферополь: РВУЗ «Крымский университет культуры искусств и туризма», 2014 — 148 с.

ISSN 2307-8758 (print)

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственность не несет.

КРУ «Керченский историко-культурный заповедник»

Международная научно-практическая конференция

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА

К 250-летию Эрмитажа
и к 80-летию начала изучения Мирмекия

1–3 сентября 2014 г.
г. Керчь

УДК 069.4/5 (477.75)

Т. В. Умрихина

От Керченского музеума до Восточно-Крымского историко-культурного заповедника

Восточно-Крымский историко-культурный заповедник является приемником Керченского музея древностей – одного из старейших музеев России (1826 год). С самого начала Керченский музей охватывал весь Керченский п-ов. В 1920-е годы был издан ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих проведение археологических исследований в Крыму и охрану культурного наследия. Академией истории материальной культуры был разработан общий план изгугения Крыма. Накануне Великой Отегественной войны на угет соответствующих государственных угреждений и Керченского музея как заповедники были поставлены 57 археологических и архитектурных памятников. К сожалению, вся документация была потеряна в ходе Войны. Сейгас настало время возродить историко-культурный Заповедник под названием Восточно-Крымский.

Ключевые слова: Керченский музей, Восточно-Крымский историко-культурный заповедник, музейфикация, памятник.

Путь, пройденный от Керченского музея до Восточно-Крымского заповедника, долг и не был простым. Как приемник Керченского музея древностей – одного из старейших музеев России, он берет отсчет от указа российского Императора Александра I в 1826 году. Этому предшествовало осознание просвещенной части руководства краем необходимости охраны здешних памятников, разграбление которых уже в то время, приняло массовый характер.

Первый указ о запрещении собирания древностей частным путешественникам принадлежит еще Херсонскому военному губернатору герцогу Дюку де Ришелье (1805 г.). В 1823 году, сразу же после назначения князя М. С. Воронцова генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабской области, И. А. Стемпковский представил на его рассмотрение проект о сохранении памятников. Здесь впервые были названы задачи, ставшие программой классической археологии Северного Причерноморья: составление свода известий древних авторов по истории и географии Причерноморья, кор-

пусов эпитафических, нумизматических и археологических источников, фиксация всех без исключения памятников, проведение научных раскопок, консервация, реставрация и принятие мер к охране древних памятников, составление планов и чертежей, картографирование археологических остатков. Важнейшей целью И. А. Стемпковский считал создание научного общества и археологических музеев на юге России: «Ничто не может быть утешительнее для ума просвещенных людей и достойнее их благородных усилий как стараться спасти от совершенного забвения существующие еще в отечестве нашем остатки образованности народов столь отдаленной древности, ничто не может доставить им более удовольствия как находить по истечении 20 столетий памятники, которые могут дать самые достоверные свидетельства относительно религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов поколений, столь давно угасших. Таковыми исследованиями мы можем некоторым образом извлекать удовольствие и пользу из самого праха, заставляя оный свидетельствовать нам о временах прошед-

ших, и воскрешая давно забытую память людей и народов» [1, с. 42–43].

И. А. Стемповский был человеком, приближенным к генерал-губернатору, его адъютантом и будущим градоначальником Керчи. Призывы об открытии музея в Керчи звучали и со стороны, например, коммерсанта Рафаила Скасси: «Хотелось бы пожелать, чтобы исследования получили дальнейшее развитие и предложить организовать в Керчи музей, который собрал бы воедино результаты раскопок, среди которых была бы масса представляющих чрезвычайный интерес находок, если, как предполагается, поиски распространятся на остров Тамань, берега Боспора и Кубани.

Если наши просвещенные правители и члены августейшей фамилии удостоят чести поощрить это предприятие, это даст мощный импульс, и все знатные люди империи поспешат ему содействовать, что принесет успех. Истинные патриоты России, стремящиеся увидеть свою родину во всем блеске славы, должны объединиться для этого полезного дела, которое без сомнения будет находиться под покровительством правительства, не оставляющего равнодушным ни одного предприятия, полезного народу. Антиквару, истинному любителю древностей и богатому покровителю следует объединить свои силы, чтобы способствовать продолжению и дальнейшему развитию исследований, которые с лихвой окупят их скромные пожертвования.

Затем мы увидим ученых, иноземных любителей, которые приедут, со Страбонем в руке, посетить эти земли, навестить руины Акры, Нимфея и Мирмекия, Киммерика и Фанагории, отдохнуть на кресле, сидя на котором Митридат обозревал свои войска и любовался с вершины Боспорским царством, простиравшимся у его ног; приблизиться, наконец, к героям тех далеких времен не только мысленно, но еще и созерцанием памятников искусства, которые соберет новый Керченский музей» [2, с. 44].

Попечитель торговли с абазинцами и черкесами Р. Скасси предлагал для учреждения музея и проведения раскопок организовать частную подписку добровольных пожертвований граждан. Проектом пред-

усматривалось издание ежеквартального журнала с описанием и литографическим изображением предметов.

Как мы видим, обстоятельства, продиктованные временем, сформулировали цели и задачи создания не просто музейного собрания, а целой программы, призванной не только сохранять и изучать, но и охранять памятники Керчи Тамани и Азовского побережья. Об актуальности этих задач говорится в комментарии издателя «Отчужденных записок» Павла Свиньина: «... дабы обращено было особенное внимание на сохранение и исследование драгоценных остатков древностей, разсеяных по лицу обширной России, кои, к сожалению, приходят год от года в плачевнейшее состояние и могут быть в скорости изглажены с лица земли» [1, с. 72].

Первым исследователям приходилось нелегко. Жалобы на раскопки П. Дюбрюкса — будущего основателя Керченского музея — привели к тому, что в 1817 году против него со стороны керченской полиции было возбуждено дело о том, что «Дюбрюкс неизвестно с какого повода раскапывает могилы и разбрасывает гробы». Полиция приостановила работы, угрожая рабочим арестом. П. Дюбрюкс направил Таврическому гражданскому губернатору А.С. Лапинскому письмо с просьбой о содействии, в результате которого появилось дело № 361 1817 года «О невоспрещении керченских соляных озер смотрителю титулярному советнику Дебрюксу разрывать курганы и отыскивать в них древности». По сути, это первое разрешение на право проведения археологических работ.

Все последующие годы — это поиски финансирования. Одесский градоначальник А. И. Левшин, посетивший Керчь, в письме к А. Н. Оленину просит правительство сделать небольшое пожертвование (в течение 10 лет по 2 тысячи рублей ассигнациями) для археологических изысканий. 3 000 рублей Керченский музей получал из ежегодного татарского сбора Таврической губернии.

Открытие в 1830 году богатейшего захоронения в Куль Обе лишь подхлестнуло «золотую лихорадку», в которую включился и директор музея Антон Ашик. Государственное финансирование его соперника —

правителя канцелярии Керченского градоначальника Д. Карейши — лишь ускорило процесс разграбления погребальных памятников Керчи. Естественно, что под высокими курганами искатели стремились найти как можно больше ценностей. Уже в 1838 г. А. Ашик писал: «Несмотря на то, что разыскания наши проводятся непрерывно и в разных местах — открытия наши становятся приметно беднее», а в следующем году он пишет, что «решительно нет уже кургана, который бы считался нетронутым». В эти годы судьба благосклонно отнеслась лишь к Царскому кургану, который и ныне является жемчужиной в составе Керченского заповедника. В окрестностях Керчи число курганов было столь велико, что будущий керченский градоначальник Ф. Ф. Вигель, сосчитав 1200, отмечал, что «и половины не сосчитали».

С 1859 года, с учреждением Императорской Археологической Комиссии, начинается новый этап изучения античности. Комиссия взяла на себя руководство раскопками в России, издание отчетов и распределение по музеям найденных вещей, лучшие из которых по-прежнему поступали в Эрмитаж.

В 1887 году Императорская Археологическая Комиссия издала циркуляр, в котором говорилось, что раскопки производят зачастую лица неподготовленные, из-за хищнических раскопок нет возможности разумно сосредоточить важнейшие научные материалы в правительственных собраниях. Отмечалось также, что в России плохо обстоит дело с реставрацией монументальных памятников, в других государствах надзор за историческим памятником может быть поручен только государству и государственному учреждению. Подчеркивалась необходимость смотреть на памятники России как на общее достояние Отечества.

В 1896–1899 годах директор Керченского музея Карл Думберг провел первые крупномасштабные раскопки Пантикапея на северном склоне горы Митридат. Это была первая попытка планомерных исследований Пантикапея и составления археологической карты. Он писал: «Археологическая топография вообще представляет, так ска-

зать, большое место Керченских разысканий. В 1891 г. я представил Комиссии свои соображения о необходимости составления археологической карты Керченского градоначальства» [3, № 158].

В марте 1892 г. К. Е. Думберг сообщал, что «на горе Митридат берут камень от памятника Стемпковскому до Сахарной головы. Эти работы ведет военное ведомство». С военными совладать было не просто, и многие памятники погибли в результате военных построек и военных действий не только XIX, но и XX века.

В конце 1897 года Министерство Внутренних Дел и Императорская Археологическая Комиссия (ИАК) приступили к оценке памятников, составлению Свода. ИАК предписывало сообщать, какие памятники надлежит охранять от разрушения путем наблюдения со стороны местных властей, а какие требуют исправления и починки. Предписывалось определить постепенность реставрации с наиболее древних.

В 1906 году опубликована статья М. И. Ростовцева, в название которой вынесены «задачи археологического исследования Керчи» [5]. Определяя ближайшие задачи исследования катакомб, некрополя и городища Пантикапей он пишет, что «возможно крупных результатов в смысле находок исследование не даст, но ... научный долг будет удовлетворен, и нас не вправе будут упрекать, как заслуженно упрекают тех, кто палец о палец не ударил, когда зарождалась и росла Керчь, а было это не так давно.

Для предполагаемых мною раскопок научных сил, имеющихся в Керчи, мало. Необходимо, чтобы совместно с археологами работали архитекторы. К делу надо привлечь профессоров университетов; они должны сделать эти работы практической школой и для себя и для своих учеников, воспитывая их на той работе, на которой выросла блестящая плеяда западно-европейских археологов». Это была не первая программа по спасению и изучению боспорских древностей, но как и остальные она осталась лишь на бумаге ...

В 1920-е годы издается ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих про-

ведение археологических исследований в Крыму и охрану культурного наследия. 24 ноября 1920 года, т. е. всего лишь через неделю после разгрома врангелевщины, Крымский революционный комитет издал приказ: «В целях сохранения объявляются собственностью государства все памятники зодчества, археологические, этнографические и прочие музеи, коллекции и предметы. Общее наблюдение и полная ответственность за их состояние возлагаются на секцию по охране памятников старины подотдела искусств Крым-отдела Наробразва. Все учреждения и частные лица Крыма обязаны оказывать содействие и беспрекословно подчиняться распоряжениям заведующего секцией или уполномоченных им лиц» (приказ Крымревкома от 24.XI.1920 г.).

В одном из декретов говорилось: «Памятники зодчества, включая курганы, пещерные города, крепости и пр., должны быть приведены в известность, осмотрены и кратко описаны» [5, с. 145].

Приказом № 450 Крымревкому «О национализации музеев и памятников культуры» от 11 августа 1921 года национализированы район Керченского городища и места всех археологических раскопок Керченского района. Также было запрещено проводить археологические раскопки, разведки и поиски без разрешения Крымохриса. Этот запрет касался как работников советских учреждений, так и частных лиц [6, л. 65]. Вопросы охраны культурного наследия и противодействия кладоискательству регулировались постановлением Крымского совета народных комиссаров «О контроле за антикварной и комиссионной торговлей в целях охраны художественных произведений и предметов старины».

Керченский музей стремился проводить и образовательные программы: при участии профессора М. В. Довнар-Запольского и Ю. Ю. Марти были созданы трехмесячные археологические курсы, где читались лекции по классической археологии и истории Боспора, а также проводились практические занятия. Это позволило привлечь к сбору и охране памятников местных любителей истории. В. М. Гусов разработал методику преподавания в школе с привлече-

нием в качестве иллюстративного материала местных древностей. На заседании Керченской городской Думы 30 января 1920 года М. В. Довнар-Запольский выступил с докладом о необходимости учреждения в Керчи «высшего учебного заведения особого типа» [7, с. 109]. Боспорский университет «учитывая возрастающую потребность в высшем образовании и отрезанность отдельных областей и, в частности Керчи, от университетских центров», должен иметь в своем составе коммерчески-экономический, сельскохозяйственный и историко-археологический факультеты. Учебное заведение формировалось в трудные годы гражданской войны и свою деятельность начало, руководствуясь только «Уставом Российских Университетов» 1914 года, и только в июне 1920 года Боспорский университет получил официальный статус. Помимо действительных студентов и вольнослушателей, по примеру западноевропейских университетов, на курсы записывались слушатели по 2 000 руб. в семестр, причем прослушанные им лекции не засчитывались и к экзаменам такие слушатели не допускались.

Академией истории материальной культуры был разработан общий план изучения Крыма, где «заведующим разрядами археологии Скифии и Сарматии греко-римского искусства» Б. В. Фармаковским предлагалось объединить исследования Таманского полуострова с исследованиями Крыма, причем признавалась первоочередность изучения Пантикапея. Предлагалось ограничить дальнейшую застройку горы Митридат, принять срочные меры к охране склепа Деметры, охране памятников, собранных в Царском и Мелек-Чесменском курганах. План предусматривал фотографирование, замеры, описание ранее открытых памятников, в первую очередь, Царского и Мелек-Чесменского курганов. Обращалось внимание, что сначала следует подвергнуть раскопками сам город, который еще никогда систематически не изучался [8, с. 76]. С этой целью Ю. Ю. Марти разбил на карте всю местность вокруг Митридата на квадраты в 10 сажень (21 × 21 м) с целью картографирования разновременных объектов для восстановления общего планирования Пантикапея. Однако, как

следует из письма Ю. Ю. Марти директору Центральных государственных мастерских, проблема вымежевания земель на горе Митридат была актуальна и в 1931 году.

Для реализации намеченного плана Ю. Марти землеустроительные организации Керчи во второй половине 1920-х годов начали процесс вымежевания античных городищ с городской территории. Так, в 1927 г. по инициативе Ю. Марти городище Мирмекий было передано в ведение Керченского музея для проведения археологических раскопок [9, с. 104]. На горе Митридат под исторический заповедник была отведена территория в 16,2 га.

В 1933 году при участии научных сотрудников Московского отделения ГАИМК Б. Н. Гракова¹ и В. Д. Блаватского был составлен проект границ Керченского археологического заповедника. В него предполагалось включить восточный и северный склоны горы Митридат с руинами Пантикапея, Мелек-Чесменский и Царский курганы, склеп Деметры, раскопанные площади городищ Тиритаки и Мирмекия, крепость Ени-кале, мечеть Суин-Эли у горы Опук [10, с. 11]. В том же году в перечень важных археологических памятников восточного Крыма, подлежащих государственной охране, было включено и городище около с. Ивановка [12, с. 9].

В ходе стремительной индустриализации Керчи значительно пострадал ряд памятников города, особенно в районе Камыш-Буруна. К концу 1930-х годов Керчь стала крупнейшим промышленным центром Крыма, ее население превысило 100 тысяч человек, однако историческая центральная часть города в это время как бы законсервировалась: в ней почти не велось новое строительство, даже не производится снос культовых зданий, столь обычный в эти годы в других городах страны.

Накануне Великой Отечественной войны на учет соответствующих государственных учреждений и Керченского музея как запо-

ведники были поставлены 57 археологических и архитектурных памятников. Кроме пантикапейского городища и некрополя на склонах Митридата (до Золотого кургана), государственной охране подлежали городища Нимфей, Тиритака, городище и некрополь у сел Яныш-Такиль и Коп-Такиль, Акра, Китей, район горы Опук, Мирмекий, Парфений, мыс Зюк, городище на Темиргоре, склепы в с. Кезы, городище возле Казантипского залива и с. Чигени [13].

Планы создания заповедника были нарушены событиями Великой Отечественной войны. Обследование и раскопки древних поселений и городищ Керченского полуострова продолжались после войны. Учитывая проблему кадров, выполнение такого плана КИАМ самостоятельно, было затруднительно, поэтому дирекция музея обратилась в Наркомпрос с просьбой оказать помощь в проведении раскопок в Керчи. Ответом на такое обращение стало создание Керченской археологической экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина для раскопок Пантикапея и возобновление деятельности на территории Керченского полуострова Боспорской археологической экспедиции ИИМК. Керченский музей участвовал в этих экспедициях «как сотрудниками, так и материально» [14, л. 4].

Сотрудники музея в указанный период работали в составе Киммерийского, Илуратского, Каменского, Тиритакского и Мирмекийского археологических отрядов Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством В. Ф. Гайдукевича, в составе Пантикапейского отряда Боспорской экспедиции ГМИИ под руководством В. Д. Блаватского, Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой.

Уже в 1945 г. были заключены договоры между музеем и строительными организациями Керчи о постоянном наблюдении за строительными работами и срочных спасательных археологических исследованиях, хотя в первые послевоенные годы строительные работы в городе практически не проводились. Главным образом охранные раскопки музея сводились к обследованию

¹ Как писал Б. Н. Граков, эта работа давалась не просто: «...хождение по Керченским учреждениям для разных сведений и споров. Положение - катастрофическое: городище стремительно застраивается. Мы, вместе с Марти, подняли вокруг этого бунт. Не знаю, чем она кончится» [11, с. 63].

траншей и других военных оборонных систем.

В 1947 г. отряд экспедиции, возглавляемый И. Викторовым, заведующим археологического отдела КИАМ, с участием сотрудников музея провел археологические разведки античного поселения у с. Ивановка. Именно здесь были обнаружены остатки городища, упомянутого Птолемеем под названием Илурат. Еще в 1827 г. неутраченный Поль Дюбрюкс впервые обследовал к западу от Чурубашского озера развалины древнего поселения. Тогда и было впервые нанесено на план городище, отождествленное затем с Илуратом. С 1948 года началось широкомасштабное его исследование.

В результате разведочных работ и рекогносцировочных раскопок другого отряда с участием ученых из ИИМК, ГМИИ и КИАМ в 1947 г. на городище Киммерик были установлены пределы города, проведена топографическая съемка трех холмов, на которых оно было расположено. К этому списку еще надо добавить Загородную усадьбу, поселение Порфмий, поселение Каменка, поселения Казантипа и множество других. В 1950-е годы в результате проведенных исследований было установлено местонахождение почти 200 античных сельских поселений.

Интересным направлением археологических исследований территорий, прилегающих к Керчи, стало проведение подводных экспедиций с целью обследования дна Керченского пролива, а также изучение отдельных участков побережья вокруг античных городищ. В 1939 году профессор Р. А. Орбели, родоначальник отечественной подводной археологии, после первых подводных разведок в бухтах Феодосии и Коктебеля провел масштабные работы в Керчи. В 1957–1958 годах поиски проводились у мысов Такиль, Кыз-Аул, Железный Рог. По результатам исследований планировалось создать подводную археологическую карту с воспроизведением границ древних городов и выявленных остатков древних кораблей [15, л. 2].

В 1950 году разработан и утвержден первый пятилетний план деятельности музея. В план научных исследований КИАМ на 1951–1955 годы вошли охранные раскопки

с целью учета и охраны памятников, обнаруженных во время строительства, а также при сооружении Северо-Крымского канала. Охранные работы музея координировались согласно планам строительства на полуострове. Такая привязка привела бы к планомерному исследованию районов полуострова и обеспечила бы поступление данных о насыщенности археологическими памятниками. Это, в свою очередь, могло быть полезным при составлении археологической карты полуострова [16, с. 3].

С конца августа 1957 археологи Керченского историко-археологического музея во главе с Н. С. Беловой продолжили раскопки городища Китей. В предвоенное время памятник был главным объектом исследования Керченского музея — в 1927–1929 годах под руководством Ю. Ю. Марти были проведены первые раскопки городища и некрополя. В 1970 году Керченский историко-археологический музей возобновил раскопки Китая, ставшие систематическими.

В конце 1940-х дирекция КИАМ обращалась к различным археологическим учреждениям с предложением проведения совместных исследований на территории Керченского полуострова. В частности, в 1949 году такое обращение было направлено в историко-археологический сектор Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. В обращении содержалось предложение провести совместную археологическую разведку побережья Азовского моря с целью обнаружения остатков поселений раннеславянского времени [17, л. 25]. Как правило, такие обращения, вследствие различных факторов и обстоятельств, оставались нереализованными. К участию в составлении археологической карты полуострова Керченский музей просил приобщиться и Боспорские экспедиции ГМИИ и ИИМК. Дирекция музея выступила с предложением о включении в состав указанных экспедиций ученых — специалистов по палеолиту и славянской археологии, чтобы эффективнее исследовать достопримечательности полуострова. Предложение вызвало оживленную дискуссию среди ученых на заседании ученого совета КИАМ 18 августа 1952 года. Однако

ведущие археологи полуострова В. Ф. Гайдукевич, П. Н. Шульц, Е. Вейнмарн, Д. Каллистов высказались о нецелесообразности такого объединения, учитывая разноплановость и разнородность исследуемых памятников [18, л. 52]. Определенным шагом вперед в этом направлении стало согласование археологических работ музея с Крымским филиалом ИА АН УССР. Это была попытка разработать единый план экспедиционной работы в Крымской области на 1953–1956 гг.

В 1952 году начался сбор сведений и материалов для археологической карты полуострова, а также для создания картотеки обнаруженных объектов. Проводили эти работы сотрудники музея самостоятельно. Они же провели ширококомаштабные разведки по всему Восточному Крыму, включая и район Феодосии. На карту Керченского полуострова были перенесены данные архива КИАМ и краеведа В. В. Веселова. К работе привлекался керченский городской архитектор. На основании библиографических данных сотрудники музея составили картотеку населенных пунктов Боспорского царства.

С 1955 года началось восстановление Керчи, сильно разрушенной во время Отечественной войны. Повсюду шли стройки, и повсеместно при рытье котлованов обнаруживались древности, главным образом, античные погребения. В это время большая серия разведок была проведена В. Э. Куниным и С. А. Семеновым. Огромный вклад в изучение памятников Керченского полуострова внес В. И. Цехмистренко.

С 1957 года начинаются совместные советско-польские исследования на городищах Китей, Елизаветовском, Парфении, но основным объектом стало городище Мирмекий. В 1992 году «Нимфей» исследовался сотрудниками Керченского заповедника, Эрмитажа и Польским Институтом археологии и этнологии [19]. В настоящее время сотрудники Национального Археологического Музея в Варшаве принимают участие в раскопках городища Тиритака.

В 1980 г. по заданию Министерства культуры СССР была разработана «Генеральная схема зон охраны памятников культуры и природы г. Керчь», где были определены охраняемые территории и зоны охраны па-

мятников, зоны регулирования застройки, зоны охраны ландшафта. Эта схема является составной частью разработанного в 1979 году «Исторического опорного плана центральной части г. Керчь», суммировавшего многолетнюю работу исследователей на территории города. Эта работа была предпринята в связи с намеченным созданием археологического заповедника на горе Митридат. Впоследствии концепция заповедника была пересмотрена, результатом чего явилось учреждение в 1987 году Керченского государственного историко-культурного заповедника.

Многие историко-культурные памятники и поныне остаются активными градостроительными факторами: используются некоторые античные и средневековые дороги и колодцы; планировочная структура периода русского классицизма формирует облик общегородского центра; древние городища и курганные гряды, фортификационные сооружения античности и XVIII–XIX веков, исторические маяки, мемориалы минувшей войны служат ориентирами пространственной композиции, придавая ей неповторимую выразительность. С полным правом можно сказать, что ландшафт Керчи, хранящий следы преобразовательной деятельности человека в течение более чем трех тысячелетий, принадлежит к древнейшим и наиболее ценным историко-культурным ландшафтам нашей цивилизации.

Задачи Заповедника, сформулированные еще первыми гуманитариями Керчи, остаются актуальными и поныне. Прошедший период лишь заострил и уточнил эти идеи. Сегодня Керченский историко-культурный заповедник является центром сохранения исторического наследия всего Восточного Крыма. Наша цель превратить и эти памятники в зону постоянного обслуживания. Разработка туристических маршрутов и музеефикация имеющихся городищ — задача стоящая не только перед заповедником, но и перед исследователями памятников. Только совместными усилиями удастся создать интересный маршрут.

На сегодняшний день Заповедник является научным центром всего Восточного Крыма. Сюда стекаются находки и инфор-

мация, полученные во время археологических раскопок не только Керчи, но и полуострова. Фондовые коллекции Заповедника являются одними из самых многочисленных в Крыму и насчитывают около 245 тыс. единиц хранения. Археологические экспедиции, проводимые, на территории Боспора, являются основным источником комплектования фондовых коллекций заповедника. Ежегодные поступления археологических находок составляют около 3 тысяч музейных предметов.

Миссия Восточно-Крымского заповедника — реализация программ по музеефикации античных городищ, расположенных как на территории города, так и на территории Ленинского сельского района. В настоящее время Керченский историко-культурный заповедник является крупнейшим культурологическим заведением в Восточном Крыму. Помимо основной своей функции — сохранения памятников истории, заповедник выполняет еще целый ряд функций.

Восточный Крым представляет собой уникальный регион с большим разнообразием объектов природного и культурно-исторического наследия, которые должны рассматриваться как целостный комплекс. Вхождение Республики Крым в правовое поле Российской Федерации требует принятия неотложных мер по сохранению объектов культурного наследия Восточного Крыма, используя позитивный опыт работы крупнейшего музейного, научного и памятнично-охранного учреждения региона — КРУ «Керченский историко-культурный заповедник».

Границы Заповедника устанавливаются на основе исторически обусловленных границ целостных объектов культурного наследия, а также — по естественным природным ландшафтными рубежам, включающим культурный ландшафт сохраняемого исторического места. В географическом плане это весь Керченский полуостров от Акмонайского перешейка на западе до Керченского пролива на востоке. Естественные границы с севера и юга определяют морские побережья Азовского и Черного морей с их прибрежными акваториями. Территория Заповедника должна формироваться

единым массивом, не исключая отдельные заповедные зоны в случае необходимости сохранения объектов наследия на разрозненных участках.

Среди первоочередных задач нового Заповедника — перестройка региональной системы охраны культурно-исторического наследия Восточного Крыма, создание единого реестра памятников Восточного Крыма, оформление правоустанавливающей документации на вновь выявленные объекты истории и археологии для включения их в состав Керченского Заповедника, разработка проектов благоустройства, музеефикации археологических памятников и включение их в туристическую инфраструктуру Восточного Крыма и всего Юга России. А также, расширение сети экскурсионных и туристических маршрутов, освоение новых технических достижений в области туристической и экскурсионной работы.

Объектами исследований археологов Керченского Заповедника являются расположенные в Восточном Крыму и Керчи памятники эпохи камня и бронзы, античные городища, поселения и усадьбы с их некрополями. Археологические разведки, проводимые Заповедником, охватывают практически всю территорию Восточного Крыма, а их основной целью является всестороннее научное изучение памятников археологии различных исторических эпох, ландшафтно-археологических комплексов и историко-культурного наследия в целом.

Важнейшей задачей Керченского Заповедника является сохранение памятников археологии и культурно-исторических ценностей. В последние десятилетия грабителями с целью наживы беспощадно разрушаются уникальные археологические памятники Восточного Крыма, особенно, античные некрополи, скифские курганы. Хозяйственное освоение территории Восточного Крыма в ближайшие годы неминуемо поставит под угрозу уничтожения многие памятники и объекты историко-культурного наследия.

Несовершенной оказалась и законодательная база Украины по сохранению культурного наследия, что создало серьезные

проблемы в области сохранения культурного наследия Восточного Крыма. Уникальный памятник фортификации турецкая — а затем и российская - крепость Ени-Кале, которая расположена в черте города Керчь, остается по существу бесхозной и брошенной, трехлетняя переписка с государственными органами Украины и Крыма о включении ее в состав Заповедника не дала результатов. В Восточном Крыму на землях административного Ленинского района находятся, а по сути, также остаются бесхозными крупнейшие эталонные памятники археологии: античные городища Илурат,

Артезиан, Белинское, Михайловка, Зенонов Херсонес, Китей, Акра, древние некрополи, курганы. Сотни памятников археологии и исторические антропогенные ландшафты Восточного Крыма, находящиеся на территории Опукского, Казантипского и Карларского заповедников недоступны для специалистов и не имеют государственного охранного статуса. Наша цель создать в Восточном Крыму такие условия, чтобы закон Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» выполнялся в полном объеме.

Источники и литература

1. Стемповский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае / И. А. Стемповский // Отечественные записки. — 1827. — Ч.29. Кн.81. — С. 40–72.
2. Тункина И. В. Первые годы деятельности Керченского музея Древностей / И. В. Тункина // АИБ. — III. — Керчь, 1999. — С. 39–60.
3. Архив ИИМК. Дело за 1894 г. № 158.
4. Ростовцев М. И. Керченская декоративная живопись и ближайшие задачи археологического исследования Керчи / М. И. Ростовцев // ЖМНП. — 1906, май. — Отд. V. — С. 211–231.
5. Шульц П. Н. Историко-археологические исследования в Крыму (1920 — 1950 гг.) / П. Н. Шульц // Крым. — 1950. — № 6. — С. 145.
6. ГАРК. Ф. Р-1189. Оп. 3. Д. 15.
7. Лавров В. В., Бобков В. В. Боспорский университет (1917–1920 гг.): к истории становления высшего образования в Крыму / В. В. Лавров, В. В. Бобков // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». С. 106–118. — Том 18(57). — 2005. — № 1. С. 106–118.
8. Хливнюк А. В. (авт.-сост.) Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / А. В. Хливнюк / Под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. — Симферополь, 2008. — 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 11).
9. Гайдукевич В. Ф. Археологическое изучение Мирмекия / В. Ф. Гайдукевич // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. — МИА. — № 4. — М.-Л, 1941. — С. 96–109.
10. Андросов С. А. Охрана памятников истории и культуры Крыма в 20–30-е годы XX века / С. А. Андросов // Культура народов Причерноморья. № 66. — 2005. — С. 7–16.
11. Граков Б. Н. И жизнь, и слезы, и любовь... / составитель А. Г. Плешивенко / Запорожье, 2011. — 307 с.
12. Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. / В. Ф. Гайдукевич // Боспорские города. — Часть II. — МИА. — № 85. — 1958. — С. 9–148.
13. Список древних памятников: городищ, стен, кладбищ, курганов и склепов, взятых на учет Керченским музеем в гор. Керчи и Керченском районе // Архив КИКЗ. Оп. 7. Д. 14.
14. Газетные статьи и заметки по Керченскому государственному историко-археологическому музею // Архив КИКЗ. Оп. 2. № 305.
15. Годовой отчет о научно-исследовательской и научно-методической работе музея за 1958 г. // Архив КИКЗ. Оп. 9. Д. 165.
16. Чуистова Л. Пятилетний план работы музея / Л. Чуистова // Керченский рабочий. 1951 г. 29 августа. № 170 (8163).
17. Годовой отчет работы музея за 1948 г. // Архив КИКЗ. Оп. 9. Д. 141.
18. Протоколы научно-методических совещаний научных сотрудников музея за 1949–1952 годы. // Архив КИКЗ. Оп. 9. Д. 1.
19. Wąsowicz A. Nymphaion Project / A. Wąsowicz // *Archeologia*, XLV. — 1994. — P.69–89.

Eastern Crimean Historical and Cultural Reserve (Historical and Cultural Reserve of the Eastern Crimea) is the successor of Kerch Museum of Antiquities – one of the oldest museums in Russia (1826). From its outset Kerch Museum used to cover the whole Kerch Peninsula. In the 1920s a number of legal acts governing the conducting of archaeological research and the protection of cultural heritage in the Crimea were issued. Academy of the Material Culture History developed the general plan of studying of the Crimea. Before the Great Patriotic War 57 archaeological and architectural monuments were registered as the reserves at the corresponding government agencies and in Kerch Museum. Unfortunately, all the documentation was lost during the war. Now it is time to revive the reserve under the name of «Historical and Cultural Reserve of the Eastern Crimea».

Key words: Kerch Museum, Eastern Crimean Historical and Cultural Reserve, museumification, monument.

УДК 902.2

А. М. Бутягин

Городище Мирмекий. 80 лет исследований

В этом году исполняется 80 лет началу планомерных исследований Мирмекия. В настоящее время на памятнике работает экспедиция Государственного Эрмитажа в тесном сотрудничестве с Керченским заповедником. Результаты раскопок существенно повлияли на расширение наших знаний о древнем Северном Причерноморье.

Ключевые слова: археология, античность, Мирмекий, Боспорское царство.

Дата, которая исполняется в этом году, может быть легко увеличена на сто лет. Именно в 1834 году, т. е. 180 лет назад, директор Керченского музея А. Б. Ашик принял от матросов Керченского карантинного мыса. В результате, достоянием науки стал замечательный «мирмекийский» саркофаг, самый крупный из обнаруженных в Северном Причерноморье и являющийся жемчужиной коллекции Государственного Эрмитажа. При желании можно было бы отодвинуть эту дату к 1820-м гг., когда П. Дюбрюкс составил первую карту Мирмекия.

Безусловно, эти открытия сыграли важную роль в исследовании памятника. Тем не менее, настоящего научного интереса городище не вызывало весьма долгое время. Работы А. Е. Люценко в 1863 году, фактически, затронули Мирмекий по ошибке, так как основной их целью было изучение близлежащего некрополя. Состоявшееся в результате открытие винодельни несколько не заинтересовало исследователя, вернувшегося к раскопкам погребальных сооружений. Ф. И. Гросс, раскопавший в 1885 г. мощную кладку на берегу южной бухты Мирмекия, также не продолжил изучение памятника, продолжавшего находиться в своеобразном научном забвении [13, с. 97–109]. И это при

Рис. 1. В. Ф. Гайдукевич на экскурсии по Мирмекию (из архива Н. З. Куниной).

том, что интерес к изучению древнегреческих городов усиливался, что в итоге привело к планомерным раскопкам многих античных памятников. Время Мирмекия ещё не настало.

Настоящее начало изучению городища Мирмекий было положено только в 1934 году с началом раскопок Керченской экспедиции ГАИМК, вскоре переименованной в Боспорскую. Мирмекий становится базовым памятником, изучаемым экспедицией. Именно здесь находился её центр, жил В. Ф. Гайдукевич, который занимался исследованиями городища вплоть до своей смерти (рис. 1). С этого момента начинаются настоящие научные раскопки памятника, отличавшиеся масштабностью и комплексным подходом. Таким образом, 1934 год по праву можно считать первым годом исследования Мирмекия, имея в виду, что предыдущие раскопки были только подготовкой к этому событию.

За прошедшие десятилетия городище исследовано на значительной площади, добыто огромное количество археологических находок и другой научной информации, написаны десятки научных статей. Множество археологов и антиковедов прошли через школу Мирмекийской экспедиции, можно сказать, одно время здесь была настоящая «кузница кадров» ленинградской школы классической истории и археологии. В данной работе хотелось бы отметить основные результаты раскопок Мирмекия, а также подробно остановиться на последних годах исследования памятника, так как результаты раскопок последнего десятилетия публиковались в редких малотиражных изданиях и не всегда доступны интересующемуся читателю.

Раскопки В. Ф. Гайдукевича, продолжавшиеся с перерывами с 1934 по 1966 год стали настоящей эпохой не только в исследованиях памятника, но и в целом в отечественной археологии [16, с. 110–148]. Уже в первый год работ удалось довольно точно определить хронологические рамки существования памятника. Был найден и фрагмент восточногреческой керамики, относящейся к самому времени основания греческой колонии на рубеже 2-й–3-й четверти VI в.

до н. э. Также были обнаружены строительные остатки эпохи средневековья, которые исследователь справедливо связал с поселением Пондико, отмеченным на средневековых планах [8, с. 5–22]. В довоенный период основные усилия экспедиции были сосредоточены в западной части городища и на его северной окраине (участок «Б»), где удалось обнаружить фортификацию IV в. до н. э., а также остатки позднеархаического некрополя. К этому времени относится и изучение комплекса рыбозасолочных ванн римского времени, к сожалению, совершенно разрушенного в военный период [15, с. 300–317].

После войны в центральной части памятника был заложен участок «И», исследования которого продолжают и в настоящее время, о чём будет сказано ниже [12, с. 23–135]. Здесь были обнаружены остатки большой усадьбы и виноделен римского времени, строительные остатки позднеархаического периода. Основным достижением при раскопках этого участка стали открытия на широкой площади города III–I вв. до н. э. Удалось выделить отдельные домовладения, проследить направление улиц. Автор раскопок обратил внимание на большое количество винодельческих комплексов в Мирмекии, что позволило ему назвать греческое поселение «городом виноделов». Особенно интересны раскопки грандиозного зольника II, которые позволили впервые изучить один из памятников этого типа на территории Европейского Боспора. В. Ф. Гайдукевич интерпретировал этот объект как зольный алтарь — «эсхару» [14, с. 28–37]. В связи с тем, что холм зольника исключал любое строительство на этой территории, начиная с III в. н. э., под ним удалось на большой площади выйти на постройки классического, а затем и эллинистического периода. К IV в. до н. э. относится большая постройка с алтарём, которую В. Ф. Гайдукевич назвал «святилищем Деметры». Под ней были открыты остатки большой постройки позднеархаического периода. Кроме того, у восточной границы городища был заложен участок «М», раскопки которого позволили открыть здесь часть оборонительной системы, причём были зафиксированы два её строительных периода.

К сожалению, в связи с неожиданной смертью В. Ф. Гайдукевича в 1966 году эти работы не были доведены до конца. Их результаты, представленные автором в ряде статей, были изданы целиком только в посмертном издании [12]. Помимо прочего, в ходе работ экспедиции имел место один из первых примеров международного сотрудничества в области археологии. В 1956–1958 гг. на памятнике работала совместная советско-польская экспедиция, последнюю возглавлял К. Михайловский [17, с. 127–138]. В экспедиции побывали многие молодые польские учёные, составившие впоследствии костяк польского антиковедения. Международные контакты стали характерной чертой раскопок Мирмекия и в последующее время.

После смерти бессменного руководителя экспедиции раскопки городища прекратились на значительное время. Только в 1982 г. раскопки были продолжены под руководством одного из современных ведущих исследователей Боспора Ю. А. Виноградова. Не смотря на небольшие работы в центральной части памятника (была раскопана небольшая часть зольника II), основное внимание нового исследователя было перенесено на западную часть городища, где предполагалось найти свидетельства самого раннего периода существования Мирмекия. Эти надежды вполне оправдались.

На трёх участках в западной части памятника (П-С) удалось обнаружить многочисленные заглубленные сооружения (землянки и полуземлянки), в которых обитали поселенцы во второй половине 6 в. до н. э. Наиболее удачным оказался 1992 год, когда вблизи скалы акрополя была найдена группа ям с материалом, окончательно закрепившим рубеж — 1-й – 2-й четвертей VI в. до н. э., как дату основания городища [19, с. 179–198]. Также была открыта оборонительная стена, построенная во второй половине этого столетия для того, чтобы воспрепятствовать проникновению на скалу акрополя. Эта стена до сих пор, наряду с аналогичной фортификацией раннего Порфмия, является самым ранним оборонительным сооружением в Северном Причерноморье [10, с. 33–36]. Удалось раскопать и постройки, относящиеся к городу начала

V в. до н. э. На участке «Р» была обнаружена стена второй четверти V в. до н. э., спешно выстроенная поверх разрушенных построек начала века [11, с. 54–63]. Находки позволили связать её появление с нападением номадов. Кроме того, следует упомянуть раскопки дома IV в. до н. э. и мощной башни римского времени на участке «Р», видимо, входившей в оборонительную систему одной из усадеб этого времени [9, с. 103–120]. К сожалению, в 1994 году раскопки были прекращены.

В 1999 г. на городище начинает работу экспедиция Государственного Эрмитажа. Не смотря на то, что до этого времени раскопки городища велись другим учреждением (ГАИМК, впоследствии ИИМК, впоследствии ЛОИА РАН, впоследствии ИИМК РАН), сотрудники музея часто принимали участие в работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции, а Л. Ф. Силантьева была ближайшим сотрудником В. Ф. Гайдукевича, фактически все годы его работы в Мирмекии (судя по всему, она готовила отчёт экспедиции после смерти начальника). Коллекции Мирмекия частично передавались в Отдел античного мира Эрмитажа, где они находятся и по сей день. В результате, переход экспедиции в руки крупного музея обоснован полной научной преемственностью и, надеюсь, не сказался на качестве раскопок городища. В 1999 г. работы производились совместно силами ИИМК РАН и Эрмитажа.

Первоначально внимание новой экспедиции также было сосредоточено в западной части памятника, как бы продолжая исследование археологических комплексов, прерванное в 1994 году [2, с. 78–80]. Вскоре работы приняли масштабный характер, а экспедиция по своим размерам и изучаемым площадям выдвинулась в число крупнейших в музее.

Несмотря на то, что одной из главных задач экспедиции считалось изучение раннего периода развития поселения, в первое время основные успехи были связаны с раскопками археологических объектов более позднего времени.

В ходе работ на участке «С», на склоне скалы Карантинного мыса, было обнаружено сооружение недостроенного мону-

ментального сооружения, представляющего собой высеченный в скале квадратный котлован размерами 5 × 5 м. Следы обработки скалы видны на высоту до 7 м. Три из четырёх бортов котлована укреплены мощными каменными кладками, строительство которых не было закончено, так как массивные блоки, один из которых обработан не до конца, были обнаружены в каменном завале, перекрывающем помещение. Комплекс уверенно датируется рубежом IV–III вв. до н. э. Может быть, мы имеем дело или с начальным периодом строительства башни, или, что вероятнее, здесь собирались соорудить монументальную каменную гробницу, но это не свершилось из-за событий, связанных с войной сыновей Перисада или правлением Евмела. После прекращения строительства в котлован стал зольником, в котором были найдены весьма любопытные находки. Из них можно упомянуть единственный в Северном Причерноморье фрагмент белофонного кратера V в. до н. э., свидетельствующий о богатстве жителей Мирмекия в то время, детское захоронение в амфоре, фрагменты резных ажурных костяных пластин [1, с. 16–30]. Самым любопытным стало открытие в трещине скалы клада из 723 бронзовых монет Пантикапея, вероятно, хранившихся в кожаном или полотняном мешочке, в результате чего они спеклись в единый «орех». Клад датируется второй четвертью III в. до н. э. [3, с. 87–88]. Масштабные работы начались и к востоку от скалы Карантинного мыса, где была поставлена задача завершения раскопок полы древнего акрополя. Некоторой неожиданностью стала обнаруженная здесь часть позднесредневекового некрополя XIII–XIV вв., залегавшего поверх античных напластований. Было найдено более 70 погребений, сделанных в неглубоких прямоугольных могилах с западной ориентацией. Захоронения принадлежали христианскому населению Пондико, по преимуществу, кавказского происхождения (хотя был найден и один костяк с монголоидными признаками). Большинство могил было обложено и перекрыто каменными плитами. На камнях, находившихся за головой погребённого, часто вырезался крест. Инвентарь

составляли украшения, детали одежды, кресала, оружие, глиняные сосуды. Судя по половозрастному составу погребённых, это были, по преимуществу, молодые воины, нанятые итальянскими хозяевами поселения. Впоследствии некрополь прорезали хозяйственные ямы, которые уничтожили часть погребений. В трёх ямах обнаружены останки людей, вероятно, погибших при захвате поселения турками в XIV в. [5, с. 38–41]

Наиболее любопытным комплексом, открытым на участке «Т» в ходе первых лет работ, является прекрасно сохранившаяся усадьба II–III вв. н. э. В это время на городище уже не существовало города с единой городской стеной. Мирмекий стал поселением, состоящим из нескольких отдельных крупных усадеб. Одна из них — здание прямоугольной формы размерами 6,8 × 8,2 м. Толщина стен иррегулярной кладки из крупных камней достигает 0,7 м. Местами стены сохранились почти на 2 м. Позднее помещение было разделено каменной перегородкой на два. Особенно интересен высеченный в скале глубокий подвал, пристроенный к зданию с южной стороны. Он погиб в ходе пожара, в результате чего сохранность найденных в нём предметов была уникально хорошей, а многие детали интерьера сохранились без изменений. Было открыто несколько амфор и более мелких сосудов. Особенно интересен набор более 70 пирамидальных грузил, вероятно, представляющий запас для ткацкого станка. В качестве одной из стен подвала использовалась подтёсанная колонна, а перегородкой служил мраморный карниз со свинцовой скрепой, в свою очередь, сделанный из фрагмента надгробья. Вообще при раскопках усадьбы найдено более десятка фрагментов какого-то крупного архитектурного сооружения и мраморной скульптуры. Вероятно, они относились к расположенному здесь святилищу, от которого сохранился четырёхугольный алтарь из каменных плит, находившийся чуть западнее развалин усадьбы. К востоку от основного здания располагались хозяйственные постройки и обширный двор, на котором открыт большой колодец, сложенный из прекрасно подогнанных каменных блоков. К сожалению,

его не удалось исследовать на достаточную глубину. Судя по нумизматическому материалу, усадьба была покинута жителями на рубеже III–IV вв. до н. э., после чего жизнь на античном городище не восстановилась [4, с. 32–36]. В ходе раскопок усадьбы и перекрывавшего её средневекового некрополя было найдено несколько античных надписей, что увеличило коллекцию лапидарной эпиграфики Мирмекия в несколько раз [6, с. 72–81].

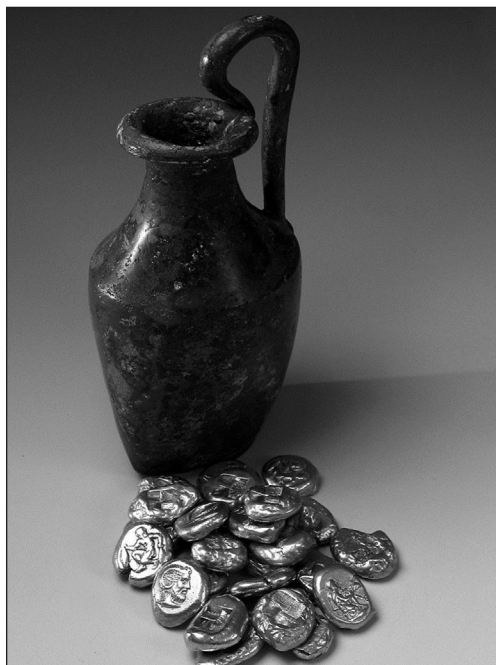
Любопытно, что двор усадьбы был устроен поверх ещё одного эллинистического зольника, который затронут работами только частично.

В 2001 г. были начаты раскопки в границах участка «И». Первоначально их задачей стало исследование зольника I, расположенного в северной части раскопа под «святилищем Деметры». Раскопки здесь предполагалось завершить в течение одного сезона. Однако сразу же выяснилось, что участок был существенно не исследован в ходе работ 1960-х гг., вероятно, в связи с неожиданным прекращением раскопок. В результате работы были продолжены, что привело к открытию крупного позднеархаического здания, а также ряда других объектов, о которых будет сказано ниже. Исследуя ранние постройки, экспедиция одновременно исследовала перекрывавшие их незначительные остатки кладок и вымосток «святилища Деметры». Именно в ходе этих работ под одной из кладок в небольшой ямке в 2003 году был открыт мирмекийский клад кизикинов.

В небольшом бронзовом кувшинчике помещалось 99 статов Кизика 53 различных типов. Монеты весьма хорошей сохранности. Среди них были обнаружены редкие типы, а также один уникальный, присутствующий пока что только в этом кладе. Эта уникальная находка уже удостоилась нескольких публикаций, так что хотелось бы отметить только несколько связанных с ней моментов [20, с. 77–131]. Мирмекийский клад является на данный момент самым крупным кладом кизикинов в Северном Причерноморье и вторым по размеру в мире. Более существенно, что он — единственный из крупных кладов этих монет,

обнаруженный профессиональными археологами в чёткой археологической ситуации. Датировка клада не может быть ранее второй четверти — середины IV в. до н. э., что несколько влияет на дату обнаруженных в нём монет. В настоящее время клад выставлен в «золотой кладовой» Керченского музея-заповедника и доступен для просмотра как специалистов, так и широкой публики (рис. 2).

Помимо клада, к югу от «святилища» была обнаружена квадратная яма разме-

Рис. 2. Мирмекийский клад кизикинов (фото А. Теременина)

рами 2 × 2 м при глубине более 3-х м. Она была забита камнями и большим количеством керамических находок, которые позволили отнести её ко времени гибели в пожаре всего комплекса около середины IV в. до н. э. На дне ямы обнаружен скелет молодого мужчины, что позволяет связать пожар и разрушение с военными действиями. Видимо по этой причине клад кизикинов и оказался недоступным для хозяев.

Результаты представленных выше работ уже не раз публиковались в различных изданиях, а наиболее интересные находки хо-

рошо известны специалистам [7, с. 7–51; 21, с. 821–835]. Далее хотелось бы чуть более подробно осветить раскопки экспедиции во второй половине 2000-х гг. и до настоящего времени.

В последние годы экспедицией было исследовано более 800 м² археологического памятника на различных участках. Основные усилия экспедиции были сосредоточены на двух зонах, принципиально важных для памятника на разных участках его существования. Одна из них — участок «ТС», образовавшийся в результате слияния исследовавшихся ранее участков «С» и «Т», он замкнул линию раскопок вокруг скалы мыса — древнего акрополя городища. Основной интерес здесь представляют строительные остатки римского времени, а также ряда других периодов. Другой участок — «И» расположен в центральной части Мирмекия, где находился монументальный зольник 2, остатки которого и стали основным объектом исследования экспедиции на несколько лет. Кроме того, работы ограниченной площади происходили на участках «С», «М» и «У». Начнём наш обзор именно с этих небольших раскопок.

Шурф «У» размерами всего 2,2 × 2,2 м был заложен в 2008 году на северо-восточной части памятника. Помимо позднего слоя засыпи здесь удалось обнаружить незначительные строительные остатки римского времени. В том же сезоне была произведена расчистка остатков башни и прилегающей территории на участке «М», расположенном возле восточной границы Мирмекия. Раскоп площадью около 20 м² должен был прояснить дату сооружения раннего строительного периода оборонительной стены. Удалось выяснить только то, что прилегающие к ней постройки датируются IV в. до н. э.

В последние годы снова продолжились работы на участке «С». В 2012 году непосредственно на скале мыса был заложен небольшой участок раскопок и несколько шурфов с целью изучения сохранности культурного слоя. Выяснилось, что почти весь культурный слой здесь уничтожен во время строительства Карантина в XIX в. Остались только небольшие пятна слоя римского вре-

мени и средневековья. В одном из них была найдена бронзовая монета императрицы Юлии Домны 198 г. н. э. — единственная монета Римской Империи, найденная на городище за время раскопок экспедиции Эрмитажа.

Раскопки 2008 г. на участке «М» должны были уточнить датировки восточной оборонительной линии Мирмекия, открытой в ходе работ В. Ф. Гайдукевича. Было открыто около 20 м² слоя. Открытые части кладок и вымостка относились к IV в. до н. э., что, в целом, подтверждает выводы Д. Е. Чистова относительно хронологии строительства стены вокруг города.

Основные усилия экспедиции в 2008–2013 гг. сосредоточились на раскопках на участке «И», где до этого проводились работы ограниченного характера. Основной задачей на этом участке, начиная с 2001 г., когда он был заложен в северной части раскопа В. Ф. Гайдукевича, было завершить изучение крупного городского квартала начала V вв. до н. э. Кроме того, исследовались остатки построек V–IV вв. до н. э., залежавших выше, в т.ч. т.н. остатки стен и вымосток «святылища Деметры». Наиболее масштабными были исследования сохранившейся части зольника II Мирмекия, которые дали огромное количество керамического материала.

В настоящее время выяснено, что самой ранней постройкой на этой территории была полуземлянка четырёхугольной формы со скруглёнными углами, относящаяся к третьей четверти VI в. до н. э. Ранее считалось, что территория раннего поселения заканчивалась примерно в сотне метров к западу. Ближе к рубежу VI–V вв. до н. э. вся землянка была засыпана, а поверх неё построен многокамерный комплекс, видимо, являющийся кварталом города. Квартал имел четырёхугольную форму, размерами примерно 20 × 33 м, общей площадью около 650 м². С востока он был ограничен улицей шириной около 2 м, частично покрытой каменной вымосткой, около северной части дома открыт небольшой каменный тротуар. В настоящее время в составе квартала выявлены минимум три отдельных дома с вымощенными камнем дворами

и жилыми помещениями. Полы жилых помещений были покрыты толстыми глинистыми промазками. В ходе функционирования комплекс подвергался одной крупной перестройке, во время которой изменились очертания некоторых помещений и проведена подсыпка до 1 м грунта. Среди находок можно отметить фрагментированный железный акинак, открытый в промазках пола, а также фрагменты краснофигурных сосудов и терракот. Этот уникальный комплекс погибает в пожаре около второй четверти V в. до н. э.

От построек конца V – первой половины IV вв. до н. э. на участке сохранились только обрывки отдельных стен и всего несколько помещений, и около десятка ям. Также в центральной части участка расположен большой котлован, заполненный грунтом и остатками горелого дерева. В небольшом помещении размерами 1,56 × 2,4 м, явно части какой-то несохранившейся постройки, были найдены следы пожара и разрушения, во время которого на пол рухнула черепица. Впоследствии сооружение было перестроено, и поверх уровня разрушения сооружены известковые полы толщиной до 10 см, следы полов обнаружены также севернее и восточнее. Аналогичные полы характерны исключительно для «святилища Деметры» первой половины IV в. до н. э. Видимо, это комплекс был значительно больше, чем считалось ранее. Из находок этого времени можно упомянуть фрагменты чернолаковой чаши с надписью, найденные в разных частях раскопа и яме. Кроме того, в слоях второй половины V в. до н. э., перекрывавших позднеархаическую улицу, найден фрагмент стенки амфоры с пятистрочным граффито.

Сохранившиеся слои Зольника II исследовались в 2008–2011 гг. Общая площадь исследованного зольника составила около 200 м², при том, что на определённом этапе слои зольника пересыпались через западную стену, и его площадь возросла до 230–250 м². Кроме того, около ¼ его площади на исследуемом участке было уничтожено при строительстве укрытия военного времени и подъезда к нему, однако, эти полости были засыпаны слоем зольника, находки в котором легко отделяются от вещей во-

енного времени. Плотность слоёв зольника составила 3,1–3,4 м. Материал, добытый при раскопках, насчитывает более 350 000 фрагментов керамики, а также сотни монет, фрагментов костяных и металлических предметов, терракот, костей животных и других предметов. Выяснено, что наиболее интенсивно зольник функционировал в первой половине III в. до н. э., вероятно даже, в первые два десятилетия, хотя в дальнейшем продолжал использоваться вплоть до II в. до н. э. Кроме того, какая-то хозяйственная деятельность проводилась здесь и в римское время. Среди находок в зольнике следует отметить несколько сотен амфорных клейм, более 100 фрагментов терракот, множество фрагментов керамики с граффити и большое количество медных монет.

В 2006–2009 гг. активные работы велись на участке «ТС», возле скалы акрополя. Сама скала была очищена от грунта, в результате чего были найдены монеты и сосуды XIX в., в том числе следы французского лагеря времён Крымской войны. К сожалению, найдены следы взрывов камня, которые значительно изменили форму скалы. В перемешанном слое открыт уникальный фрагмент крупной каеи, вероятно, I в. н. э., скорее всего, происходивший из разрушенной грандиозной гробницы на мысу, сооружённой во II в. н. э. Чуть севернее края скалы культурный слой сохранился намного лучше.

Наиболее ранним комплексом здесь является уникальное для античного памятника погребение эпохи поздней бронзы, в грунтовой яме с обкладкой из рваного камня. Покойный лежал на правом боку, в инвентарь входили лепной горшок и кости птиц. Данная находка ставит точку в вопросе об освоении Карантинного мыса в догреческое время. Любопытно, что один из камней обкладки погребения впоследствии был встроен в стену позднеархаического дома. От VI в. до н. э. здесь найдены многочисленные фрагменты расписной керамики, а также следы нескольких печей. В начале V в. до н. э. здесь строится квартал наземных домов, от которого сохранились остатки кладок. К IV в. до н. э. видимо относятся три плиты от ограды какой-то

монументальной постройки, к сожалению, полностью разрушенной последующими перестройками. Возможно, к этому зданию относится фрагмент крупной мраморной скульптуры. Эти строительные остатки перекрыты полой «восточного» зольника, плотностью до 1,5 м, относящегося к III–I вв. до н. э., возможно, даже к более позднему времени. Среди находок можно отметить обломки рельефной посуды.

Значительные разрушения ранних слоёв на участке были сделаны в I в. н. э. в ходе строительства крупной усадьбы. Основой её была терраса, возможно эллинистическая в основе, шедшая по краю скалы (открытая длина около 24 м). Жилое здание, видимо, двухэтажное, разделённое на два помещения, вытянутое с севера на юг. Размеры дома 9 × 7,5 м, к северу от него находился мощный двор. Небольшая пристройка к западу имела хозяйственное значение, здесь найден вкопанный пифос. Похоже, ещё ряд помещений располагался дальше к западу по террасе. Судя по всему, ряд помещений продолжался и дальше на запад, которые и были открыты в ходе раскопок начала 1990-х гг. Не исключено, что с северной части эта усадьба доходит до развалин крупной башни, служившей основным узлом обороны комплекса. Постройки хорошо датированы нумизматическими находками. Также следует отметить фрагменты стеклянного сосуда мозаичного стекла. Постройки были разрушены не позже середины II в. н. э. и перекрыты слоем разрушения сырцово-

каменных стен. Античные слои пробиты ямами XIII–XV вв., и большой землянкой с уникальной для Крыма тёплой лежанкой, сделанной из сырца, — суфой.

В дальнейшем планах экспедиции — продолжить раскопки к северу от участка «ТС», а также завершить работы на участке «И».

Помимо археологических работ, экспедиция ведёт и экспозиционную деятельность. Благодаря сотрудничеству с Керченским историко-культурным заповедником, в 2005 году были проведены две выставки в залах Государственного Эрмитажа: «Мирмекийский клад», посвящённая кладу кизикинов и «Мирмекий в свете последних археологических исследований», обращённая к другим работам на городище [7; 18]. Выставки вызвали большой интерес посетителей музея.

В заключение хотелось бы отметить, что сотрудничество с Керченским историко-культурным заповедником далеко не исчерпывалось подготовкой выставок. Оно началось ещё с довоенной поры, когда его сотрудники помогали организовать экспедицию и принимали живейшее участие в её работах. Такая ситуация сохранилась и в послевоенные годы. С образованием экспедиции Государственного Эрмитажа к этому добавилось и тесное сотрудничество в музейной сфере. Надеюсь, что и в новых условиях эта старая дружба приведёт к новым формам сотрудничества и достижениям в археологической, научной и музейной деятельности.

Источники и литература

1. Бутягин А. М. Акрополь Мирмекия в свете археологических исследований / А. М. Бутягин // Боспорские исследования. — Вып. 13. — 2006. — С. 16–30.
2. Бутягин А. М. Западная окраина Мирмекия в свете последних археологических исследований / А. М. Бутягин // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. — Керчь, 2001. — с. 78–80
3. Бутягин А. М. Клады античного Мирмекия / А. М. Бутягин // Сообщения Государственного Эрмитажа. — Вып. LXII. — 2004. — С. 86–91.
4. Бутягин А. М. Последние жители античного Мирмекия (усадьба III в. н. э. на Карантинном мысу) / А. М. Бутягин // Материалы VI Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. — Керчь, 2005. — С. 32–36.
5. Бутягин А. М. Средневековый некрополь Мирмекия / А. М. Бутягин // Материалы IV Боспорских чтений. Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. — Керчь, 2003. — С. 38–41.
6. Бутягин А. М., Бехтер А. П. Новые надписи из Мирмекия / А. М. Бутягин, А. П. Бехтер // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический очерк памяти Я. В. Доманского. — СПб, 2007. — С. 72–81.

7. Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. История и археология древнего Мирмекия / А. М. Бутягин, Ю. А. Виноградов // Мирмекий в свете новых археологических исследований. — СПб., 2006. — С. 4–51.
8. Вахонеев В. В. Средневековая крепость Пондико в Восточном Крыму / В. В. Вахонеев // Пресеминарий. Медієвістика, історія Церкви, науки та культури. — Вип. 6. — Київ, 2007. — С. 5–22.
9. Виноградов Ю. А. Мирмекий / Ю. А. Виноградов // Очерки археологии и истории Боспора. — М., 1992. — С. 99–120.
10. Виноградов Ю. А. Укрепление акрополя Мирмекия (предварительные итоги изучения) / Ю. А. Виноградов // Фортификация в древности и Средневековье. Материалы методологического семинара ИИМК. — СПб., 1995. — С. 33–36.
11. Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия / Ю. А. Виноградов, С. Р. Тохтасьев // Вестник древней истории. — 1. — 1994. — С. 54–63.
12. Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора: Мирмекий. / В. Ф. Гайдукевич / Л., 1987. — 182 с.
13. Гайдукевич В. Ф. Археологическое изучение Мирмекия / В. Ф. Гайдукевич // Материалы и исследования по археологии СССР. — 4. — 1941. — С. 97–109.
14. Гайдукевич В. Ф. Мирмекийские зольники — эшары / В. Ф. Гайдукевич // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — Вып. 103. — 1965. — С. 28–37.
15. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритакта, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937–1939 гг. / В. Ф. Гайдукевич // Вестник древней истории. — 3–4. — 1940. — С. 300–317.
16. Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. / В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская // Материалы и исследования по археологии СССР. — 4. — 1941. — С. 110–148.
17. Гайдукевич В. Ф., Михайловский К. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956–1958 гг. / В. Ф. Гайдукевич, К. Михайловский // Исследования по археологии СССР. — Л., — 1961. — С. 127–138.
18. Дятлова М. Н. Мирмекийский клад. Новые открытия на Боспоре эрмитажной археологической экспедиции. Каталог выставки. / М. Н. Дятлова / — СПб., 2004. — 120 с.
19. Butyagin A. M. Painted pottery from the early levels of Myrmekion (1992 field season) / A. M. Butyagin // Colloquia Pontica. — 2001. — Vol. 7. P. 179–198.
20. Butyagin A. M., Chistov D. E. The hoard of Cyzicenes and shrine of Demeter at Myrmekion / A. M. Butyagin, D. E. Chistov // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. — 2006. — Vol. 12, № 1/2. — P. 77–131.
21. Vinogradov Yu. A., Butyagin A. M., Vakhtina M. Y. "Myrmekion – Porthmeus", Grammenos, D. V. / Yu. A. Vinogradov, A. M. Butyagin, M. Y. Vakhtina / – Petropoulos, E. K. (eds), Ancient Greek Colonies in the Black Sea, 2. – Thessaloniki, 2003, – P. 821–840.

This year 80 years to the beginning of systematic excavations of Myrmekion are celebrated. Now the monument is investigated by expedition of the State Hermitage in close cooperation with the Kerch museum. Results of works significantly increased our knowledge about ancient Northern Black Sea Coast.

Key words: Archeology, antiquity, Myrmekion, Bosporan kingdom.

УДК 903.02 (477)

Н. А. Гаврилюк, Н. П. Тимгенко

Феномен лепной керамики античных центров Северного Причерноморья

Статья посвящена изучению коллекций лепной керамики (3193 экземпляров) из нескольких типичных античных центров Северного Причерноморья (СП). Мы использовали коллекции Тиры (Северо-Западный регион СП); Березани, Ольвии (НГС и ЮЗА сектора), поселения Большая Черноморка 2 (Нижних Побужья и Поднепровья); Чайки и Кульгука (Северо-Западный Крым); Нимфея и Китея (Восточный Крым). Таким образом, диапазон греческих СП полисов с лепной керамикой охватывает почти всю «античную» территорию СП с Европейским Боспором включительно. Данные сгруппированы в одиннадцать генетических классов: греческий, скифский, фракийский, херсонесский, кизил-кобинский, скифский лесостепной, «сарматский», боспорский, Северо-Кавказский, позднескифский (крымский). Временной диапазон коллекции охватывает одно тысячелетие. Показано, что лепная керамика появилась не у коренного населения, а среди первых греческих поселенцев СП в период архаики. Этот феномен лепной керамики обусловлен потребностями первых греческих колонистов. Также значительная часть лепной керамики встречается в среде греческого населения в периоды классической древности и раннего/позднего эллинизма.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, лепная керамика, античные центры; архаика, классика, эллинизм.

Начало исследований лепной керамики (ЛК) античных центров относится к 1950-м годам, когда практически одновременно вышло несколько специальных работ [19; 20; 17; 15]. Внимание к этой группе артефактов было обусловлено общим прогрессом археологической науки, когда стало возможным уделять внимание не только парадной, столовой, тарной гончарной керамике, но и другим, не исключая лепную, ее видам. Именно ЛК вносит существенный вклад в наши представления о керамике как наиболее массовой категории археологических находок. Тогда же был поставлен вопрос об этнокультурной идентификации носителей ЛК. В качестве его решения в первом приближении были высказаны соображения о варварском происхождении всей лепной посуды и ее бытовании исключительно в варварской среде. В своего рода гипотезу это предположение оформилось в работах Е. Г. Кастанаян 1980-х годов [18, с. 127, 128]. Указанное допущение о варварском характере происхождения и бы-

тования ЛК получило широкое распространение и находило поддержку вплоть до самого последнего времени [21; 22; 14].

Однако изучение коллекций ЛК из массовых материалов базовых античных центров Северного Причерноморья, расширение круга привлекаемых аналогий неизбежно привели к выводу о гораздо более сложном характере проблемы ЛК и установлении нескольких ее диахронных и синхронных дифференциаций. Спорными оказались вопросы об этнико-культурном происхождении ряда групп керамики, их роли в формировании лепного комплекса античных центров. Нами еще в 1981 г. было высказана идея о том, что лепные горшки с горлом в виде раструба впервые появляются не в скифских памятниках, а в архаичной Ольвии и ее округе [2, с. 17]. Таким образом, по мере накопления материала и погружения в его исследование, становится очевидным сложный характер вопроса об этнокультурной идентификации носителей ЛК.

В то же время, используемая классификация ЛК до сих пор исходит из внешних (в основном, геометрических) признаков сосудов, т. е. имеет подчеркнuto формальный характер. Такая типологизация не отражала социально-экономических, этнокультурных условий и особенностей существования населения, произведшего или использовавшего данный вид сосудов.

Целью предлагаемой работы является не усовершенствование или дополнение существующей формально-типологической классификации лепного керамического комплекса, а анализ и обобщение появления, развития и исчезновения характерных типов ЛК на фоне сложной картины интенсивного социально-экономического взаимодействия греческих и негреческих субстратов населения в макроэкономическом пространстве Северного Причерноморья (СП). Как установлено [3; 6], макроэкономика СП реализуется в результате взаимодействия в равной мере как степного варварского континуума, так и античного субстрата черноморской береговой линии. При изучении ЛК в статье уделялась одинаковое внимание ее «варварской» составляющей и факту, как нам сейчас представляется, ее органичного присутствия в керамическом комплексе любого античного центра.

В работе использованы результаты исследования коллекций Тиры (Северо-Западный регион СП); Березани, Ольвии (участки НГС и ЮЗА), Большой Черноморки 2 (регион Нижних Побужья и Поднепровья), Чайки и Кульчука (Северо-Западный Крым), Нимфея и Китея (Восточный Крым)¹. Таким образом, диапазон памятников охватывает практически все Северное Причерноморье с европейским Боспором включительно. В качестве количественных показателей в основном используются процентные соотношения основных групп керамики по указанным ключевым памятникам. Данные сгруппированы по одиннадцати генетиче-

ским группам — греческая, скифская, фракийская, херсонесская, кизил-кобинская, лесостепная, предскифская, «сарматская», боспорская, северокавказская, позднескифская (крымская) — и по хронологическому принципу. В табл. представлены результаты исследований 3193 экземпляров ЛК из 15 античных центров в диапазоне времени, исчисляемым одним тысячелетием.

Рассмотрим обобщенную в таблице коллекцию ЛК по античным памятникам, периодам архаики, классики, эллинизма, генетическим группам

Памятники *архаического периода* представлены материалами из слоёв Березанского поселения [4]; Ольвии, участок ЮЗА [8]; поселения Большая Черноморка 2 [12]. ЛК появляется в архаических слоях этих памятников с некоторым запозданием, о чем свидетельствуют батиметрические данные изучения заполнения землянок и полуземлянок участка ЮЗА в Ольвии и поселения Большая Черноморка 2 [12, с. 109–120]. Соотношение лепной керамики и гончарной кухонной керамики в античных памятниках архаики — $k_{ЛК/ГК}=1:7,8$, т. е. гончарной кухонной керамики в этих слоях больше, чем лепной почти в 8 раз. В округе Ольвии присутствуют греческая, скифская, фракийская, кизил-кобинская, лесостепная и предскифская группы ЛК (табл. 1).

Греческая группа лепной керамики многочисленна — ее процент в лепном керамическом комплексе 3 и 8,6 (Большая Черноморка 2 и Березань). В ольвийских землянках и полуземлянках — 50 %. Скифская группа присутствует лишь в слоях первых двух памятников — 8 и 14,3 %. В Ольвии она не зафиксирована. Стабильно присутствие фракийской керамической группы — 30–34,4 % в слоях указанных поселений и невысокий процент — 16,7 % — в Ольвии. Равномерно распределена по всем памятникам лесостепная группа ЛК — от 20,5 % до 32,8 %. Так называемая лощеная кизил-кобинская посуда присутствует в небольших количествах во всех памятниках ольвийского региона — не более 4 %. В Ольвии ее меньше, чем в других памятниках. Группа ЛК, связанная по происхождению с посудой предскифского периода, зафиксирована лишь

¹ Авторы благодарны коллегам - начальникам экспедиций, предоставившим для изучения коллекции лепной керамики: Т. Л. Самойловой, С. Д. Крыжицкому, Е. А. Поповой, С. Б. Ланцову, О. Ю. Соколовой, Е. А. Молеву.

Таблица 1. Распределение по периодам истории и по группам происхождения лепной керамики античных центров Северного Причерноморья в VI в. до н. э. – VI в н.э. (%)

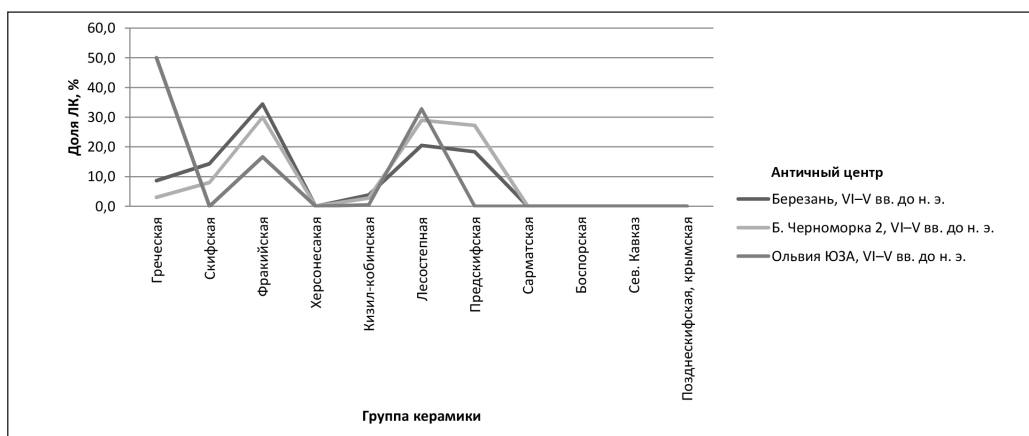
Период	Памятник	Группы керамики по происхождению											Количество абс., экз.		
		1. Греческая	2. Скифская	3. Фракийская	4. Херсонесская	5. Кизил-кобинская	6. Лесостепная	7. Предскифская	8. «Сарматская»	9. Боспорская	10. Сев. Кавказ	11. Позднескифская (крымск.)			
Архаика	1. Березань VI–V вв. до н. э. (А)	8,6	14,3	34,4	0,0	3,8	20,5	18,4						224	100
	2. Б. Черноморка 2 VI–V вв. до н. э. (А)	3,0	8,0	30,0	0,0	2,8	29,0	27,2						571	100
	3. Ольвия ЮЗА VI–V вв. до н. э. (А)	50,0		16,7	0,0	0,5	33,3							151	100
Классический	1. Китей IV–III вв. до н. э. (К)	73,0							0	27,0				343	100
	2. Чайка IV–III вв. до н. э. (К)	54,8	14,6	4,5	19,1				1,3	3,2		2,6	559	100	
	3. Ольвия ЮЗА IV–III вв. до н. э. (К)	86,7	0	13,3	0										100
Эллинизм и после него	1. Китей II–I в.в. до н. э. (Э)	67,0								33,0					100
	2. Китей I–II вв. н.э. (Э)	44,0								35,0	21,0				100
	3. Китей III–VI вв. н.э. (Р)	22,0								62,0	16,0				100
	4. Нимфей (Э)	40,0		6,9						11,9		41,3	160		100
	5. Чайка II в. до н. э. – II в. н.э. (Э)	9,2	1,4	6,4	3,6					9,9		69,5			100
	6. Кульчук (Э)	31,1	24,1	2,8	6,0					0,4	0,0	35,7	182		100
	7. Ольвия НГС (Э)	76,0	15,6	8,5										603	100
	8. Ольвия ЮЗА (Э)	88,4	11,7												100
	9. Тира (Э)	44,8	16,3	38,3					0,3			0,5	400		100
Итого:												3193			

в материалах поселений (до 27 %). В Ольвии она не замечена.

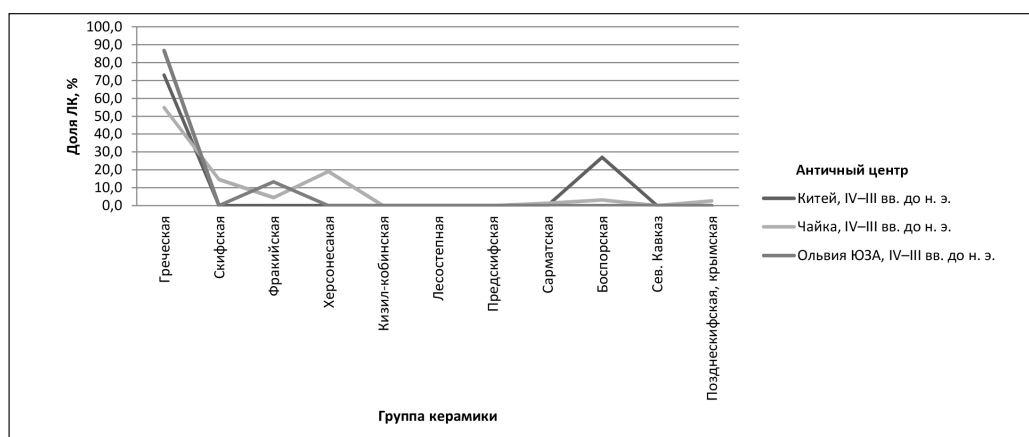
Таким образом, лепная посуда периода архаики (рис. 1) представлена в полной мере материалами Ольвии ее окружи. В самом городе половину ЛК составляет греческая группа. Присутствуют (по мере убывания) лесостепная, фракийская и чернолощенная кизил-кобинская посуда. Спектр ЛК поселений периферии несколько отличается от ольвийского. Здесь преобладала фракийская и лесостепная группы ЛК, присутство-

вала предскифская и скифская. Процент греческой ЛК не превышал 9, а кизил кобинской — 4.

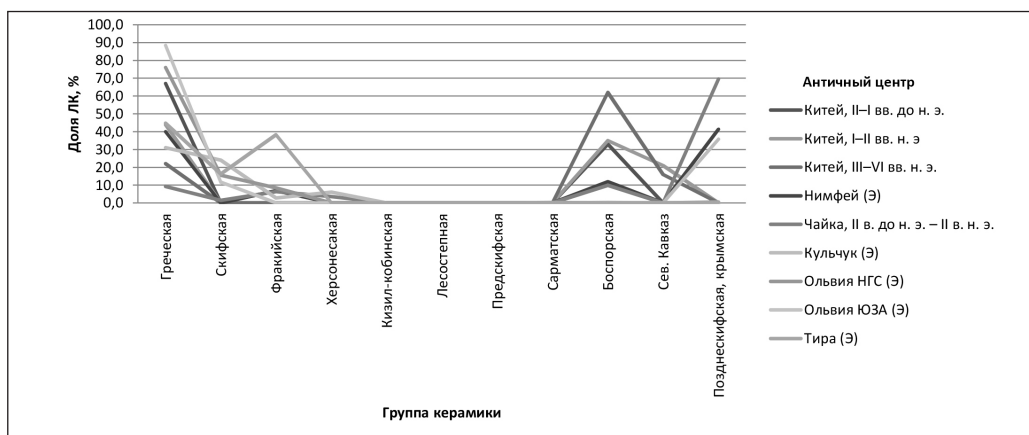
Классический период представлен материалами из основных регионов распространения античности в Северном Причерноморье: Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья — Ольвии (участок ЮЗА) [8]; Северо-Западного Крыма — Чайки (материалы греческого поселения, [9] и Европейского Боспора — ранние слои Китея [11]. Особенность лепного керамического ком-

Рис. 1. Состав по группам происхождения лепной керамики в античных центрах Северного Причерноморья в период архаики (VI–V вв. до н. э.)

Рис. 2. Состав по группам происхождения лепной керамики в античных центрах Северного Причерноморья в период архаики (IV–III вв. до н. э.)

Рис. 3. Состав по группам происхождения лепной керамики в античных центрах Северного Причерноморья в период эллинизма и после него (II в. до н.э – VI в н.э.)

плекса этого времени — его малочисленность по сравнению с последующим периодом. Соотношение лепной и гончарной кухонной посуды в слоях классического периода античных центров Северного Причерноморья — $k_{ЛК/ГК}=1: 3,4$.

В классическом периоде истории СП отмечены такие группы ЛК (таблица): преобладающая греческая (от 55 % — Чайка) до почти 87 % (Ольвия); фракийская (зафиксированная в Ольвии — 13,3 %) и в материалах греческого поселения Чайка (4,5 %); скифская (зафиксирована лишь в классических слоях Чайки — 14,6 %). В слоях IV–III вв. до н. э. греческого поселения Чайка отмечается присутствие ЛК, которая совершенно не характерна для всех других рассмотренных античных памятников, — подражание херсонесским гончарным пифосам и кувшинам (19,1 %). В этот период появляется «сарматская» лепная посуда (1,3 %); позднескифская крымская (2,6 %). Отмечено проникновение в памятники Западного Крыма боспорских керамических форм, преимущественно, лепных котлов и мисок (3,2 %).

Т. е. в классический период греческая керамическая группа составляет большую часть лепного керамического комплекса всех античных центров (рис. 2). В этот период формируются территориальные особенности набора лепной посуды: так, на Боспоре (Китей) греческую группу дополняет лишь местная боспорская посуда. В материалах чайкинского греческого поселения греческая группа составляет чуть больше половины. Набор лепной керамики этого памятника заметно дополнен также посудой, имеющей аналогии во фракийских, скифских, боспорских памятниках. Влияние «сарматских» памятников представляется весьма незначительным процентом. Но в это время, по-видимому, начинает формироваться и позднескифская крымская группа.

В *период эллинизма* количество ЛК в слоях всех античных памятников Северного Причерноморья возрастает, но соотношения лепной и гончарной керамики сохраняется — $k_{ЛК/ГК}=1:3$. Здесь использованы данные по материалам Тире [5]; Ольвии (участок НГС) [23]; позднескифского горо-

дища Чайка; из башни на городище Кульчук [7]; соответствующих слоев боспорских городов Китея [11] и Нимфея [13]. Лепной керамический комплекс этих памятников, по сравнению с предыдущими периодами, более разнообразный. Здесь представлены материалы восьми генетических групп. Во всех античных центрах присутствовала лепная посуда греческой группы — от 30 % (Кульчук) до 88 % (Ольвия). Особняком стоит позднескифское городище на территории санатория «Чайка», в лепной керамике которого греческая группа составляет 9,2 %. Такое сокращение греческой ЛК объясняется сменой населения на городища Чайка и появлением здесь позднескифского населения. В Ольвии, Тире, Кульчуке и Чайке присутствует лепная керамика скифской группы (11–25 %). Фракийский компонент (от 2 до 6 %) присутствует в материалах всех памятников, кроме боспорского Китея. Противоположную картину представляет Тира, где фракийская керамическая группа составляет около 40 %. Подражание гончарной керамике Херсонеса зафиксированы в слоях башни городища Кульчук и в материалах городища «Чайка». Примесь боспорской лепной керамики заметна в материалах Китея (около 60 %), Нимфея (12 %) Чайки (около 10 %). В. П. Власовым отмечено проникновение северо-кавказской (аланской) лепной керамики в лепные комплексы боспорских городов [1]. В лепной посуде Китея такая керамика составляла от 16 до 21 %. В материалах эллинистического периода Кульчука, Нимфея и Чайки значительную часть (от 35 до 70 %) лепного керамического комплекса составляет керамика позднескифской крымской керамической группы. Не достигает и 1 % примесь «сарматской» лепной посуды в керамическом комплексе эллинистической Тире (таблица)

Таким образом, в эллинистический период уже четко прослеживаются особенности керамических комплексов отдельных регионов Северного Причерноморья (рис. 3). Так, для Северо-Западных памятников на фоне постоянного присутствия греческой керамической группы отмечен значительный процент скифской и, особенно, фракийской керамики. В Ольвии греческая

керамическая преобладала на участке НГС. Здесь отмечена примесь скифской и фракийской посуды, а на участке ЮЗА — только скифской. Лепной керамический комплекс памятников Северо-Западного Крыма характеризуется уменьшением греческой керамической групп и увеличением количества позднескифской крымской керамики. В составе лепной керамики Европейского Боспора отмечена тенденция уменьшения греческой группы и возрастание количества боспорской ЛК, а также проникновения на Боспор ЛК, характерной для археологических культур Северного Кавказа.

Таким образом, в период эллинизма в распространении и соотношении групп ЛК наблюдаются следующие особенности. Количество *греческой* лепной посуды в районе Ольвии всегда велико — от 50 % в архаику до почти 90 % в период эллинизма. Эта группа ранее присутствовала во всех памятниках Северного Причерноморья. Однако в период эллинизма в Северо-Западном Крыму она была заметно потеснена позднескифской крымской лепной посудой, а на Боспоре — местной боспорской.

Фракийская группа в небольшом числе присутствует в памятниках всех регионов. Однако в периферийных районах Ольвии периода архаики процент лепной посуды этой группы близок к 30, а в Тире эпохи эллинизма — до 40 %. *Херсонесская* группа посуды характерна для Северо-Западного Крыма, где она появляется в классический период (19 % в материалах городища Чайка). В эллинистический период ее количество в памятниках региона заметно сокращается. *Боспорская* группа ЛК появляется в материалах античных центров в классический период, в качестве примесей она присутствует в материалах Чайки. *Позднескифская крымская* группа ЛК в значительной мере представлена в материалах античных памятников Северо-Западного Крыма.

Выводы. Для понимания процессов формирования лепного керамического комплекса СП в архаическое время большое значение имеет выделенная нами еще в 1980-х годах группа *предскифской* лепной керамики. Отчетливее всего она представлена материалами Ольвийской округи, в кото-

рой в период архаики фиксируются следы присутствия немногочисленного предскифского населения. В то же время, в материальной культуре, в частности, в керамическом комплексе самой Ольвии свидетельств обитания представителей местного, предскифского населения пока не найдено.

В среде первых греческих переселенцев в СП лепная керамика появляется в период архаики. По-видимому, в то время, когда доставка гончарной керамики (кроме тарной и расписной) из метрополии была затруднена (заблокирована? не выгодна?), а местное гончарное керамическое производство еще не было налажено, ЛК восполняла естественную убыль гончарной кухонной посуды. В архаике, когда СП было еще слабо заселено кочевыми скифами, формируется группа ЛК, которую мы квалифицируем как *греческую*. Другими словами, в СП значительная часть ЛК возникает в среде греческих переселенцев, т. е. имеет греческие корни. При этом, появление греческой лепной керамики должно интерпретироваться как событие, имеющее не этнокультурное, а экономико-социальное содержание. Т. е. феномен ЛК античных центров СП первоначально обусловлен экономическими потребностями греческих колонистов.

В дальнейшем, практически на протяжении всего периода существования античной культуры в Северном Причерноморье, начиная с архаики, в составе керамического комплекса античных памятников непременно присутствует авторизованная греческая лепная керамика, т. е. ЛК, произведенная в греческой среде по греческим гончарным образцам.

На протяжении всего античного периода в составе ЛК античных памятников присутствует ЛК, отражающая варварское влияние на бытовую культуру греческого населения. Начало изучения лепной керамики было положено исследованиями крымских памятников И. Т. Кругликовой, Е. Г. Кастанаян, О. Д. Дашевской в 1950-х годах. О фракийском следе в архаических слоях приольвийских памятников впервые начал писать К. К. Марченко. Нами в свое время была выделена и исследована собственно скифская группа ЛК ольвийского хинтерланда.

Для памятников Северо-Западного Крыма характерно культурное влияние херсонесских греков (дорический след), в частности, появляются лепные подражания образцам херсонесского гончарного производства. В классический период здесь зарождается позднескифский крымский лепной керамический комплекс.

Аналогично, на Боспоре создается свой (боспорский) набор лепной посуды, в котором проявляется влияние восточных соседей.

Часть локальных вариантов ЛК формируется в результате взаимодействия греческой и местной бытовых культур.

Боспорская возникает на территории, скорее всего, азиатского Боспора и появляется на его европейской части в IV–III вв. до н. э. В этот же период она распространяется по всему Крымскому полуострову, вплоть до его северо-запада.

Комплекс «позднескифской» (весьма условное понятие) лепной керамики формируется в Северо-Западном и Центральном Крыму [16] и сильно отличается от ЛК позднескифских городищ Нижнего Поднепровья [10].

Значение «сарматской» посуды явно преувеличено. С большим запозданием (появляется лишь в III–VI вв. н.э.) она расширяется до 21 % за счет появления в боспорских памятниках северо-кавказской (аланской) лепной посуды. Указанный факт был за-

мечен В. П. Власовым и подтверждается нашими результатами исследования комплекса ЛК Китея.

В эллинистический период фиксируется феноменальный рост количества лепной посуды во всех античных центрах (табл., рис. 3). Особенность керамического комплекса этого периода — его четкое районирование и формирование территориальных особенностей.

Таким образом, доминировавшая в антиковедении в течение нескольких десятилетий гипотеза о варварской принадлежности ЛК на массовом материале подтверждается лишь частично. Как уже отмечалось в п.п. 2–4, в лепном керамическом комплексе всех античных центров Северного Причерноморья присутствует греческая группа лепной посуды, обусловленная экономическими потребностями, а не проявлением этничности населения.

О присутствии местного населения (не только скифского, но и предскифского, фракийского, крымского или боспорского) варварского населения можно говорить лишь в том случае, если оно подтверждается другими данными. Наличие ЛК является необходимым, но явно недостаточным условием наличия негреческой прослойки в античных центрах СП.

В связи с накоплением обобщений постепенно лепной комплекс приобретает черты самостоятельного полноценного источника.

Список сокращений:

БИ — Боспорские исследования
ДБ — Древности Боспора
МАИЭТ — Материалы по археологии и этнографии Таврии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НТШ — Наукове товариство ім. Т. Шевченка
САИ — Свод археологических источников

Источники и литература

1. Власов В. П. Боспор и миграционные процессы в Крыму в первые века н. э. / В. П. Власов // БИ. — XVI — 2007. — С. 191–202.
2. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика Степной Скифии / Н. А. Гаврилюк. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1981. — 18 с.
3. Гаврилюк Н. А. История экономики Степной Скифии / Н. А. Гаврилюк. — Киев, 1999. — 424 с.
4. Гаврилюк Н. О. Проблема співвідношення «грецького» та «варварського» компонентів матеріальної культури (за матеріалами ліпної кераміки поселення на о. Березань) / Н. О. Гав-

- рилюк // Записки НТШ. — Т. ССLIII. — Львів, 2007. С. 335–352.
5. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика Тиры / Н. А. Гаврилюк // Тира. Белгород. Аккерман (материалы исследований). — Одесса, 2010. — С. 11–47.
  6. Гаврилюк Н. А. Экономика Степной Скифии VI–III вв. до н. э. / Н. А. Гаврилюк. — Киев, 2013. — 708 с.
  7. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика из башни на поселении Кульчук в Северо-Западном Крыму / Н. А. Гаврилюк // Причерноморье в античное и средневековое время. Сб. научных трудов, посвященный 65-летию профессора В. П. Копылова. — Ростов-на-Дону, 2013а. — С. 341–361.
  8. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика / Н. А. Гаврилюк // Жилые дома Центрального квартала в районе Ольвийской агоры // МА-ИЭТ. — Supplementum. — Симферополь, 2014 — в печати.
  9. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика городища «Чайка» / Н. А. Гаврилюк — в печати.
  10. Гаврилюк Н. А., Абикулова М. И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья / Н. А. Гаврилюк, М. И. Абикулова. — Киев, 1991. — Ч.1 и 2. — 96 с.
  11. Гаврилюк Н. А., Молев Е. А. Лепная керамика Китая / Н. А. Гаврилюк, Е. А. Молев // ДБ. — Вып. 17. — М., 2013. — С. 65–110.
  12. Гаврилюк Н. А., Отрешко В. М. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка II / Н. А. Гаврилюк, В. М. Отрешко // Древности Степной Скифии. — Киев, 1982. — С. 75–91.
  13. Гаврилюк Н. А., Соколова О. Ю. Лепная керамика Нимфея / Н. А. Гаврилюк, О. Ю. Соколова // Античный мир и варвары на юге Украины и России. Скифия. Ольвия. Боспор. — Москва-Киев-Запорожье, 2007. — С. 258–343.
  14. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. / Отв. ред, Марченко К. К. — СПб., 2005 — 463 с.
  15. Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма / О. Д. Дашевская // МИА. — № 64 — 1958. — С. 248–272.
  16. Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму / О. Д. Дашевская // САИ. — Вып. Д 1–7. — 1991. — 140 с.
  17. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки / Е. Г. Кастанаян // МИА. — № 25 — 1952. — С. 249–289.
  18. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов / Е. Г. Кастанаян. — Ленинград, 1981. — 175 с.
  19. Кругликова И. Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины / И. Т. Кругликова // МИА. — № 19. — 1951. — С. 87–106.
  20. Кругликова И. Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города / И. Т. Кругликова // МИА — № 33. — 1954 — С. 78–113.
  21. Марченко К. К. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII–V вв. до н. э. / К. К. Марченко // Художественная культура и археология античного мира. — М., 1976. — С. 157–166.
  22. Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. — Ленинград, 1988. — 140 с.
  23. Gavrylyuk N. A Handmade pottery / N. A. Gavrylyuk // The Lower City of Olbia (Sektor NGS) in the 6th century BC to the 4th Century AD / ed. N. A. Lejpunskaia, Pia Guldager Bilde, Jakob Højte, V. V. Krapivina & S. D. Kyzickij. — Aarhus, 2010. — P.325–335.

The paper is devoted to the consideration of the collections of handmade pottery (3193 pieces) from some typical antique centers of the Northern Black Sea Area (NBSA). We used the collections of Tyra (Northwest Region of NBSA); Berезan', Olbia sites (NGS and UZA sectors), settlement of Bolshaya Chernomorka 2 (Bug River and the Lower Dnieper Areas); Chaika and Kul'chuk (Northwestern Crimea); Nymphaeum and Kytai (Eastern Crimea). Thus, the range of NBSA Greek poleis with homemade pottery covers almost completely "antique" territory of NBSA with the European Bosphorus inclusive. The data are grouped in eleven genetic classes: Greek, Scythian, Thracian, Khersones, Kizil-Koba, Scythian Forest steppe, "Sarmatian", Bosphoran, North Caucasian, Late Scythian (Crimean). The time range of collection encompassed one millennium. Handmade pottery did not appeared within indigenous population but among first Greek settlers of NBSA in the Archaic time. This phenomenon of handmade pottery caused the economic needs of the first Greek colonists. Also, a significant quantity of the handmade pottery was found among Greek population in times of Classical antiquity and the Early/Late Hellenism..

Key words: the Northern Black Sea Area, handmade pottery, antique centers, Archaic time, Classical antiquity, Hellenism

УДК 7.04

Е. А. Савостина

Иконография скифской битвы и «боспорский стиль»: новый повод для обсуждения проблемы

Новая находка золотого предмета в скифском кургане Ставрополья (2013) позволяет вновь обратиться к проблеме иконографии, стиля и производства произведений искусства в Причерноморье. В статье обсуждаются особенности двух работ: монументального рельефа из раскопок Юбилейного и предмета неясного назначения («тиары»?) из скифского кургана Передериева Могила IV в. до н. э. Изображения на обеих работах посвящены различным «скифским» сюжетам, связанным с рассказами Геродота, однако в плане иконографических решений и стиля оба изображения близки. По ряду признаков они объединяются в одно направление известного в Причерноморье искусства, условно названного «боспорским стилем». Новая находка ставропольцев служит подтверждением предыдущих наблюдений и не противоречит гипотезе о боспорском производстве характерных предметов торевтики, в художественном отношении близких монументальному фризу, также изготовленному мастерами Боспора.

Ключевые слова: античная торевтика, скульптура, боспорский стиль, иконография, сюжеты Геродота

Неожиданное сенсационное открытие 2013 года, сделанное ставропольскими археологами под руководством А. Б. Белинского при исследовании ограбленного еще в XIX в. кургана¹, позволяет рассмотреть не только скифский контекст представленного материала (что установлено авторами раскопок), но и обратиться к реалиям культуры другого мира — античного Боспора.

Особенный интерес в этой связи вызывает полусферический, с усеченным верхом, золотой предмет из раскопок ставропольцев, на котором в рельефе изображены сцены битвы². Об их содержательной части сейчас не будем говорить, это право абсолютно принадлежит первооткрывателям, но поскольку данный материал уже был широко представлен публике в прессе, в репор-

таже о пресс-конференции, выложенном на Youtube (август 2013), был сделан доклад в ИА РАН (март 2014), о самой вещи уже составилось достаточное впечатление, и невозможно игнорировать ее существование в связи с обсуждением актуальных проблем искусства Причерноморья. Далее постараюсь пояснить, чем эта вещь так привлекательна на фоне общей панорамы развития боспорской античности.

Как отмечает А. Б. Белинский, предмет из комплекса ставропольских находок имеет бесспорную аналогию в памятнике из скифского кургана «Передериева Могила» середины IV в. до н. э. — знаменитом «загадочном предмете» — ворворке, крышке ритуального сосуда, шлеме или тиаре³. Замечание кажется справедли-

1 Археологическая экспедиция ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края.

2 Об этой уникальной находке мне стало известно совсем недавно, и именно под впечатлением от нее сделан выбор темы для обсуждения в Керчи, на Боспорской конференции. Автор раскопок, А. Б. Белинский, в ответ на мою просьбу о разрешении упомянуть этот предмет, выразил свое согласие. Благодарю Андрея Борисовича и питаю надежду, что анализ антично-

го контекста замечательной находки сможет пригодиться ему в дальнейших исследованиях.

3 www.youtube.com, ставропольские археологи&path=wizard, 15 августа 2013.

Находка 1988 г.; «тиара»: [1]; «ворворка»: [2]; ритуальный сосуд [см.: 3; 4]; «шлем»: [5, Кат. 124. S. 256]. Далее будем называть этот предмет «тиарой», дабы отличать от «предмета» из новых раскопок.

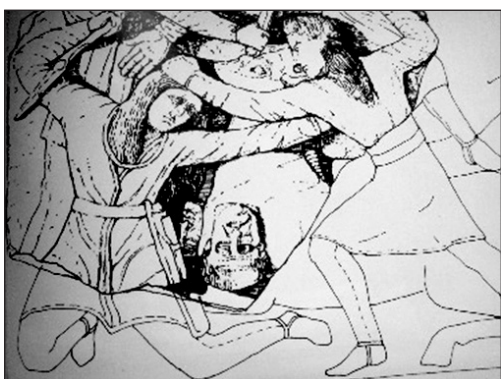

Рис. 1. Схема «нападающий воин»
1. а — изображение на рельефе
1. б — изображение на тиаре

Рис. 2. Положение рук
2. а — изображение на рельефе
2. б — изображение на тиаре

Рис. 3. Схема «персонаж на коленях».
3. а — изображение на рельефе (реконструкция) 3. б — изображение на тиаре

вым. В этом сходстве, собственно, и заключена причина проявления к новой находке столь живого интереса: возникает повод вновь обсудить и «загадочный предмет» и

его особенности на общекультурном фоне Причерноморья.

По моим наблюдениям, изложенным ранее, ювелирная «тиара» из Передерие-

вой Могилы особыми родственными узами связана с произведением монументальной скульптуры — известняковым рельефом со сценами битвы из Юбилейного, также относящимся к IV в. до н. э. [6]. По сюжету они различны: каменный рельеф представляет амазономахию — битву бежавших с греческих кораблей и разбойничавших в степях амазонок со встретившимися им молодыми скифами («скифомахия», как остроумно назвал сюжет Ян Боузек) [7]; выполненные же в технике тиснения и гравировки рельефы на тиаре посвящены эпизодам из известного рассказа о битве старых и молодых скифов⁴. У каждого из этих изображений может быть несколько исследовательских трактовок, как, собственно, и сложилось в формирующейся по этому вопросу историографии [9]. Однако не только такое обстоятельство, как выбор темы сближает их, но также явно близкие иконография и стиль исполнения.

Иконография

Об иконографии «греко-скифских» произведений из драгоценных металлов исследователями говорится немного [10, с. 14 сл.]⁵. Больше внимание уделяется толкованию сюжета, трактовке скрытого смысла художественных сцен и символической взаимосвязи структурных частей композиции сложных произведений. Каспар Мейер, рассматривая сцены греко-скифского искусства, отмечает все же некоторые иконографические особенности. По его мнению, в большинстве представленных «скифских» сцен очевидна иконография возраста. Она передается такими физиогномическими чертами, как нависающие брови и глубокие носогубные складки в трактовке лиц персонажей почтенных лет [12]. Изображение возраста в персонажах Пекторали отмечает и М. В. Русяева [11, с. 440]. К сказанному следует добавить и другие наблюдения, сде-

ланные при сопоставлении наших памятников. Например, то, что борода (или ее отсутствие) также подчеркивает в сценах возраст мужчин. Можно найти и признаки гендерной визуализации: мягкие черты лица одних безбородых персонажей, контрастирующие с более твердыми подбородками, брутальными лицами других, говорят о том, что иконографически среди участников битвы выделены женщины и мужчины, а среди мужчин определены молодые и старые. На рельефе и тиаре движения женщин более плавные, обтекаемы их бедра, именно они (как мне кажется) во всех сценах показаны на коленях, т. е. поверженными.

В сопоставляемых произведениях ясно выделяется одна из общих иконографических схем: атакующий воин на рельефе и на тиаре в резком наклоне, голова в профиль, фронтальный разворот спины, правая рука занесена для удара (рис. 1 а–б). Еще одна формула — положение вытянутых рук воинов, изображенных параллельно (одна над другой) или в одну линию (тиара), напряженных, как пружина, передает накал борьбы, драматизм противостояния (рис. 2 а–б). Характерны варианты схемы изображения воинов на коленях (предполагаем в них фигуры женщин (рис. 3 а–б), двое из трех персонажей (на рельефе и тиаре) украшены обручами-гривнами. На этих воинов совершается нападение, противник хватает их за волосы, они отбиваются, — и это еще два общих иконографических элемента в используемом репертуаре средств изображения битвы.

Несохранившаяся на монументальном рельефе нижняя часть композиции была реконструирована графически в двух вариантах: во втором воин опирается на согнутую правую ногу, поджав ее под себя таким образом, что виден мысок сапожка. Любопытно, что и на тиаре встречаются оба варианта позы сидящей фигуры. А это означает, что мастера варьировали схемы, создавали новые ракурсы фигур, изменяли детали, дополняли художественный рассказ новыми подробностями. Определенная творческая свобода чувствуется в интерпретации сюжета и в других изображениях на рельефе и на тиаре, в эмоциональных характеристиках различных персонажей. Кроме того, на

4 Этот миф был определен еще Б. Н. Граковым как тема изображения на тисненой обкладке горита из кургана Солоха [8].

5 Эту тему последовательно рассматривает М. В. Русяева [4; 12]: на с. 439 [12] автор перечисляет сюжетные и стилистические аналогии изображениям в скифской торевтике и говорит об этом в общем, к сожалению, не приводя их детального сопоставления, не обсуждая проблемы цитирования иконографических схем. Возможно, это сделано в каком-то предшествующем исследовании, здесь же показан результат.

тиаре она отразилась в живописной передаче пейзажа: среды, на фоне которой разворачиваются передаваемые события.

Композиционные решения сцен скифской битвы в рассмотренных памятниках различны, но художественное происхождение темы восходит к репертуару греческого искусства, и поиск античных прототипов и параллелей приводит к сценам амазономании (вазопись и фриз Галикарнасского мавзолея, особенно блок 1015 — положение рук)⁶ Амазонки, хотя и не относились к скифам, тоже были негреками: жили в Малой Азии, на реке Фермодон [14, р. 460], и одежда у них была негреческая. На вазописи даже часто «скифская», как ее представляли себе вазописцы архаики: штаны, длиннополый кафтан и еще хитон [14, р. 586]. Вероятно, поэтому иконографические формулы сцены битвы с их участием легко адаптировались к скифским сюжетам, выбранным и для монументального рельефа, и для торевтики, и были трактованы и изменены применительно к этим случаям. Здесь уже амазонок, изображенных на рельефе, пришлось нарядить в настоящие скифские кафтаны (по Геродоту, они захватили одежду и коней местных племен, странствуя по степи).

Стиль

Результаты проведенного сравнительного анализа двух произведений — продукции скульптора и продукции златокузнеца — позволили выявить в них стройную систему признаков [15]. Устойчивое сочетание черт архаической стилизации форм, классической иконографии и композиции с классическим, уже «литературным» сюжетом, а также с близкой изобразительной манерой, несомненно, свидетельствует о принадлежности памятников к одному направлению в искусстве. Поскольку боспорское происхождение монументального рельефа установлено, данное направление в пластике Северного Причерноморья в свое время было предложено определить как «боспорский стиль» [6, с. 323–325].

Что же представляет собой данный стиль как художественное явление? В общем плане это направление, проявившееся в ряде произведений скульптуры, характеризуется архаическим подходом к решению объема. Ему свойственны фронтальность в построении фигур, линейность как контурная основа объемов, ограниченность элементов единой структуры, декоративность, достигаемая путем тщательной разработки деталей, подчеркивающей их знаковую. Кроме того, в этом направлении сочетается несколько стилевых составляющих, принадлежащих разным эпохам. Помимо архаики это могут быть черты всех этапов классики, — то есть, изобразительные элементы, относящиеся к периодам более ранним, чем тот, в течение которого была выполнена вещь.

Развивающийся в ограниченном культурном пространстве с эпохи поздней архаики этот локальный стиль лишен стилистической чистоты в классическом понимании, однако, в известном смысле, сложение боспорского стиля подтверждает тезис Ричарда Нира о том, что классика не представляла собой фундаментального разрыва с ценностями, воплощенными в архаической скульптуре, «не отвергала архаическую форму, но вырастала из нее» [16; р. XIV, 262]. Мы наблюдаем, таким образом, процесс этого «вырастания», происходящий на периферии античного мира. Особенности боспорского стиля обусловлены источниками стилистических влияний в рассмотренных памятниках середины IV в. до н. э. — эпохи поздней классики.

Взаимосвязь художественных памятников с литературно-мифологическим источником

Конкретные сюжеты и сцены на рельефе и на тиаре отличаются друг от друга, но художественная идея и главная тема их близки. Древние мастера не составляли сюжетов, не обращая при этом к мифологическому или эпическому источнику — нарративному или устному. Изображения на обоих предметах, так или иначе, связаны с рассказами о скифах, изложенных Геродотом. Как считается, сюжеты о скифах были

⁶ Об этом основательно и подробно ряд авторов уже высказались в специальном издании [13].

почерпнуты им из неких местных трудов, существовавших в V в. до н. э. Приобретя, благодаря тексту Геродота, широкую известность, эти локальные мифологические сюжеты получили распространение в искусстве — так в свое время сюжеты Троянской войны, знакомые по неаттической вазописи, согласно исследованиям Ф. Йогансена, еще в конце VII в. до н. э.⁷, приобрели необыкновенную популярность в Аттике в конце VI в. до н. э. во всех видах греческого искусства: в скульптуре, торевтике, вазописи, после того как при Писистрате были «приведены к общему знаменателю» и записаны поэмы Гомера.

Распространение изделий с геродотовыми сюжетами о скифах с IV в. до н. э. мы также наблюдаем в Северном Причерноморье и в скульптуре, и в торевтике. В художественной металлообработке оно имело более узкую, определенную целевую адресацию: работы златокузнецов известны у скифов, на территории скифов и были найдены среди принадлежащей скифам утвари в их погребениях⁸.

Своеобразные произведения, декорированные сюжетами на «скифские» темы, стали известны научной общественности еще в XIX в. Этнографический колорит и специфика географии находок способствовали возникновению специального термина для обозначения их как отдельного явления, которое получило название греко-скифское искусство. В недавней работе Каспара Мейера, обратившегося к этой проблеме, автор уделяет должное внимание истории возникновения и сути самого термина [12, р. 2]. По его словам, словосочетание «греко-скифское искусство» появилось в XIX в. «для обозначения класса престижных вещей, соединяющих традиционные евразийские объекты с прекрасными и на-

туралистичными изображениями классического греческого искусства» [12, р. 2]. Археологическая терминология уже имеет опыт таких схожих названий, как греко-персидский и греко-римский, показывающих формальный контраст между художественным исполнением объекта и его функциональным типом, контраст, который отражает «системный культурный разрыв» (Мейер), отделяющий создателей от последующих потребителей. В случае греко-скифского искусства греческие ремесленники «наняты вождями кочевников причерноморской степи для того, чтобы они воспроизвели близкие к этнографическим реалиям типы вещей» [12, р. 2]. Хотя этот термин не кажется мне справедливым (в отличие от других вариантов таких словосочетаний): в нем слишком дистанцированы греки от своих вещей и априори усилена их скифская составляющая, — такое глубокое его толкование кажется соответствующим самому художественному явлению, которое мы наблюдаем.

О выделении групп в массе материала

Памятники со «скифской» тематикой изготовлены способом литья (такие шедевры как гребень из кургана Солоха, пектораль из кургана Толстая Могила, «скифский» фриз амфоры из кургана Чертомлык, фигурки скифов на гривне из кургана Куль-Оба), либо тиснением (выколотка) с последующей гравировкой деталей — как обкладка горита из кургана Солоха, сосуды из курганов Куль-Оба, Гайманова Могила, Частые курганы и наша тиара. В процессах по подготовке матриц для тиснения, самом тиснении и в работе по гравировке оттиска могли участвовать разные мастера (скорее всего, так и было).

В известном смысле гравированное изображение, сочетающееся на «греко-скифских» предметах с пластическим, позволяет сопоставить их не только со скульптурой, но и с вазописью. Было бы любопытно проанализировать, каким образом различные детали, глаза, волосы, по манере исполнения которых определяются круг мастера вазы и время ее создания, прочерчены и в предметах торевтики. К вазописным приемам, как прослежено Г. Хедрином [18], можно отне-

⁷ Ф. Йогансен проследил их в неаттической керамике с 625 г. до н. э. [17].

⁸ Скифские сюжеты представлены в драгоценных предметах греческих торевтов различных форм и категорий — на золотых украшениях, на драгоценном оружии, в декоре золотых и серебряных сосудов разных видов (чаши разных типов, амфора), а также предметов не вполне ясного назначения. О них существует обширная литература, и нет возможности в настоящих заметках охватить весь этот материал.

сти и то, что повествование разворачивается в некоем природном пространстве, где изображена земля, ее всхолмления, какие-то растения. Однако, в отличие от вазописи, на исследуемых объектах, найденных в Причерноморье, нет персональных маркировок, которые позволили бы нам судить о том, насколько индивидуально передают различные детали художники-изготовители или мастерские [12, р. 7]. Но, безусловно, решающим фактором, отдаляющим этот вопрос от разрешения, является малочисленность, разноплановость и разнородность дошедших до нас примеров художественной обработки металла.

Вопрос выделения групп в массе металлических сосудов из Причерноморья по каким-либо систематическим признакам был всегда актуален для исследователей. Н. Л. Грач предприняла попытку установления общности групп сосудов из комплекса кургана Куль-Оба по характерным орнаментам на донцах серебряных чаш и ваз, в которых предполагаются метки мастерских либо мастеров [19]. В список ваз с похожим орнаментом на донце входил и сосуд со скифским сюжетом — амфора из кургана Чертомлык [19, с. 106]. Однако и эти «метки» оказались настолько разнообразными, что без получения новых материалов пока нет возможности их сгруппировать и систематизировать.

Поднимался вопрос о мастерских и в связи с особенностями стиля найденных в скифских курганах вещей. Не останавливаясь на нем детально (он разбирается в других работах), отметим, что сложность его решения, поиски аргументации и большая проблема в исследовании этих памятников состоит в том что несмотря на достаточно большое число известных греческих произведений, выполненных для скифов и захороненных в их курганах, среди них затруднительно

отыскать хотя бы две вещи на «скифские темы», сопоставимые друг с другом или аналогичные по стилю, иконографии, сюжету, а также мастерству исполнения⁹.

Таким образом, столь пристальный интерес к ставропольской находке должен быть очевиден: новый памятник как раз «группируется» с тиарой из Передериевой Могилы, составляя ей пару. Композиционные и иконографические приемы, в которых решены изображенные на нем сцены, не являются неизвестными в античном искусстве. Но именно в этом — не только в его неповторимости (уникальность его также несомненна, и о ней еще будут говорить его первооткрыватели), а в сходстве с другим — заключена основная ценность его для Причерноморской античности. Он как бы утяжеляет, усиливает наши аргументы, делая тезис о развитии «боспорского стиля» в пластике — как в монументальной скульптуре, так и в продукции златокузнецов — более убедительным.

Вопрос о производстве

Гипотетическое участие греческих мастеров в изготовлении предметов греко-скифского искусства почти полностью принято в академической литературе, — пишет К. Мейер [12, р. 3]. Исключение составляют лишь некоторые авторы, в том числе, Эстер Якобсон. Применяя те же методы анализа и действуя в категориях той же доказательной базы, она считает возможным отнести греко-скифскую торевтику к «скифским» мастерам, возрождавшим традиционный репертуар своих форм в соединении с техниками и фигуративными мотивами своих соседей из колоний [21]. Именно говоря о сосудах, упоминая чашу из Солохи со сценой охоты, а также из Куль-Обы, Частых курганов, которые декорированы изображениями сидящих фигур скифов, Э. Якобсон ставит вопрос об этническом соблюдении скифских форм в этих произведениях носителями этого этноса [21, р. 9, 188].

Вероятно, в каких-то случаях автор окажется права, особенно в отношении небольших бляшек-аппликаций. Не уверена, однако, что будет доказано скифское авторство декора круглодонных серебряных сосу-

⁹ Стиль, элементы орнамента, детали декора как основа группировки вещей по гипотетическим мастерским обсуждаются в литературе. В одной из работ предпринята попытка объединить вещи мастерской вне особенностей стиля: [20]. Однако надо сказать, что даже предполагаемый в изготовлении вещей «выбор стиля по желанию заказчика» — свойство пластики эллинизма — связан с выбором его магистрального направления (архаика, строгий стиль, классика), и все же сохранил бы для нас особенности манеры изготовителей вещей.

дов. Но если это все же вероятно предположить в каких-то одних вещах, то в других произведениях это не кажется перспективным. Причем, в вещах не только такого класса исполнения, как Пектораль или Гребень. Наш «загадочный предмет» также не был встречен у греков, не известны элинам ни его форма, ни назначение, но он явно был исполнен в греческих мастерских, поскольку иконография и стиль изображений опираются на скульптурный эквивалент античного искусства. Остается обсудить вопрос о местоположении этих мастерских.

Вопросы импортного происхождения бронзовой и серебряной металлической посуды из скифских курганов решает М. Ю. Трейстер. В ряде его работ специальное внимание уделено сосудам из некоторых скифских курганов IV – начала III в. до н. э., анализ особенностей которых приводит М. Ю. Трейстера к выводу об их македонском и этрусском происхождении [22; 23]. Эти наблюдения весьма полезны для установления более точных адресатов в контактах скифской степи, несмотря на то, что рассмотренные им сосуды совсем иного круга: ситулы, миски, патеры.

О боспорском производстве драгоценных предметов торевтики, найденных в скифских курганах, много говорится в литературе¹⁰, однако прямых доказательств этому пока не приводится, за исключением, разумеется, небольших ювелирных украшений, формы для изготовления которых дошли до нас [24, с. 261]. Боспорское производство предполагалось и в таком шедевре как Пектораль¹¹, и в Амфоре из Чертомлыка [20, с. 86]. Было бы очень заманчиво рассмотреть локальную линию, связанную с последним примером, но такая его деталь, как «широкий грибовидный венчик», напоминающий тип тарной амфоры, найденной в кургане Солоха — тип Солоха I [26, с. 121 сл.], эту возможность, скорее всего,

исключает: в перечисление вероятных центров производства амфор самой разной формы, «но непременно с грибовидным венцом» [27, с. 241] Боспор не вошел. Металлические амфоры в своей морфологии обычно следуют глиняным образцам, и их центры также вполне определимы¹². И эти обстоятельства хотя и не локализируют производства амфор типа Солоха I детально, но удаляют чертомлыкскую амфору от боспорских мастерских, предполагая для нее более южные центры. Однако данная тема безусловно требует специального рассмотрения.

Не вполне понятно, почему именно Боспор среди всех других пунктов Северного Причерноморья традиционно указывается как центр изготовления торевтики на «скифские сюжеты», хотя он значительно более удален от днепровских порогов, где располагались курганы царских скифов, и только две вещи «неясного назначения» находятся к землям Боспорского царства в большем приближении: в современных Донецкой области и Ставропольском крае. Но и помимо географии находок вопрос о боспорском производстве этих вещей встает со всей очевидностью.

На наш взгляд, так называемый «боспорский стиль» вещи является бесспорным аргументом в пользу того, что боспорское производство ювелирных изделий существовало, и златокузнецы, работавшие над рельефными многофигурными композициями, придерживались традиции боспорских скульпторов и в отношении стиля, и в плане иконографических решений, и в выборе темы изображения. Формирующийся здесь с конца VI в. до н. э. и первоначально известный только в монументальной скульптуре, этот стиль в IV в. до н. э. охватил и другие формы. Развиваясь в середине IV в. до н. э., он проявился в произведениях торевтики, изготовленных для «удаленного потребителя» — скифов.

¹⁰ Этот аспект исследований подробно освещает М. В. Русаева [11, с. 437].

¹¹ Пектораль связывается с боспорской работой в нескольких публикациях из недавних см.: [25, с. 450].

¹² Благодарю С. В. Полину за консультацию и помощь в прояснении этого вопроса. О металлических амфорах, форма которых близка тарным, но с добавлением декоративных элементов

маски у корня ручек (Песчаное) или рельефные пояски (Метрополитен музей), см.: [5, Кат. 89. S. 204], бронзовая амфора типа фасосских к. VI - начала V в. до н. э., случайная находка у с. Песчаное; также возле Песчаного найдена еще одна бронзовая амфора V в. до н. э. [5, Кат. 86. S. 199 f.]; небольшая бронзовая амфора, также в форме тарной амфоры, с подставкой, 500-450 гг. до н. э., приобретена Метрополитен музеем в 2004 году: <http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/2004.171a,b>.

Итак, к боспорскому производству мы можем отнести как скульптурный рельеф, так и золотые «тиары», и это пока единственная возможность выявить работу

златокузнецов Боспора на основании художественной специфики памятников. «Пока», — но будем ждать новых открытий!

Источники и литература

1. Моруженко А. А. Скифський курган Передерієва Могила / А. А. Моруженко // Археологія, 1992. — Вип. 4. — С. 67–74.
2. Лергранд С. Загадочный золотой предмет из кургана Передерієва Могила / С. Лергранд // РА — 1998, — № 4. — С. 89–97.
3. Русяева М. В. Золотой предмет ритуально-культурного назначения из кургана Передерієва Могила / М. В. Русяева // Боспорский феномен. — СПб., 1999. — С. 208–215.
4. Русяева М. В. Эллино-скифская торевтика в контексте развития монументального искусства Эллады конца V–IV вв. до н. э. / М. В. Русяева // Музейні читання. — Київ, 1998.
5. Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine / Reeder E. D. (ed.) / New-York, 1999.
6. Савостина Е. А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте / Е. А. Савостина/. — Симферополь-Керчь, 2012.
7. Bouzek J. Attic Art of 5th and 4th Century BC and the Art of the Cimmerian Bospogus // Studia hercynia — VII, 2003. — P. 142.
8. Граков Б. Н. Скифы / Б. Н. Граков / . — М., 1971.
9. Моруженко А. А. Скифський курган Передерієва Могила / А. А. Моруженко // Археологія, 1992. — Вип. 4. — С. 67–74.
10. Манцевич А. П. Изображение «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи / А. П. Манцевич // Archeologia, — XXVI, — 1975.
11. Русяева М. В. Сюжеты и стиль эллино-скифской торевтики в контексте развития классического искусства Эллады / М. В. Русяева // Боспорский феномен. — СПб., 2013. — С. 434–439.
12. Meyer C. Greco-scythian Art. The Birth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity / C. Meyer / Oxford Studies in Ancient Culture and Representation. — Oxford: University Press, 2013.
13. Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?) / Отв. Ред. Е. Савостина / (Монография о памятнике. Т.2). — М., СПб, 2001. — 332 с илл.
14. Cohen B. The Non-Greek in Greek Art / B. Cohen // A Companion to Greek Art. Vol. II / Smith T. J. and Plantzos D. (ed.) / Blackwell Publishing Ltd., 2012. — P. 456–479.
15. Савостина Е. А. Боспорский стиль и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья / Е. А. Савостина // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). — М., 2001. — С. 289–291.
16. Neer R. The Emergence of the Classical Style in Greek Sculpture. / R. Neer / Chicago/London: University of Chicago Press, 2010.
17. Johansen F. The Iliad in Early Greek Art. / F. Johansen / Copenhagen, 1969.
18. Hedreen G. Capturing Troy. The Narrative Functions of Landscape in Archaic and Classical Greek Art. / G. Hedreen/. Ann Arbor, 2001. — P. 91–181.
19. Грач Н. Л. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) / Н. Л. Грач // Труды Государственного Эрмитажа. Том XXIV. — Л., 1984. — С. 100–109.
20. Рудольф В. Большая пектораль из Толстой Могила: работа «Чертомлыкского мастера» и его школы / В. Рудольф // Археологические вести. — № 2. — СПб., 1993. — С. 85–88.
21. Jacobson E. The Art of the Scythians: the Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World / E. Jacobson / New-York, K.: — Brill, 1995.
22. Трейстер М. Ю. Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретация исторического контекста / М. Ю. Трейстер // Проблемы истории, филологии, культуры. — Магнитогорск, 2010. — С. 217–251.
23. Treister M. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds / M. Treister // Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD) / Braund D. (ed.), – Exeter, 2005. – P. 56–63.
24. Калашник Ю. П. Золото Боспора. Дополнительные материалы из собрания Государственного Эрмитажа / Ю. П. Калашник // Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. — СПб., 1995. — С. 259–262.
25. Бабенко Л. И. О семантике композиции пекторали из Толстой Могила / Л. И. Бабенко // Боспорский феномен. — СПб., 2012. — С. 449–454.
26. Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.) / А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле / — Киев: Наукова думка, 1991.
27. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. / С. Ю. Монахов/ — Саратов, 1999.

New find of golden subject in Scythian burial mound of Stavropol (2013) allows us to revisit the problem of the development of the art of antiquity in the Northern Black Sea area. Two works are discussed: a monumental relief from the excavations of the Jubilee and an item of unknown purpose ("tiara"?) from Scythian mound Peredereeva Mogila. Images on both works devoted to different Scythian subjects relating to the stories by Herodotus, but as for iconographic decision and style of both images, they are close. On a number of grounds they are united in one art direction, tentatively called "the Bosporan style". Now the new finding to confirm previous surveillance and does not contradict the assumption of the Bosporan production as sculptures and objects of metalwork.

Key words: *sculpture, Bosporan style, iconography, plots of Herodotus.*

УДК 904

Н. И. Сударев, О. Д. Чевелев, М. Е. Клемешова

Работы на поселении Тамань-3 («7-й км») в 2007 и 2013 гг.

В 2007 и 2013 гг. Восточно-Боспорской экспедицией под руководством Н. И. Сударева проведены работы на поселении Тамань-3 в Темрюкском районе Краснодарского края. Уточнены границы поселения, собран подъемный материал VI–III вв. до н. э., в т.ч. более 100 монет. Обнаружены слои III–II, конца II – начала I в. до н. э., средневековый, не ранее XIV в., возможно, позднее.

Ключевые слова: поселение Тамань-3, античность, средневековье, раскопки, георадарные исследования, керамика VI–IV вв. до н. э., слои III–II вв. до н. э., кон. II – нач. I вв. до н. э., монеты, развал кладок, культурный слой.

В 2013 г. отряд Восточно-Боспорской экспедиции Института археологии РАН под руководством Н. И. Сударева проводил раскопки и георадарные исследования на поселении Тамань-3 (Седьмой километр), находящемся в 4,8 км к востоку от восточной окраины станицы Тамань Темрюкского района Краснодарского края¹. Работы проводились с целью уточнения границ поселения, выяснения степени сохранности, характера, мощности и особенностей распространения культурного слоя, выявления предположительно существующего там грунтового некрополя, определения его границ и постановки на учет в Управление по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. Необходимость работ была обусловлена ежегодным разрушением памятника в результате природных факторов (обрушение верхней террасы берегового обрыва, проходящего по северной границе памятника, со скоростью до 1 м в год), регулярной многолетней распашки значительной части памятника обычным и плантажным плугом и интенсивной деятельности

черных копателей. Общая площадь исследованных участков — 120 м².

Раскопки данного поселения проводились впервые после 1952 г., когда на памятнике работал отряд Синдской экспедиции В. Д. Блаватского под руководством Т. В. Блаватской. Поскольку, к сожалению, проведенные исследования нигде не были подробно описаны², данные из текущих раскопок оказываются очень важными для понимания места данного памятника в системе поселений Таманского полуострова в различные хронологические периоды.

Памятник археологии Тамань-3 («7-й км») находится в 10–11 м над уровнем моря на равнине, плавно повышающейся к югу, в сторону горы Карабетовой и горы Комендантской, между берегом Таманского залива и шоссе Тамань — Сенной. Большая часть памятника находится на пахотном поле, на котором в разные годы находился фруктовый сад (70-е гг.), виноградники, различные сельскохозяйственные культуры. В западной части памятника проходит глубокая балка Лисовицкого, которая тянется от берега Таманского залива до склонов горы Ка-

¹ Местное название - «7-й км» - связано с отсчетом расстояния от центральной площади станицы Тамань.

² О раскопках 1952 г. нет отчета; в отчете В. Д. Блаватского за 1952 г. и публикации итогов соответствующего года работ экспедиции есть только краткие упоминания о факте проведен-

ных исследований. В статье, обобщающей пятилетние работы Синдской экспедиции на Таманском полуострове, В. Д. Блаватский привел несколько более подробные, но тоже суммарные данные о результатах раскопок в 1952 г. на поселении «7-й км» [1, с.1; 2, с.88; 3, с.47-48].

рабетовой. Балка густо поросла камышом, вероятно, сезонно заполняется водой. В восточной части памятника на расстоянии ок. 525 м от балки Лисовицкого также проходит неглубокая балка ок. 200 м длиной. С севера территорию памятника ограничивает обрывистый осыпающийся берег Таманского залива, высота обрыва от 1 до 6 м. С южной стороны до шоссе Тамань — Сенной располагается поле, засеянное подсолнечником.

Поселение Тамань-3 впервые обозначено на карте В. В. Соколова 1915 г. как «городище VI» рядом с обширным, находящимся немного западнее него, тянущимся от берега «Древним кладбищем 19», указано, что городище «совершенно не исследовано, размеры не известны, обнаружено случайно». О кладбище сказано, что оно «расположено на левом берегу оврага, к северу от первого каменного моста. Открыто счастливыми. Находится простая глиняная посуда. Не исследовано» [4, с. 46–51]. Затем памятник обозначен на карте 1929 г. С. Ф. Войцеховского под № 47 как «следы античной культуры» и карте А. А. Миллера 1930–1931 гг. под № 38 [5], отнесен к «эллинистическому периоду».

Впервые раскопки поселения были проведены в 1952 г. отрядом Т. В. Блаватской, входившим в состав Синдской экспедиции В. Д. Блаватского. Владимир Дмитриевич относил поселение «Седьмой километр» к «обычному поселку земледельцев», писал, что на поселении «не обнаружено культурных напластований, предшествующих античной эпохе» и «находок догреческого времени», возникло оно в VI в. до н. э., что на нем «наиболее интенсивна жизнь была в конце VI–V и в III–II вв. до н. э.». Им было отмечено, что «Общий характер находок мало чем отличается от находок в боспорских городах. Изделия античного типа и их обломки явно преобладают над предметами местной работы. Отличие от городских напластований заключается только в более или менее значительной бедности напластований, что относится к количеству и особенно к качеству находок. Так, например, сравнительно редко встречаются обломки расписной или украшенной рельефами посуды. Особо сле-

дует отметить почти полное отсутствие граффити» [3, с. 47–48].

В отчете А. К. Коровиной за 1972 г. о раскопках Гермонассы-Тмутаракани есть данные о том, что в результате весеннего шторма на территории совхозного сада на Седьмом километре был снят значительный пласт земли и обнаружено значительное количество монет и обломков керамики, переданные экспедиции в дар ГМИИ им. А. С. Пушкина одним из рабочих. Сотрудниками экспедиции был произведен осмотр этого места, в результате чего было подтверждено наличие там древнего поселения, засаженного в то время фруктовым садом. В отчете приведены общая фотография полученных монет и их перечень (31 шт.) с определениями К. В. Голенко. Самая ранняя из монет относилась к последней четверти V в. до н. э., одиннадцать — к IV–III вв. до н. э., восемь — к концу III–II вв. до н. э., пять — к I в. до н. э., одна — к III в. н. э. и одна татарская [6, с. 21–22, рис. на с. 30].

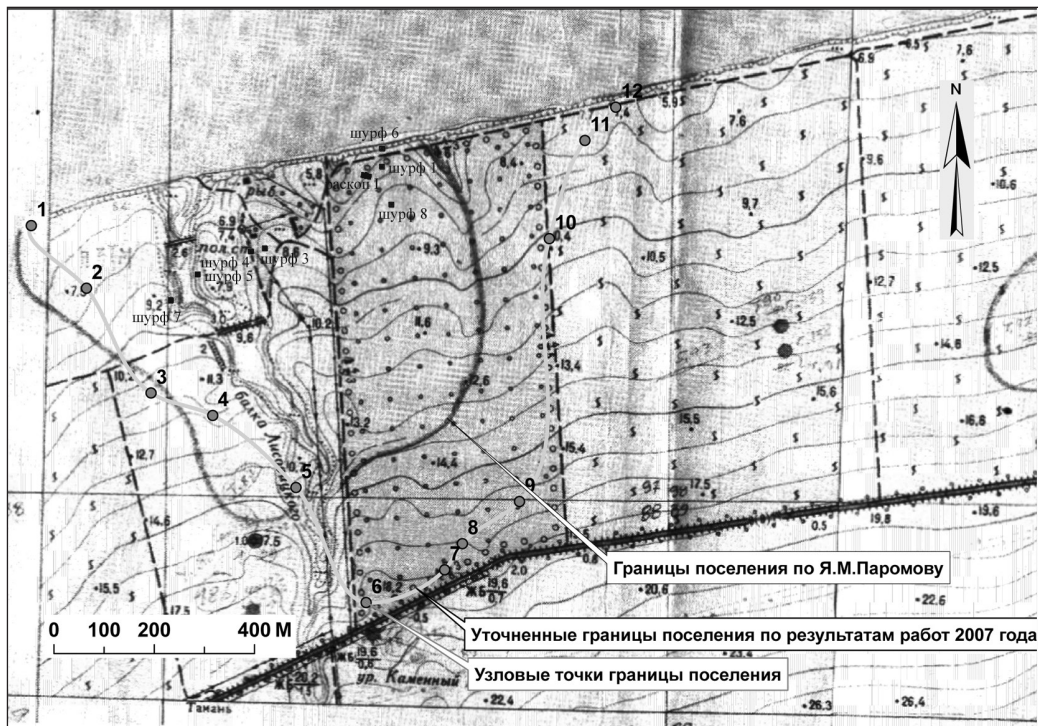
В 1984 г. памятник был обследован Я. М. Паромовым в рамках работ по составлению археологической карты Таманского полуострова [7, с. 49–52; 8, с. 427–429]. Был собран подъемный материал, относящийся к VI в. до н. э. — III в. н. э. и X–XI вв., определены границы поселения по распространению подъемного материала, составлен топографический план памятника. К датирующему материалу относятся три фрагмента амфор пер. пол. VI в. до н. э., многочисленные фрагменты амфор второй половины VI в. до н. э. — III в. н. э. три фрагмента амфор X–XI вв. По данным изучения аэрофотосъемки, автором были выявлены признаки древней жилой застройки, отмечено присутствие необработанного камня. Я. М. Паромов определял памятник как сельское поселение античного и средневекового времени площадью ок. 23 га, размером 800 × 650 м, разделенное балкой Лисовицкого на две части: западную (ок. 9 га) и восточную (14 га). Отмечена распашка культурного слоя памятника в восточном секторе плантажным плугом, в западном секторе — обычным (на глубину до 0,3 м).

В 2007 г. памятник исследовался разведочным отрядом О. Д. Чевелева, входившим

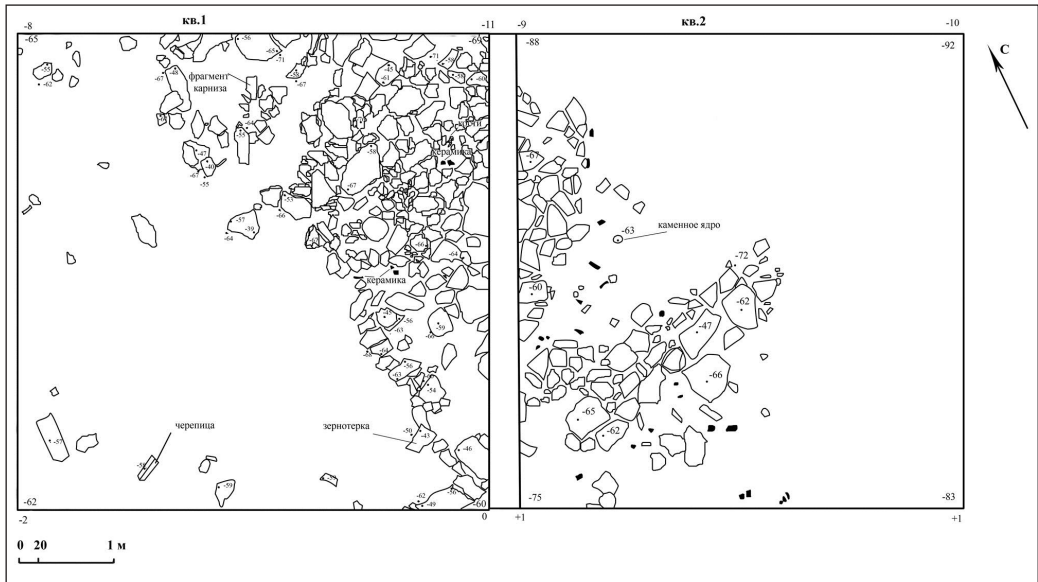
в состав Восточно-Боспорской экспедиции Института археологии РАН под руководством Н. И. Сударева [9, с. 7–13]. Было проведено визуальное обследование местности без шурфовки, сбор и картографирование подъемного материала, уточнены границы поселения (рис. 1). Обнаружено значительное число фрагментов амфор, расписной и чернолаковой керамики VI–III вв. до н. э., более 100 пантикапейских, фанагорийских и амисских монет IV–I вв. до н. э., одна пантикапейская монета середины VI в. до н. э., светильники, наконечники стрел и другие индивидуальные находки (рис. 3, 1–5: 1 — чернолаковый светильник, 2 — красноглиняный двухрожковый светильник, 3–4 — чернофигурная керамика конца VI – начала V вв. до н. э., 5 — мраморный глаз-вставка). Отмечены заметные повреждения культурного слоя в результате распахки. По мнению автора работ, на территории памятника располагалось несколько сельских усадеб античного времени.

Раскопки 2013 г. проводились в центральной и частично в западной части памятника. Были разбиты пять шурфов размером 2 × 2 м и четыре квадрата 5 × 5 м. Проведенные исследования выявили наличие и сохранность, несмотря на многолетнюю глубокую распашку, культурного слоя в центральной и западной части памятника.

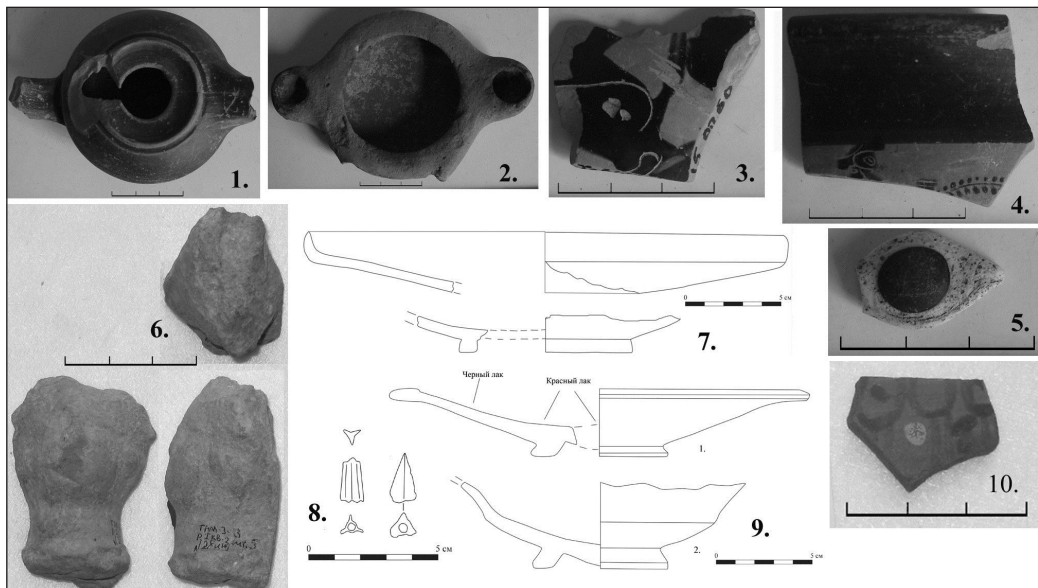
Были выделены слои, относящиеся к трем различным хронологическим периодам: 1) III–II вв. до н. э. (возможно, вторая половина II в. до н. э.) — шурф 8, 2 (конца II – начала I в. до н. э. — раскоп I, уровень развала кладок, 3) средневекового, не ранее XIV в., возможно, более позднего периода — шурф 5. В центральной части памятника на раскопе I обнаружены остатки каменных архитектурных сооружений, сложенных из необработанного известняка и колотого плитняка, конца II – начала I вв. до н. э. (рис. 2), в шурфе 8 — участок, находящийся в составе или непосредственно примыкающий к хозяйственным и жилым

Рис. 1. Уточненные границы поселения Тамань-3 по результатам работ 2007 г. на основе топографического плана Я.М. Паромова 1984 г. с указанием мест раскопок 2013 г.

Рис. 2. Тамань-3. Развалы каменных кладок в раскопе I в слое кон. II – нач. I вв. до н. э. План на уровне консервации раскопа.

Рис. 3. Находки на поселении Тамань-3. 1–5 — подъемный материал 2007 г., 6–8 находки из развала кладки в раскопе I 2013 г., 9 — фрагменты чернолаковых тарелок из слоя III–II вв. до н. э. шурфа 8 2013 г., 10 — стенка глазоменной амфоры из мешанного слоя раскопа I 2013 г.

помещениям (наличие очага из обожженной глины, многочисленные находки кухонной и столовой посуды) III–II вв. до н. э., возможно, второй половины II в. до н. э. (рис. 3, 9: фрагменты чернолаковых тарелок: 1 — второй половины II – начала I вв. до н. э., 2 — ок. 175–110 гг. до н. э.). Развалы кладок в сильно поврежденном слое конца – начала I вв. до н. э. в раскопе I предположительно представляют собой остатки ка-

лок: 1 — второй половины II – начала I вв. до н. э., 2 — ок. 175–110 гг. до н. э.). Развалы кладок в сильно поврежденном слое конца – начала I вв. до н. э. в раскопе I предположительно представляют собой остатки ка-

менного строения и, возможно, отдельно стоящей стены. В непосредственной близости от данного комплекса были обнаружены каменное известняковое ядро и два бронзовых наконечника стрел (рис. 3, 8), фрагменты чернолаковой тарелки 110–86 гг. до н. э. (рис. 3, 7), в развале кладки — голова красноглиняной терракотовой статуэтки (рис. 3, 6).

В шурфе 5 на левом берегу балки Лисовицкого обнаружены остатки кладки средневекового времени, данные изучения космоснимка позволяют предположить наличие более значительных архитектурных конструкций в этом месте.

Обилие во всех верхних штыках шурфов 1–8 и раскопа I массового амфорного материала, чернофигурной, расписной и чернолаковой керамики конца VI–IV вв. до н. э. (рис. 3, 10 — последняя треть VI в. до н. э., [10, кат.4.172-4.223] свидетельствует об интенсивной жизни на поселении в данный период, хотя слои этого времени работами 2013 г. обнаружены не были. Многочисленные образцы керамики VI–IV вв. до н. э., возможно, относятся к перемещенным слоям соответствующего времени из других областей памятника.

Определены границы распространения культурного слоя на памятнике в северном направлении, выяснены особенности состава и формирования и мощность культурного слоя в северо-восточной и частично западной части памятника. Шурфовка выявила наличие значительного культурного слоя в центральной части (ш. 1, 3, 5, 8, раскоп I), несколько менее мощного в северо-восточной (ш. 6) и очень незначительного и слабо насыщенного на правом берегу

балки Лисовицкого в западной (ш. 7). Слои верхних трех штыков всех шурфов, за исключением средневекового, содержат материалы, в основном относящиеся к последней трети-четверти VI–IV вв. до н. э. Выявленный культурный слой в центральной части памятника имеет мощность до 110 см от современной дневной поверхности (раскоп I, шурф 8), в северо-восточной части — до 104 см (шурф 6).

Георадарные исследования, проведенные в центральной части памятника, показали наличие значительного количества плотных объектов и системных изменений структуры почв на отдельных участках, сопоставление которых с археологическими объектами подтвердили раскопки в контрольном шурфе 8.

Работы по уточнению границ и датированию памятника, особенностей распространения культурного слоя и характеру бытования поселения в различные хронологические периоды, определению местонахождения его грунтового некрополя, известного по карте 1915 г., исследование объектов, обнаруженных работами 2013 г., предполагается продолжить в следующих полевых сезонах.

В последнее время высказано мнение о локализации на месте поселения Тамань-3 (Седьмой километр) античного города Кепы [11]. Аргументы автора статьи представляют очень большой интерес и заслуживают самого пристального внимания, но, безусловно, для поддержки или опровержения данного предположения необходимы результаты исследования археологических материалов из раскопок памятника.

Список сокращений

ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии.

КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.

Источники и литература

1. Блаватский В. Д., Шелов Д. Б. Отчет о работе Синдского отряда в 1952 г. / В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов // Архив ИА РАН, — Р.1, — № 749.
2. Блаватский В. Д. Третий год работ в Синдике / В. Д. Блаватский // КСИИМК, — 1955, — вып. 58. — С. 88–95.
3. Блаватский В. Д. Пятый год работ в Синдике / В. Д. Блаватский // КСИИМК, — 1959, — вып. 74. — С. 41–48.
4. Соколов В. В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской / В. В. Соколов // ИТУАК, — № 56, — Симферополь, 1919. — С. 39–59. илл.
5. Миллер А. А. Археологическая карта Таманского полуострова, составленная сотрудниками Таманской экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг. / А. А. Миллер // Архив ИИМК РАН, — р.1, — арх. № 158. — 1931.
6. Коровина А. К. Отчет о раскопках Гермонассы-Тмутаракани за 1972 г. / А. К. Коровина // Архив ИА РАН, — Р.1, — № 4733+а.
7. Отчет о работе по теме «Обследование и рекомендации по охранным зонам памятников археологии Таманского полуострова» в 1984 г. / Я. М. Паромов, Т. Д. Николаенко // Архив ИА РАН, — Р.1, — № 10327, а–б.
8. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова / Я. М. Паромов // М., 1992 (рукопись депонирована в ИНИОН РАН, № 47103 от 01.10.92), 1019 с.
9. Чевелев О. Д. Отчет о натуральных охранных археологических исследованиях в пределах Темрюкского района Краснодарского края в 2007 г. / О. Д. Чевелев // Архив ИА РАН, — р. 1.
10. Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии / А. В. Буйских / Киев, 2013. — 456 с., илл.
11. Федосеев Н. Ф. К вопросу о локализации Апатура, Кеп и Стратоклеи / Н. Ф. Федосеев // Проблемы истории, филологии, культуры. — Москва-Магнитогорск, 2013, — № 4, — с. 132–140.

In 2007 and 2013 the East-Bosporian expedition headed by N. I. Sudarev carried out research works on Taman-3 settlement located in the Temryuksky region Krasnodarsky area. The settlement borders were specified. A number of subjects including more than 100 coins of the VI–III centuries BC was found. The levels of III–II, the end of II-the beginning of the I centuries BC and medieval level, not earlier than XIV c. AD, possibly later, were found out.

Key words: *Taman-3 settlement, antiquity, middle ages, excavations, georadar researches, the pottery of VI–IV c. BC, levels of III–II c. BC and the end of II-the beginning of I c. BC, coins, the destroyed stone layings, levels of settlement.*

УДК 904

И. А. Снытко

Ольвия во второй половине V – начале IV в. до н. э. в процессе формирования понтийского рынка

Рассматриваются на базе исторических исследований, археологических материалов, нарративных источников и эпиграфических документов отдельные вопросы, касающиеся экономических связей Ольвии с понтийскими колониальными центрами в V в. до н. э. Тесные политические, экономические и культурные связи между пригерноморскими городами, нагало которым было положено ещё в конце VI в. до н. э., постепенно укрепляются в V в. до н. э. Период наибольшего расцвета внутривосточной торговли приходится уже на IV в. до н. э. Одной из основных причин, ускорившей эти события, несомненно, стала Пелопонесская война, которая наряду с уже имевшейся тенденцией к укреплению внутривосточных связей активизировала процесс формирования понтийского рынка, в качестве альтернативного.

Ключевые слова: Ольвия, полис, эпиграфические источники, экономика, торговля, рынок.

Сокращение торгово-экономических связей причерноморских колониальных полисов с городами Эгейды и Средиземноморья в процессе Пелопонесской войны между Афинами и Спартой 431–404 гг. до н. э., на фоне спада экономики крупнейших ионийских центров Хиоса, Самоса, Лесбоса и Милета, продукты которой, были преимущественно задействованы на военные нужды двух противоборствующих сторон на разных этапах войны, стимулировало налаживание более тесного политического и экономического сотрудничества непосредственно между городами Понта. Об этом свидетельствуют как археологические материалы, так и эпиграфические источники [7, с. 20–22].

Ольвийский эпиграфический лапидарий V – начала IV в. до н. э., с учётом его общей незначительности, отмечен серией из шести надписей, связанных с гражданами понтийских государств: ателия синопейцу Иетроклу сыну Гекатея [НО, 1], политика и иные привилегии синопскому тирану Тимесилею и его брату Теопрону [5; 6, с. 110–111], декрет в честь неизвестного гераклота [НО, 2], проксения херсонесситу Пюрралию [НО, 3], декрет в честь боспорского

правителя Сатира и дальнейший договор с его сыном Левконом, изданные на одной беломраморной плите [9, с. 69–78]. Спорными могут быть точные даты издания каждого из декретов, однако не вызывает особых возражений тот факт, что экономическая деятельность трёх последних эвергетов (исключая Левкона, договор с которым был составлен уже в IV в. до н. э. в контексте иной политической конъюнктуры), за которую они были вознаграждены ольвиополистами, приходится на последнюю треть V в. до н. э., а именно, на период Пелопонесской войны.

В своё время И. Б. Брашинским была выдвинуто предположение, что одной из главных причин формирования внутривосточного экономического единства в последней трети V в. до н. э. был установленный афинянами жесткий контроль над Черноморскими проливами введением института геллеспонтофилаков, контролировавших согласно твёрдо установленной квоте вывоз зерна своим союзникам. Таким образом, была сформулирована гипотеза о своеобразной «экономической блокаде» Понта, следствием которой явилось фор-

мирование единого внутривосточного рынка [2, с. 235; 3]. Тем не менее, по мнению Ю. Г. Виноградова, полномочия геллеспонтофилаков, были направлены не столько на специальное ограничение в хлебообеспечении эгейских союзников для удержания их под своим стратегическим контролем, сколько на организацию постоянных поставок зерна из Понта в Пирей. Признавая безусловное усиление тенденций к сложению внутривосточного рынка Ю. Г. Виноградов не был склонен считать, что такая ситуация спровоцирована только принудительно-ограничительными акциями со стороны Афин, а, вместе с иными факторами, главной причиной, из-за которой был избран именно афинский торговый вектор, на его взгляд, была естественная переориентация греческих государств восточного региона на нового крупнейшего потребителя — Аттику [7, с. 20–21]. Подкреплением последнему может быть и то, что такая тенденция для причерноморских городов сложилась уже с конца VI — начала V вв. до н. э. и далее, что подтверждается данными археологии на примере амфорной тары, столовой и специальной керамики, большими партиями стабильно поставлявшейся из района Аттики в Северное Причерноморье и, непосредственно, в его Северо-Западную часть — Нижнее Побужье и Поднестровье [16, с. 26–27, с. 70–71, рис. 11; 20, с. 64–66; 12, с. 57–71; 14, с. 59, рис. 19, 5–7, 62–67, рис. 22–24; 18, с. 44; 19, с. 21, 31–34]. Безусловно, при таких обстоятельствах было достаточно хорошо налажено и обратное направление поставок причерноморских товаров в Афины. Отметим и такой немаловажный факт, что Афины раннеклассической эпохи после славных побед над персами небезосновательно приобрели символический титул первого города Эллады, о котором распространялись легенды, завоевали заслуженный авторитет в Ойкумене, включая и берега Понта [1, с. 35–55; 16, с. 73–74; 6, с. 126 сл.]. К тому же, ещё перед началом Пелопоннесской войны надёжность «восточных тылов» была обеспечена морской экспедицией Перикла и Ламаха, когда афиняне мирным путём, а иногда и силовыми методами, как в случае с Синопой около 437 г. [Plut. Per. 20; 5;

6, с. 110–111], наладили тесное политическое и экономическое сотрудничество с причерноморскими полисами, часть из которых, как, безусловно, Гераклея Понтийская и Аполлония на правах союзников даже вошли в Афинский морской союз [6, с. 126–134; 7, с. 17; 11, с. 45].

Что касается экономической интеграции причерноморских полисов, то такая тенденция намечалась ещё с начала колониационного процесса. Однако существовали достаточно серьёзные причины естественным путём тормозящие этот процесс, связанные с начальной стадией экономического развития новых полисов и полисной автаркией, исключавшей на раннем этапе какие-либо объединительные варианты между отдельными городами: создание союзных структур — симмахий и крупных военно-политических объединений по образцу ионийского Паниониона в Малой Азии. Одним из факторов было и отсутствие крайней необходимости в более тесных контактах между причерноморскими городами в силу почти одинакового изначального сельскохозяйственного направления их развития, а, как следствие, не существовало и острой необходимости в сложении непосредственно причерноморского рынка. Контакты между восточными колониальными полисами преимущественно ограничивались, вероятно, т.н. «ближней зоной» [10, с. 81] или, используя систематизацию Ю. Г. Виноградова, эти связи находились на этапе политических отношений первого уровня, когда территориальные объединения, включавшие в себя не только центр (ἀστυ), близлежащую сельскохозяйственную территорию (χωρα), но и ряд более-менее крупных городов и фортов [7, с. 8]. Даже метрополиям, за редкими исключениями, в таких условиях не удалось создать на Понте собственные колониальные единства, сбросить контроль над заморскими колониями и отношения между ними ограничивались, преимущественно, религиозными и экономическими взаимоотношениями [10, с. 79]. Из-за этого, политические и торгово-экономические связи не ограничивались только контактами с метрополией, а, как в случае с Ольвией и другими колониями Северо-Запад-

ного Понта, чаще всего были направлены на соседние полисы Ионии и другие экономически развитые районы античного мира. Такие международные связи имели подчеркнuto практический характер и были обусловлены, в первую очередь, взаимной потребительской необходимостью в товарах и реальной обоюдной выгодой от этих взаимоотношений.

В конце VI – начале V в. до н. э. наблюдаются попытки двух крупнейших колониальных полисов Северо-Западного Причерноморья Ольвии и Истрии расширить зону своего политического и экономического влияния, прежде всего на Нижнее Поднестровье, а именно создать своеобразное политическое и культурно-религиозное единство [3; 23; 19, с. 66; 22, с. 147–149], которое может совпадать со 2-м уровнем по Ю. Г. Виноградову: военно-политическое (συνναχία) и религиозное (κοινά) [7, с. 8]. Одним из показателей такого единства могут послужить денежные эмиссии этих городов, широко распространённые в Поднавье, Поднестровье и Побужье [19, с. 66; 22, с. 148–149, рис. 1].

Что касается непосредственно Ольвии, то конец VI–V вв. до н. э. были временем кардинальных перемен в государстве и становления его как классического древнегреческого полиса с демократическим управлением. Этот процесс характеризуется наличием возможных социальных и религиозных конфликтов [24, с. 53, 56, 63], что, вероятнее всего, привело к временному установлению тиранического режима около середины V в. до н. э. [25, с. 138–140] и дальнейшему его свержению на рубеже V–IV столетий [21, с. 33–34; 6, с. 138]. В это время ольвиополиты сокращают до минимума свою сельскохозяйственную округу — хору. Переселение в Ольвию имело плановый характер и было произведено для усиленного развития города и лучшей организации населения полиса [13, с. 15; 14, с. 95; 15, с. 23–24; 4, с. 230]. Временное отсутствие большой хоры наверняка отразилось и на развитии внешней торгово-экономической деятельности. Сокращение объема земледелия ограничивало для ольвиополитов вывоз хлеба за пределы государства. Вероятнее всего, ольвио-

политы в это время периодически и сами имели проблемы с поставками зерна на внутренний рынок. Утверждение о том, что редукция хоры не повлияла на сокращение объёмов сельскохозяйственного производства за счёт более интенсивного освоения земельных угодий вокруг города [17, с. 320], на наш взгляд, недостаточно убедительна. Прежде всего, необходимо учитывать аналогичную ситуацию в государстве времён издания декрета в честь Протогена Геросонтова, в котором чётко подчёркиваются проблемы с обеспечением города хлебом и его дороговизна [IPE, I2, № 32]. Необходимо иметь в виду и постоянную занятость значительной части населения в жилищном и общественно-государственном строительстве, что, безусловно, отразилось на земледелии, даже с учётом его сезонного характера. К тому же, в новых условиях, вероятнее всего, из числа бывших аграриев были пополнены ряды профессиональных ремесленников, купцов, строителей и пр., т. е. интенсивно формировалась категория населения постоянно задействованная в сфере развития различных направлений городской инфраструктуры. Добавим к этому, что в период кризиса времени издания декрета в честь Протогена, в отличие от ситуации второй половины V в. до н. э., механизмы городской инфраструктуры были полностью сформированы и отток в город значительной части сельских жителей не требовал их активного участия в сфере городской экономики. Тем не менее, заповнивший город сельский контингент не смог наладить равноценное докризисному времени обеспечение города хлебопродукцией за счёт ближайших к городу земельных угодий и, вероятно, сезонного использования некоторых территорий бывшей «большой» хоры, о чём красноречиво свидетельствует сам текст декрета.

В этом контексте необходимо вспомнить и некоторые, приведённые выше, ольвийские эпиграфические документы этого времени (НО, 2, 3) и, особенно, декрет в честь боспорского правителя Сатира. Эвергессию Сатира, на наш взгляд, необходимо рассматривать не через призму гипотетических нюансов политики того времени [9, с. 75–76],

а, прежде всего, воспринимать дарованные политику и ателию, как искреннюю благодарность ольвиополитов «благодетелю Сатиру» за систематическую поддержку государства в вопросах хлебообеспечения в трудные для него времена, когда «большая» хора не использовалась в земледелии [25, с. 132, прим. 2; 26, с. 566–570]. Приведённые ольвийские эпиграфические документы в любом из вариантов их интерпретации свидетельствуют о действенности и эффективности международных отношений между понтийскими полисами в последней трети V в. до н. э.

Таким образом, не отбрасывая немаловажный фактор последствий политических катаклизмов в Эгейско-Средиземноморском бассейне, необходимо признать, что реальные условия для процесса формирования собственно причерноморского экономического рынка в полной мере возникли в V в. до н. э., в условиях стабильного развития, не смотря на внутренние социально-политические перестройки, перманентно набирающих силу и авторитет в Ойкумене понтийских полисов и, даже, возникновение в 480 г. до н. э. крупнейшего полисного объединения — Боспорского царства, в которых, кроме общего для всех земледелия, были развиты свои региональные ресурсодобывные, производственные и сельскохозяйственные отрасли, продукты которых

имели спрос на рынках Понта. К тому же, необходимо учитывать, что именно в это время в большинстве греческих колониальных полисов уже были хорошо налажены политические, торгово-экономические и культурные отношения с местными варварскими племенами [8], что, не смотря на отдельные негативные эпизоды и даже локальные войны, приобрели системность и стабильность.

Нельзя игнорировать и существенное влияние на этот процесс некоторых субъективных факторов, а именно активную деятельность Афин, которые своим почти тотальным вмешательством в различные военно-политические конфликты на почве социальных разногласий, нередко самими и спровоцированными, «навязыванием» идей демократии, действенной политикой на Понте до и в ходе Пелопоннесской войны, определённым образом консолидировали местные полисы. Причерноморские города, в силу обстоятельств, были поставлены в почти аналогичные условия, когда вольно-невольно, но извне, со стороны Афин диктовались «правила игры» и формировалось «генеральное» направление их внешнеэкономической деятельности на рынках Греции. В таких условиях альтернативная внутрипонтийская торговля последовательно набирала силу и особенно окрепла уже в IV в. до н. э.

Сокращения

ВДИ — Вестник древней истории

ДП — Древнее Причерноморье (Одесса)

МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья (Одесса)

НО — Надписи Ольвии

ССПК — Старожитності Степового Причорномор'я і Криму (Запоріжжя)

Источники и литература

1. Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. / И. Б. Брашинский // — М., 1963.
2. Брашинский И. Б. Значение Черноморских проливов в развитии экономической связей Причерноморья в VI–IV вв. до н. э. / И. Б. Брашинский // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. — Budapest, 1970. — S. 233–237.
3. Брашинский И. Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья / И. Б. Брашинский // ВДИ. — 1970а. — № 2. — С. 129–137.
4. Буйских С. Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму / С. Б. Буйских // ССПК. — 2009. — Т. XV. — С. 225–247.

5. Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. / Ю. Г. Виноградов // ВДИ. — 1981. — № 2. — С. 65–90.
6. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н. э. (историко-эпиграфическое исследование). / Ю. Г. Виноградов / — М., 1989.
7. Виноградов Ю. Г. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика / Ю. Г. Виноградов // Античные полисы и местное население Причерноморья. — Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». — Севастополь, 1995. — С. 5–55.
8. Виноградов Ю. Г., Доманский Я. В., Марченко К. К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья / Ю. Г. Виноградов, Я. В. Доманский, К. К. Марченко // Причерноморье в VII–V вв. до н. э. Письменные источники и археология. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Вани-1987. — Тбилиси, 1990. — С. 75–98.
9. Виноградов Ю. Г., Крапивина В. В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н. э. / Ю. Г. Виноградов, В. В. Крапивина // Античные полисы и местное население Причерноморья. — Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». — Севастополь, 1995. — С. 69–78.
10. Доманский Я. В., Фролов Э. Д. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII – I вв. до н. э.) / Я. В. Доманский, Э. Д. Фролов // Античные полисы и местное население Причерноморья. — Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». — Севастополь, 1995. — С. 78–99.
11. Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. / П. О. Карышковский, И. Б. Клейман / — К., 1985.
12. Козуб Ю. И. Аттическая керамика // Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время. / Ю. И. Козуб / — К., 1987. — С. 57–71.
13. Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М. К проблеме формирования Ольвийского полиса / С. Д. Крыжицкий, В. М. Отрешко // Ольвия и её округа. — К., 1986. — С. 3–17.
14. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. / С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко / — К., 1989.
15. Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А. Ольвия. Раскопки. История, культура. / С. Д. Крыжицкий, Н. А. Лейпунская / — Николаев, 1997.
16. Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии (из опыта изучения амфор VI – IV вв. до н. э.). / Н. А. Лейпунская / — К., 1981.
17. Отрешко В. М. Хора Ольвии / В. М. Отрешко // Археология Украинской ССР. — Т. 2. — К., 1986. — С. 317–328.
18. Охотников С. Б. Из истории торговых связей архаических поселений Нижнего Поднестровья / С. Б. Охотников // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. — К., 1981. — С. 42–51.
19. Охотников С. Б. Нижнее Поднестровье в VI – V вв. до н. э. / С. Б. Охотников / — К., 1990.
20. Рубан В. В. Археологический комплекс из поселения Чертоватое II на Бугском лимане / В. В. Рубан // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. — К., 1981. — С. 63–73.
21. Рубан В. В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н. э. / В. В. Рубан // ВДИ. — 1985. — № 1. — С. 26–46.
22. Рубан В. В. Заметки о расселении ионийских греков в Причерноморье // Ольвийские древности. / В. В. Рубан / — К., 2009. — С. 147–150.
23. Русяева А. С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII – V ст. до н.е. / А. С. Русяева // Археологія. — 1979. — № 30. — С. 3–17.
24. Русяева А. С. Милеет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья / А. С. Русяева // ВДИ. — 1986. — № 2. — С. 25–64.
25. Снытко И. А. Ольвийская тирания, «скифский протекторат» и некоторые вопросы социально-политической и экономической истории Ольвийского полиса позднеархаического и раннеклассического времени / И. А. Снытко // МАСП. — Вып. 12. — Одесса., 2011. — С. 125–149.
26. Снытко И. А. Ещё раз об ольвийской надписи в честь Спартокидов / И. А. Снытко // ДП. — Вып. X. — Одесса, 2013. С. 566–570.

Some issues relating to economic ties of Olbia with Pontic colonial centers in V BC on the basis of historical research, archaeological materials, narrative sources and epigraphic documents are considered. Close political, economic and cultural ties between the Black Sea cities, which had begun at the end of the VI BC, gradually strengthening in V BC. The period of greatest prosperity of trade between the Pontic cities is already in the IV BC. One of the main reasons to expedite these events, of course, was the Peloponnesian War, which, along with the already existing tendency to strengthen ties between the Pontic centers has stepped the process of formation of the Pontic market as an alternative.

Key words: *Olbia, Polis, epigraphic sources, economics, trade, market.*

УДК 904

С. В. Кашаев

Миски в погребальном инвентаре некрополя Артющенко-2

Некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского полуострова. Исследована площадь 3600 м², обнаружено 142 погребения. Большинство погребений датируется началом V – началом IV вв. до н. э. В работе рассмотрены различные варианты мисок, использовавшихся в качестве погребального инвентаря.

Ключевые слова: Таманский полуостров, грунтовый некрополь, инвентарь, керамика, миски, гонгарные, тернолаковые и лепные сосуды

Грунтовый некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). Памятник расположен на крутом, обрывистом берегу Черного моря. В настоящее время он интенсивно разрушается по причинам мощной абразии — практически ежегодно на разных участках берега происходят обвалы, оползни и разорения захоронений современными грабителями, ставшие почти систематическими.

Некрополь был обнаружен после значительного обвала берега, который произошел зимой-весной 2002 г. С 2003 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН приступил к спасательным раскопкам активно разрушающегося некрополя [1; 2].

В 2009 г. на некрополе Артющенко-2 впервые были зафиксированы следы крупномасштабных грабительских работ. За 2009–2013 гг. на площади некрополя было обнаружено более 60 грабительских шурфов. На поверхности большинства из них находились фрагменты человеческих костей, керамики, железных предметов и другие находки из разоренных захоронений. Все грабительские шурфы нанесены на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить примерные места расположения погребений, степень разрушения некрополя и масштабы нанесенного ущерба.

С 2003–2013 гг. на некрополе была исследована площадь около 3600 м², обнаружено 142 погребения, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Проведенные работы и находки позволили определить хронологию некрополя и составить представление о его размерах. Стало понятно, что северная граница некрополя расположена более чем в 100 м от современного берегового обрыва, а его протяженность с запада на восток составляет не менее 200 м. Таким образом, можно прийти к заключению, что площадь некрополя по самым примерным оценкам была не менее 20000 м². Учитывая среднюю плотность захоронений — одно погребение на 25 м² — можно высказать предположение, что некрополь содержал не менее 800 погребений.

Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются концом VI в. до н. э. или рубежом VI–V вв. до н. э., а самые поздние — II в. до н. э. Большинство из датированных погребений укладывается в промежуток примерно в 100 лет, между началом V и началом IV вв. до н. э.

На самых северных и самых восточных исследованных участках, помимо захоронений V–IV в. до н. э., фиксируется возрастающее количество могил III–II вв. до н. э.

Это позволяет предположить, что топографически некрополь развивался с юго-запада на северо-восток. Таким образом, на южных и западных участках могильника преобладают погребения конца VI – начала IV вв. до н. э., а на северных и восточных — могилы периода эллинизма.

Характерные особенности погребального обряда на некрополе проявляются в ориентации погребенных, наборе сопроводительного инвентаря, конструкции погребальных сооружений и других признаках. В большинстве случаев погребенные были ориентированы головой на восток или на восток с отклонением к северу. Инвентарь располагался вдоль южной или западной стенок могилы.

Материалы, полученные при раскопках, позволяют выделить основные группы погребального инвентаря: лепная керамика, ойнохои и кувшины, амфоры, миски, чернолаковые сосуды, расписные сосуды, предметы вооружения, бронзовые предметы, украшения.

Некрополь дает интересные и многочисленные артефакты, изучение которых поможет исследованию целого ряда важных проблем, связанных с освоением греками Азиатского Боспора: реконструкции основных типов хозяйственной деятельности, выявлению культурных связей поселенцев.

В круге этих проблем одной из самых значимых является проблема контактов между греками колонистами и местным, варварским населением региона. Одним из индикаторов присутствия выходцев из варварской среды в составе жителей античных городов и поселений считается лепная керамика. Именно эта группа находок привлекает особое внимание исследователей при рассмотрении вопросов о наличии на поселении варварского населения, его происхождении и многочисленности.

Почти всегда в состав инвентаря входят «сосуды для пищи», которые представлены мисками разных форм и размеров, различающиеся по способу исполнения. Миски наравне с «сосудами для вина» — ойнохоями, кувшинами и амфорами, являются основным элементом погребального инвентаря. Они присутствуют в подавляющем

большинстве погребений, где обнаружен инвентарь. Иногда миска и ойнохои были выполнены из одинаковой глины и имели схожую орнаментацию. Складывается впечатление, что это могли быть своеобразные «наборы» или «пары». Чаще всего такие наборы можно обнаружить в погребениях детей или подростков.

В погребениях миски, как правило, располагались в ногах или сбоку от погребенного на уровне ног и никогда не были зафиксированы под головой или в районе головы [2, с. 90, рис. 1, с. 93, рис. 4]. Такое расположение мисок может свидетельствовать о том, что их присутствие связано именно с ритуальной, загробной пищей [3, с. 149].

В данной работе рассмотрим «сосуды для пищи» — различные группы, типы и варианты мисок, использовавшихся в качестве погребального инвентаря.

Из 130 исследованных погребений 46 также выпадают из подсчетов. Они оказались безинвентарными или разрушенными абразией частично или полностью. В них инвентарь не сохранился или сохранился не полностью. Таким образом, инвентарь, поддающийся анализу, был обнаружен только в 84 могилах. Надо отметить, что из 84 погребений в 13 инвентарь крайне малочислен, керамические сосуды часто вообще отсутствуют. Из подсчетов так же были исключены погребения, доследованные за грабителями.

Все обнаруженные в погребениях миски можно разделить на три группы: гончарные, чернолаковые и лепные. Всего в инвентарных погребениях найдено 60 мисок, из них 45 гончарных (красно- и сероглиняных), 10 чернолаковых и 5 лепных. Причем в некоторых погребениях, чаще всего парных, обнаружено по две миски, т. е. для каждого захороненного клали свой сосуд. В процентном соотношении картина выглядит следующим образом: гончарных мисок 75,0 %, чернолаковых 16,7 %, лепных 8,3 %.

В некоторых погребениях есть инвентарь, но такой, казалось бы, обязательный его элемент как миски — отсутствует. Можно предположить, что это связано с тем, что миски могли быть изготовлены из дерева и не сохранились до наших дней.

Рассмотрим подробнее каждую из трех выделенных групп мисок. Первая группа — миски, выполненные на гончарном круге, состоит из 45 экземпляров. Эта группа является самой многочисленной. Сосуды этой группы в основном красноглиняные, сероглиняные встречаются крайне редко, и представлены в некрополе единичными экземплярами.

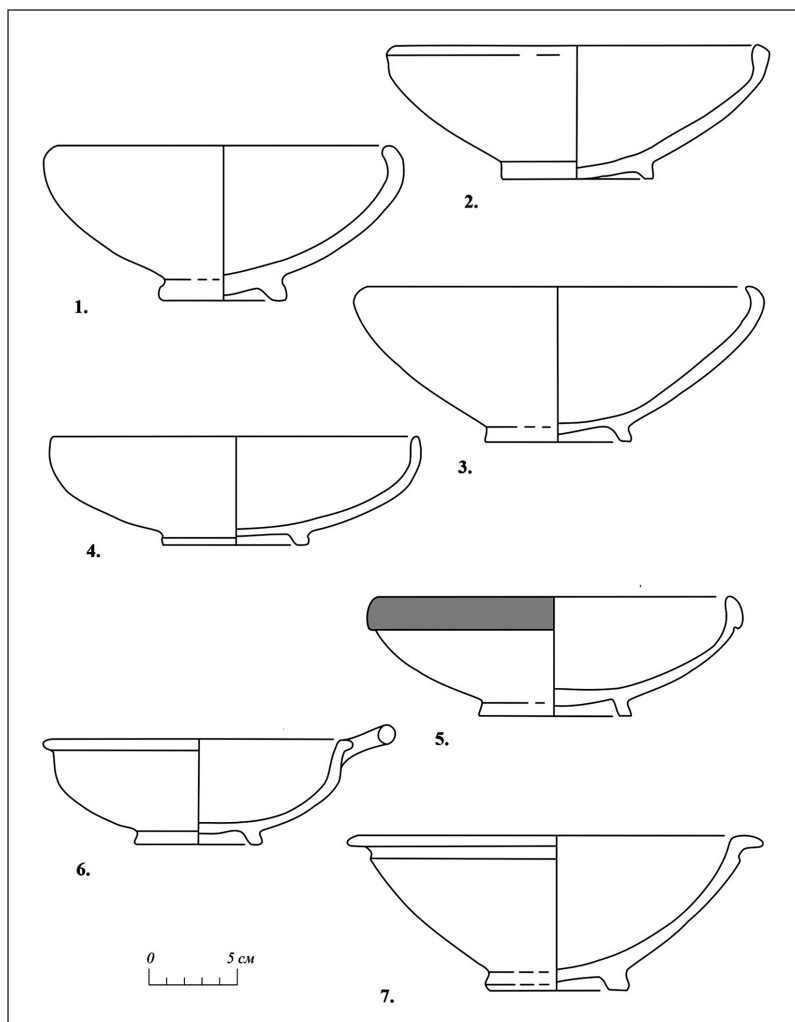
Часть гончарных мисок может иметь средиземноморское происхождение. Они отличаются высоким качеством исполнения, составом глиняного теста, хорошо отмученной мелкозернистой глиной и хорошим обжигом.

В то же время среди мисок выделяется группа предположительно местного произ-

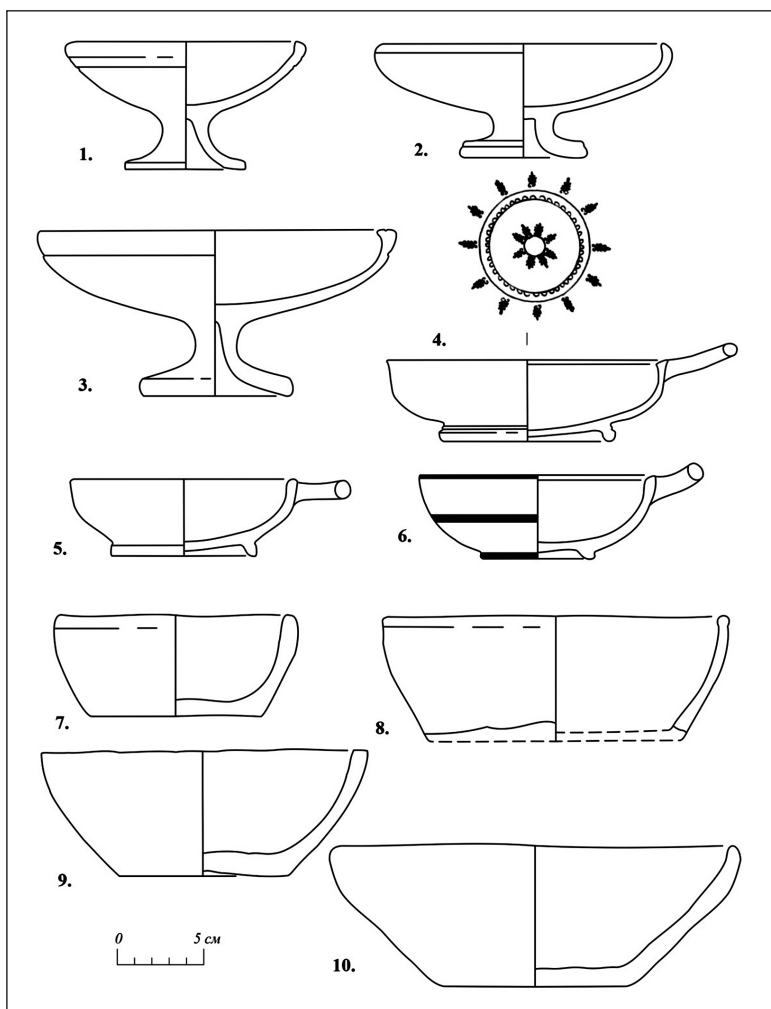
водства. Изготовлены они из коричневой, очень хрупкой, ломкой, слоющейся глины. В большинстве случаев такие миски находят раздавленными грунтом на множество мелких фрагментов. Реставрировать их крайне сложно.

Столь низкое качество этих сосудов наводит на мысль, что они не могли использоваться в быту. Возможно, их изготавливали только в ритуальных целях, т. е. специально для помещения в могилу в качестве инвентаря.

На закраине и внутренней поверхности практически всех гончарных мисок присутствует орнаментация в виде кольцевых полосок. Они выполнены краской — крас-

Рис. 1. Некрополь Артющенко-2. Гончарные миски. 1 — погр. № 59; 2 — погр. № 27; 3 — погр. № 13; 4 — погр. № 66; 5 — погр. № 24; 6 — погр. № 64; 7 — погр. № 10.

Рис. 2. Некрополь Артющенко-2. Черноразовые и лепные миски.

- 1 — погр. № 38;
- 2 — погр. № 129;
- 3 — погр. № 6;
- 4 — погр. № 83;
- 5 — погр. № 88;
- 6 — погр. № 112;
- 7 — погр. № 74;
- 8 — погр. № 17;
- 9 — погр. № 10;
- 10 — погр. № 46.

ной, коричневой или белой. Иногда сочетание нескольких кольцевых полосок выполнено двумя разными красками, обычно белой и коричневой. При плохой сохранности мисок или низкого качества глины происходит осыпание или отслаивание ангоба. В таких случаях орнаментация становится плохо заметной или стирается вовсе.

Типологически (по форме закраины) можно выделить несколько вариантов гончарных мисок:

- Миски с загнутым внутрь краем. Этот вариант имеет три разновидности — с утолщенной закраиной (рис. 1.1) Аналогии: [4, с. 336, табл. 54.8; 5, с. 126, рис. 138.1], с округлой закраиной (рис. 1.2) Аналогии: [4, с. 336, табл. 54.3; 6, с. 298, табл. 163.8; 7, табл. 16.4]

и заостренной — клювовидной закраиной (рис. 1.3). Аналогии: [5, с. 159, рис.178.1]. Например, миска такой формы была обнаружена в погребении 52 [2, с. 94, рис. 5.3].

- Миски с вертикальной, округлой закраиной (рис. 1.4). Сосуды такой формы единичны. Возможно, этот вариант является разновидностью первого варианта и может быть отнесен к разновидности с округлой закраиной (Рис.1.2). Например, миска такой формы была обнаружена в погребении 66 [2, с. 95, рис. 6.9].

- Миски с округлым «валикообразным» краем (рис. 1.5). В этом случае закраина округлая, слегка загнута внутрь, а с внешней стороны имеется валик, подрезанный снизу. При этом валик может быть разных

размеров, от совсем слабо выраженного до массивного. Например, миска такой формы была обнаружена в погребении 47 [2, с. 92, рис. 3.10]. Аналогии: [4, с. 336, табл. 54.1; 8, с. 10, рис. 7, с. 25, рис. 21.1; 5, с. 178, рис. 201.1].

- Миски с уплощенной и немного отогнутой наружу закраиной, а также одной петлевидной ручкой (рис. 1.6). Например, миска такой формы была обнаружена в погребении 64 [2, с. 94, рис. 5.9]. Аналогии: [4, с. 338, табл. 56.1].

- Миски с сильно отогнутой наружу закраиной, чаще она бывает горизонтальной, реже наклонной (рис. 1.7). В большинстве случаев под краем сделан рельефный кольцевой желобок, но его может и не быть. Обычно сосуды этого варианта самые массивные и вместительные. Миски таких форм были обнаружены в Погребениях 45 и 65 [2, с. 92, рис. 3.3, с. 95, рис. 6.1]. Аналогии: [4, с. 288, табл. 8.11; 9, с. 181, рис. 45; 8, табл. 15.2].

Миски всех перечисленных вариантов и разновидностей, независимо от формы закраины, в подавляющем большинстве выполнены на кольцевом поддоне. Лишь небольшая часть мисок — на плоском дне.

Вторая группа — чернолаковые миски, таких найдено 10 экземпляров. В эту группу входят сосуды двух типов, бытование каждого из которых имеет свои хронологические границы.

Первый тип по форме напоминают вазочки фруктошницы, это так называемые чернолаковые «чаши на ножке». Такие чаши представлены образцами разных размеров и пропорций (рис. 2.1, 2.3).

Сосуды таких форм были обнаружены, например, в погребениях 40 и 43 [2, с. 91, рис. 2.6, рис. 2.10].

Все встреченные экземпляры этой группы близки по форме. Сосуды немного отличаются диаметром и профилировкой закраины, высотой ножки. Все сосуды этого типа имеют аттическое происхождение, бытовали они в первой половине V в. до н. э.

В качестве аналогий можно привести экземпляры из материалов Афинской Агоры. Аналогии: [10, №№ 958-962]. В третьей четверти V в. до н. э. на смену чашам

на ножке пришел следующий, описанный ниже, тип.

Второй тип — чернолаковые миски с одной петлевидной ручкой, так называемые «одноручники» (рис. 2.4, 5, 6). Часть сосудов этого типа имеет аттическое происхождение и отличается высоким качеством изготовления — это миски, из плотной глины, покрытые густым, блестящим, черным лаком. На внутренней стороне дна имеется штампованный орнамент.

Другая часть мисок этой группы может быть малоазийского или иного производства. Лак этих мисок жидкий, тусклый, иногда красноватого оттенка.

Все одноручники, выполненные на кольцевом поддоне, использовались во второй половине V в. до н. э. Аналогии: [10, №№ 745-753].

Третья группа — лепные миски, найдено всего 5 экземпляров разной сохранности. В некоторых случаях миски обнаружены сильно поврежденными, раздавленными грунтом на мелкие фрагменты. В тесте, как правило, присутствует толченая ракушка. Чаще всего миски, как и другие лепные сосуды, встречаются в женских погребениях.

Все обнаруженные лепные миски очень близки по форме, они имеют тулово усеченно-конической формы на плоском дне. Среди них можно выделить два варианта исполнения.

Миски первого варианта имеют округлые, почти вертикальные стенки и вертикальную скругленную закраину (рис. 2.7, 8). Аналогии: [6, с. 263, табл. 117.4; 5, с. 37, рис. 27.1].

Миски второго варианта имеют более отогнутые наружу стенки и вертикальную скругленную или уплощенную закраину (рис. 2.9, 10). Аналогии: [11, с. 74, рис. 2.7, 8; 12, с. 34, рис. 4; с. 139, табл. II. 5; 5, с. 37, рис. 27.1].

Аналогии мискам, обнаруженным в погребениях некрополя, можно найти в материалах из раскопок различных памятников Веспора, например, некрополей Тирамбы и Нимфея, городищ Гермонасса и Горгиппия, поселения Артющенко-1 и других.

Миски представленных разновидностей происходят из погребений, датированных началом V — началом IV вв. до н. э. Можно предположить, что в указанный период

именно такие формы имели наибольшее распространение как на Таманском полуострове, так и на территории Боспора в целом.

Погребения этого времени отличаются самым разнообразным и относительно богатым инвентарем, который отражает тип хозяйственной деятельности, торговые и культурные связи в регионе. В начале IV в. до н. э. погребальный обряд трансформируется: количество инвентаря в погребениях уменьшается, он становится менее разнообразным, миски встречаются редко. Это может быть связано, как с изменением погреб-

альных традиций у прежнего населения, так и с притоком нового населения, привнесшим в обряд свои традиции.

В заключение можно отметить, что раскопки некрополя Артющенко-2 позволяют ввести в научный оборот новые, интересные материалы. Представленные выше разновидности мисок свидетельствуют о присутствии в традициях поселенцев характерных устойчивых компонентов погребальных обрядов, взаимопроникновении и смешении на Боспоре двух культур — греческой и варварской, — каждая из которых представлена своим набором находок.

Источники и литература

1. Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) / С. В. Кашаев // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Боспорские исследования. — Т. XXII. — Симферополь-Керчь, 2009. — С. 188–267.
2. Кашаев С. В. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. / С. В. Кашаев // СУМВОАА. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. — Вып. 1. — М.-Киев, 2010. — С. 88–96.
3. Малышев А. А. Погребальный инвентарь Раевского некрополя // Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя. / А. А. Малышев / — М., 2007. — С. 142–176.
4. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. / Е. М. Алексеева / — М., 1997.
5. Крушкол Ю. С., Новичихин А. М. Описание погребальных комплексов. Каталог / Ю. С. Крушкол, А. М. Новичихин // Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет. — М., 2010.
6. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. / Н. Л. Грач / — СПб., 1999.
7. Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы / А. К. Коровина // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. — Вып. 8. — 1987. — С. 3–70.
8. Коровина А. К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. / А. К. Коровина / — М., 2002.
9. Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов / В. Ф. Гайдукевич // МИА — 69. — М., 1959. — С. 154–238.
10. Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / B. A. Sparkes, L. Talcott // The Athenian Agora. — Vol. XII. — 1970.
11. Виноградов Ю. А. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко-1 на Таманском полуострове / Ю. А. Виноградов // Записки ИИМК РАН. — СПб., 2006. — С. 69–76.
12. Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов / Е. Г. Кастанаян / — Л., 1981.

The necropolis Artjuschenko-2 is situated in the southern part of Taman peninsula. Here, over an area of 3600 square metres, were found 142 burials. The most part of the graves date to the early 5th – the early 4th cent. BC. The article deals with different variants of cups, used as burial equipment.

Key words: *Taman peninsula, burial ground, inventory, pottery, bowls, wheel-made, black-glazed and hand-made vessels.*

УДК: 902

Е. В. Власова

О предметах вооружения из Куль-Обы

Из предметов вооружения, найденных в кургане Куль-Оба, до нас дошли 87 стрел, меч, кнemiда с левой ноги, пластины боевого пояса, четыре ножа, тогильный камень, рукоять от плети-нагайки. На некоторых предметах были золотые накладки. Вооружение демонстрирует этнический симбиоз; в нем — соединение греческого, восточного, скифского, синдо-меотского: кнemiды греческого или боспорского происхождения, пояс — местное изделие, созданное на основе восточных и греческих панцирей, синдо-меотского типа меч, стрелы нескольких разновидностей, но изготовленные, по-видимому, в мастерских одного центра, скифская плеть-нагайка, ножны для меча скифского типа, золотая обкладка которых, вероятно, изготовлена на Боспоре.

Ключевые слова: Куль-Оба, предметы вооружения, стрелы, меч, ножи, кнemiда, пояс, тогильный камень, плеть нагайка.

Согласно отчету проводившего раскопки Поля Дюбрюкса, в кургане Куль-Оба были найдены железные наконечники пик или дротиков, поножи, шлем, «царский» меч, плеть, деревянный колчан, покрытый «полоской электрума, на которой оттиснуты барельефы», несколько сотен бронзовых наконечников стрел, ножи и камень «для заточки оружия» [1. I. С. 169–173, 175, 181–182, 184–185, 189; 2. Р. 350, 355, 361–362, 371].

Железные наконечники пик или дротиков, а также шлем не сохранились. До Эрмитажа дошли 87 стрел (инв. № К-О.108), из которых одна — поврежденная двухлопастная пирамидальная с открытой втулкой, склеенная из частей, остальные — трехлопастные и трехгранные нескольких разновидностей, но близкие по составу металла; древки стрел были сделаны из березы. Аналогичные кульобским стрелы происходят преимущественно из курганов IV в. до н. э. [3, с. 85–87; 4а, с. 122].

Дюбрюкс упомянул две пары поножей: одни — у погребенного, названного «царем», другие — в углублении рядом с косями лошади. «Царские» поножи до нас не дошли, другие были разделены между Эрмитажем и Керченским музеем древностей [1. I. С. 172, 184; 2. Р. 361]. Правая, хранившаяся

в Керчи, пропала во время Великой Отечественной войны. Левая, экспонируемая в Эрмитаже (дл. 41,5 см; инв. № К-О. 107), сделана из бронзового с золотистым оттенком листа с пластической проработкой деталей, соответствующих структуре голени [5. I. С. XX; 6, с. 75–76. Табл. 16 № 10; 7, с. 12. С. 17 № 2; 8, с. 187. № 12; 4, с. 122–124. Рис. 1 № 1]. Из-за золотистого оттенка кульобские кнemiды многим казались позолоченными, и эта ошибочная информация попала в ДБК [5, I. с. XXIV], откуда переходила в другие работы. Отсутствие позолоты на бронзе показала экспертиза сохранившегося экземпляра [4, с. 122–124].

По мнению Л. К. Галаниной [7, с. 14, 16], отсутствие отверстий для крепления по краям, «по-видимому, свидетельствует о том, что такие пластины надевались поверх гамаш или имели приклеенную подкладку», и могли крепиться завязанными вокруг щиколотки ремешками, как изображено на золотом гребне из кургана Солоха. По форме кнemiда аналогична поножам из кургана Кекуватского, Мастюгинских курганов № 2–3, кургана № 493 Ильинцов [7, с. 10. Рис. 2; с. 17 № 1; с. 21 № 17; 6, с. 75; 8, с. 29, 32]. Кульобский экземпляр датируют IV в. до н. э. [7, с. 17 № 2]. По мнению А. И. Мелюковой [6,

с. 76], «греческие по происхождению» поножи были произведены или импортированы Пантикапеем.

Найденные в кургане пластины боевого пояса (инв. № К-О. 34), как убедительно показала А. П. Манцевич [9, с. 26. Рис. 9; с. 27; с. 29, № 14], ошибочно посчитали за «наконечники поножей, у которых верхняя часть железная, а нижняя — золотая» [5. III. С. 198]. Из 19 пластинок — 17 продолговатых узких дугообразно изогнутых (7,5 × 0,7 см) со слегка суженными концами, где железная основа покрыта с вогнутой стороны пластинкой листового золота с продольным рельефным ребром, края которой загнуты на оборотной стороне; на концах и в центре по два отверстия [4, с. 123–125; Рис. 1 № 4]. На концах у кульобского пояса — две полукруглые изогнутые пластинки (7,3 × 4,4 см) также на железной основе, покрытой с вогнутой стороны листовым золотом, загнутым на обратной стороне; по закругленному краю 17 мелких отверстий; на одной пластине — одно, на другой — два больших круглых отверстия, очевидно, для прикрепления завязок пояса.

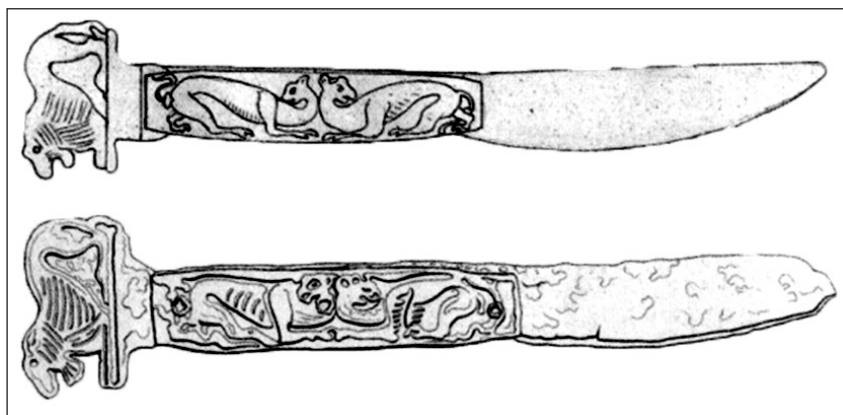
Золотая узкая пластина, похожая по форме на кульобскую, происходит из кургана Огуз [9, с. 21, 27. Рис. 10], а концевая напоминает пластину из Солохи [10, с. 84–86. Кат. № 58]. Пояса такого устройства происходят из кургана № 401 Журовки, кургана № 1 Галущина, кургана № 63 Берестеняг и изображены на фигуре всадника на гребне из Солохи, а также у скифов на кульобском сосуде [9, с. 27. Рис. 1–3]. Прямые пластины изображены на поясе каменного изваяния из Крыма, дугообразные — на поясе каменного изваяния из Краснодарского края [11, Кат. № 105, 119].

Пояса использовались для подвески оружия (горита с луком, меча, секиры, плетинагайки) и оселка для его заточки. В кульобском «царском» снаряжении был черный круглый в сечении камень, сужающийся к нижнему концу, со втулкой из листового золота с орнаментом на верхнем конце, где сделано круглое горизонтальное отверстие для подвешивания [5. Табл. XXX № 7; 12, табл. 212; 4, с. 123, 125, 127. Рис. 1 № 6]. Такие камни называют оселками для заточки

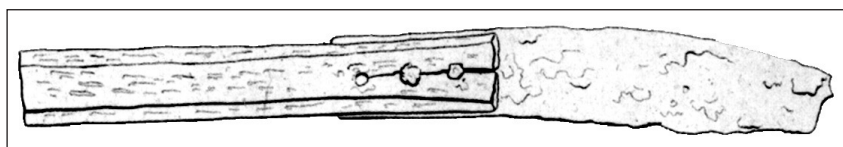
металлических орудий, точильными камнями, точилами, точилками. Разнообразные точильные приспособления найдены на городищах и в погребальных комплексах Скифии [13, с. 44–46. Рис. 2]. Точильные камни — один из атрибутов на скифских изваяниях [11, с. 62, 64–65. Табл. 10–11]. По-видимому, в них соединялись две функции: утилитарная и культовая [14, с. 142; 15, с. 54; 11, с. 65]. Состояние кульобского камня свидетельствует о его интенсивном использовании. Камни с золотыми втулками, гладкими и орнаментальными, найдены в нескольких курганах. Камни с одинаковыми орнаментальными втулками не обнаружены, но такие детали орнамента, как плетенка, овы, пальметтки, есть на втулках камней из Малой Близницы и Талаевского кургана [16. Pl. 177, 175]. Камень из Куль-Обы датируют IV в. до н. э. [16. Pl. 176], 400–350 гг. до н. э. [17, с. 142 № 84; 18, I. S. 165–166. Nr. 71].

Из упомянутых в отчете Дюбрюкса семи железных ножах, в Эрмитаже хранятся четыре [3, с. 83–85; 4, с. 123, 127. Рис. 1 № 3, 5]. Это железный с золотой обкладкой на рукоятке и три железных с костяными рукоятками, два из которых были доставлены в Санкт-Петербург вместе с другими находками сразу после раскопок, а один был передан в Эрмитаж в 1853 г. благодаря графу Л. А. Перовскому [1, I. С. 201. *23].

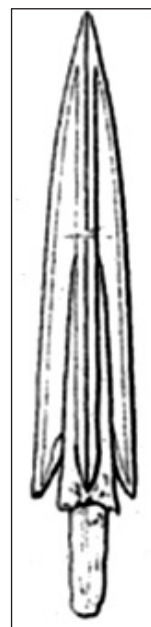
У ножа с обкладкой из листового золота на рукоятке и слегка выгнутой дугой спинкой (дл. 18,5 см. инв. № К-О.35) утрачено острие, повреждения на лезвии и на золотых пластинах с оттиснутым изображением зверей [5. Табл. XXX № 10; 12, табл. 211; 16, Pl. 174; 1, I. С. 182, II. С. 107. Рис. 235; 3, с. 84]. Пластины были соединены с железной основой золотыми сквозными заклепками, из которых в центре одна сохранилась. Навершие сделано в виде профильной фигуры крылатого льва с раскрытой пастью с вытянутыми вперед передними лапами и стоящими (как бы идущими) задними. На продольной части рукоятки с обеих сторон — две с повернутыми назад головами геральдически расположенные фигуры пантер с вытянутыми вперед лежащими передними лапами и стоящими (как бы идущими) задними лапами. Стилистическое сходство изображения зве-

К-О.35

К-О.110

К-О.108

К-О.36

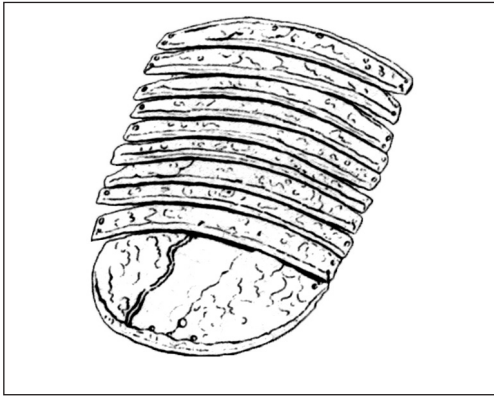
Рис. 1. Оружие из Куль-Обы

рей на кульобском ноже с изображениями на золотых накладках рукояток кульобских зеркала и меча, а также мечей из кургана Мирзы Кекуватского и Чертомлыка позволяет предположить, что они могли быть выполнены в одной мастерской [5. Табл. XXVII № 10; 12, с. 66. Табл. 208, 213, 270; 19, с. 62 № 35; 16. Pl. 178; 20, с. 102–103, 222–223. Кат. № 184–187; 3, с. 84].

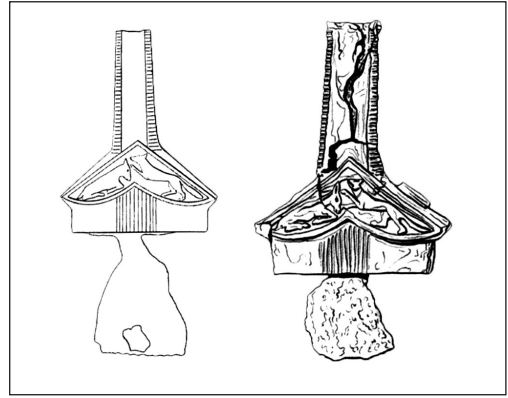
К этому ножу близки по форме два кульобских ножа с костяными рукоятками (дл. 15,8 см. инв. № К-О.110; дл. 17,8 см. инв. № К-О.111). Это железные ножи с прямым режущим нижним краем и дуговидной спин-

кой. Костяные рукоятки с плоской средней частью и скошенными сторонами в сечении представляют восьмигранники со сглаженными углами. В верхней части рукоятки — распил, в который вставлялся черенок. Сквозные железные заклепки скрепляют его с рукоятью [5. Табл. XXX № 9; 1. II. С. 107. Рис. 234]. Аналогичные по форме ножи найдены, например, в Чертомлыке [20, с. 98. Рис. 66. Кат. № 60, 79, 89, 90, 111, 131, 132] и других памятниках [21. II. С. 17. Табл. III № 67; 22, с. 71. Табл. 16 № 4, 13, 14; 23, Табл. 17 № 14; 24, с. 116. Рис. 3 № 19–20. С. 123. Рис. 9 № 13. С. 130. Рис. 15 № 11. С. 137 № 8, 9, 14. С. 154 № 7;

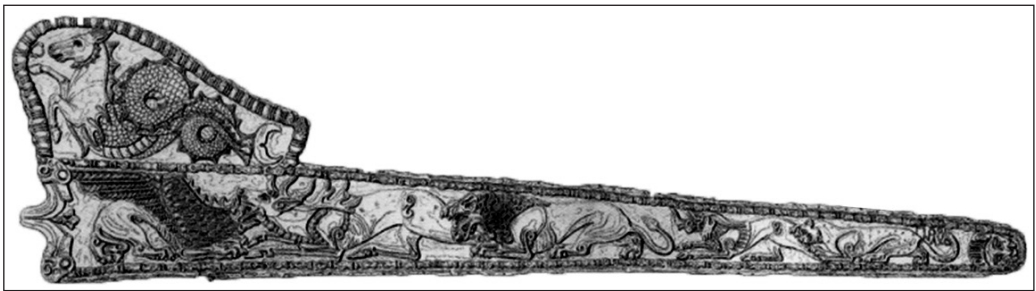

К-0.34

К-0.32

К-0.33

Рис. 2. Оружие из Куль-Обы (продолжение)

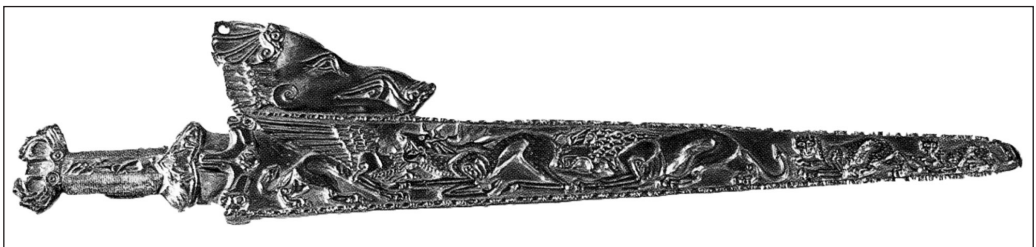
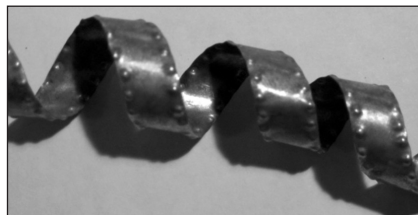
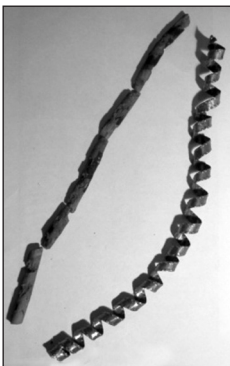
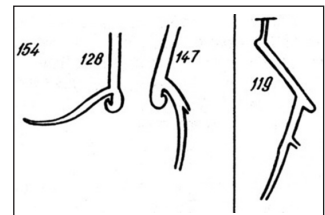

Рис. 3. Меч. Курган № 30 у с. Великая Белозерка

К-0.44

рисунки из книги
Ольховского, Евдокимова

Рис. 4. Фрагменты плети

25, с. 255. Рис. 1. № 1–2. С. 259. Рис. 2 № 6,7; 26, с. 250. Рис. 52, № 2, 3].

Другой железный нож (дл. 18,3 см. инв. № К-О.112) имеет однолезвийный клинок с горбатой спинкой, скрепленный тремя железными заклепками с восьмигранной соглаженными углами в сечении костяной рукояткой. Ножи такого типа найдены в различных местах [21, II. С. 17. Табл. III № 66; 22, с. 71. Табл. 16 № 9; 23, Табл. 17 № 8, 11, 12; 24, с. 183. Рис. 53, № 4; 25, с. 259, Рис. 2, № 8; 26, с. 249. Рис. 51, № 9, 12; 20, с. 98, Рис. 66, Кат. № 139].

Поль Дюбрюкс считал, что рукоятки ножей сделаны из слоновой кости [1, I. С. 182], но слоновая кость, главным образом, использовалась для изготовления высокохудожественных предметов, таких, как кульобский саркофаг [27. С. 69–83 Рис. III, IV; 12, табл. 257–262; 28, с. 28; 29, с. 47 № 27–29; 30, S.38. Нг.42–44], а для изготовления орудий труда и их деталей, например, рукояток ножей, использовались кости домашних животных [31, с. 25]. Можно сказать, что кость рукояток по структуре — определённо не слоновая.

Ножи с костяной рукояткой считают инвентарем, сопровождающим жертвенную [22, с. 16], заупокойную [26, с. 171] пищу. «В случаях, когда ножи находятся в одном комплекте с метательным оружием равномерно предположение об их использовании также в качестве метательного оружия» [26, с. 97–98]. Н. Л. Сухачев аналогами кульобским ножам с дуговидной спинкой считает ковровые ножи из женских захоронений эпохи бронзы юго-западного Туркменистана и удэгейский нож для изготовления деревянных поделок [1. I. С. 201 *23.], но это мнение не является доказательством, что кульобские ножи предназначались для таких работ.

От плети из кожи [1, I. С. 172, 184; 2, р. 361; 4, с. 123, 127–128. Рис. 1 № 2] сохранились лишь остатки рукоятки из сандала с закрученной на нее спиралью золотой ленты с точками по краям (дл. 30,5 см; инв. № К-О.44). Ленты для рукояток нагаек найдены в Мастюгинском кургане № 2 [22, с. 81. Табл. 21 № 16], в Чертомлыке [20, с. 170–171. Кат. № 74]. Изображения нагаек есть на нескольких каменных изваяниях [11, с. 65–66. Табл. 12].

В отчете Дюбрюкса упомянут «царский» железный меч, которому «окись уже не оставила всей ширины», покрытая золотым листом с барельефами рукоять и «чехол для лука, сделанный из дерева, обратившегося в прах», который был покрыт «полоской электрума» с оттиснутыми изображениями [1, I. С. 172, 184. II. С. 107. Рис. 238–239].

Меч, сильно испорченный коррозией (дл. 76,5 см; инв. № К-О. 113), фактически представляет собой клинок треугольного обоюдоострого меча с ребром в средней части с обеих сторон [4, с. 126, 128. Рис. 2 № 5]. Снятый слой ржавчины сделал ромбовидный в сечении клинок тонким, почти плоским и изрядно сузил его в ширине. По мнению Н. И. Сокольского [32, с. 133. Табл. II № 6. С. 144], длина меча должна была быть около 0,9 м, что превосходит скифские акинаки и греческие ксифосы, а сходство кульобского меча с мечом из Семибратних курганов «может свидетельствовать о синдо-мелотском влиянии, проникавшем в скифскую среду». М. В. Горелик [33, с. 33, 246–247. Табл. XV № 26] отметил, что к V в. до н. э. выработался оригинальный тип синдо-мелотского меча с клинком вытянуто треугольной формы, без перекрестия с брусковидным навершием, который в IV в. до н. э. широко распространился на территории от Закавказья до Дона.

У железной рукоятки меча с золотой обкладкой (дл. 13,5 см; инв. № К-О. 32) утрачено навершие [5. Табл. XXVII № 10; 12, табл. 208; 4, с. 126, 128. Рис. 2 № 4]. На обкладке оттиснуты изображения животных: на крестовине слева — животное в профиль с подогнутыми ногами (козел?), справа — животное в профиль с длинным хвостом, бегущее влево (собака? волк?); с боков — две узкие пластины с поперечными ребрами; под крестовиной в средней части — ряд вертикальных параллельных рельефных линий. Стилистически подобным рельефом украшены рукоятки кульобских зеркала [16. Pl.178] и ножа [16. Pl. 174], а также мечей из кургана Мирзы Кекуватского [5. III. Табл. XXVII № 9;] и Чертомлыка [12, с. 62. Ил. 118]. Стилистическое сходство этих золотых обкладок позволяет предположить, что они могли быть изготовлены в одной местной мастер-

ской. Близи к кульобской рукояти рукоять меча из кургана № 10 у Елизаветовской и рукояти мечей из других курганов [32, с. 141; 10, с. 69].

Упомянутая в отчете «полоска электрума», которую считали накладкой на горит, является накладкой из золотого листа на ножны меча (дл. 68,5 см; инв. № К-О.33). На ней — рельефное изображение зверей [5, Табл. XXVI № 2; 12, табл. 208, 209; 18, с. 62–63. Табл. 17 № 5; 12, II. с. 107. Рис. 239; 6, с. 126, 129. Рис. 2, № 1, 3]. На выступе-лопасти в расширяющейся верхней части ножен — профильное изображение гиппокампа, у морды которого — большое сквозное отверстие для крепления. По всей длине меча — две профильные сцены борьбы животных. Первая группа состоит из оленя, на которого с обеих сторон нападают крылатый дракон и лев. Во второй группе — пантера, кусающая сзади за ляжку убегающего козла. В нижней части меча — львиная маска в фас, на верхнем крае — две птичьи головы в профиль, между клювами которых — трехлепестковая пальметка. Оформление по краям накладки — жемчужная нить. У хвоста пантеры нанесена надпись: ПОРНАХО. На загнутых внутрь краях — ряд частых сквозных отверстий. Для нанесения изображений на золотой лист для одной вещи использовалось несколько матриц, поэтому на разных вещах иногда изображения совпадают не полностью, а частично. Так на накладках ножен мечей из Куль-Обы и кургана № 30 у с. Великая Белозерка Запорожской обл. совпадает только

сцена нападения крылатого дракона и льва на оленя [21, с. 121–126; 33, с. 304. Кат. № 89; 1, с. 247–248; 6, с. 126, 129. Рис. 2 № 2]. Кульобская накладка, как и накладка из кургана 10 у ст. Елизаветовской, была сделана для ножен меча с треугольным клинком [18, с. 63]. Разнообразные мечи в ножнах изображены на каменных изваяниях, но их формы не повторяют абсолютно точно кульобскую [20, с. 73, 75. Табл. 18. Ср. Кат. № 153].

В вооружении из кургана Куль-Оба — соединение греческого, восточного, скифского, синдо-меотского: кнемиды — греческого или боспорского происхождения, пояс — местное изделие, созданное на основе восточных и греческих панцирей, синдо-меотского типа меч, скифская плеть-нагайка, стрелы нескольких разновидностей, но изготовленные, по-видимому, в мастерских одного центра, ножны для меча скифского типа, золотая обкладка которых, вероятно, изготовлена на Боспоре. Этот этнический симбиоз на Боспоре отразился не только в вооружении, но и в боспорской ономастике, культуре и в погребальных памятниках. Существуют различные мнения об этническом происхождении боспорских правителей. Симбиоз демонстрирует даже их титулатура: архонт для греков и царь для местного населения. Существуют различные мнения о том, кто погребен в Куль-Обе: скифский царь, боспорский царь, скифский номарх, скифский аристократ. Можно говорить об этническом симбиозе на Боспоре и в XIX веке, когда был открыт курган, и в настоящее время.

Источники и литература

1. Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии. / А. Ю. Алексеев / — СПб., 2003. — 416 с.
2. Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. / А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле / — Киев, 1991. — 411 с.
3. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. / М. И. Артамонов / — Прага-Л., 1966. — 120 с.
4. Билимович З. А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания / З. А. Билимович // ТГЭ. — XVII. — Л., 1976.
5. Власова Е. В. Стрелы и ножи из кургана Куль-Оба / Е. В. Власова // Древнее Причерноморье. — IX. — Одесса, 2011. — С. 83–89.
6. Власова Е. В. Предметы вооружения из кургана Куль-Оба / Е. В. Власова // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. — Материалы международной научной конференции. — СПб., 2011а. — С. 121–130.
7. Галанина Л. К. Греческие поножи в Северном Причерноморье / Л. К. Галанина // АСГЭ. 7. — Л., 1965. — С. 5–27.
8. Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). / М. В. Горелик // М., 1993. — 351 с.

9. Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. / М. П. Грязнов / — Л., 1961.
10. ДБК — Древности Босфора Киммерийского. I—III. — СПб., 1854.
11. Древности Приднепровья. Собрание Б. И. и В. И. Ханенко. Вып. II. / Б. И. и В. И. Ханенко / — Киев, 1899. — 44 с.
12. Дюбрюкс П. Собрание сочинений. / Подготовка текстов И. В. Тункиной и Н. Л. Сухачева / — СПб., 2010. — Т. I. — 726 с., — Т. II. — 310 с.
13. Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. / Г. Т. Ковпаненко, Э. В. Яковенко / Киев, 1973. — С. 253–265.
14. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону. / П. Д. Либеров // САИ Д 1–31. — М., 1965. — 38 с.
15. Манцевич А. П. О скифских поясах / А. П. Манцевич // СА. VII. — М.-Л., 1941. — С. 19–29.
16. Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа / А. П. Манцевич // АСГЭ. — 15. — Л., 1973. — С. 12–46.
17. Манцевич А. П. Курган Солоха. / А. П. Манцевич / Л., 1987. — 144 с.
18. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. / А. И. Мелюкова / М., 1964. — 91 с.
19. Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. / А. И. Мелюкова / М., 1975. — 270 с.
20. Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. / В. С. Ольховский, Г. Л. Евдокимов / М., 1994. — 188 с.
21. Отрощенко В. В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. / В. В. Отрощенко / — Киев, 1984. — С. 121–126.
22. Передольская А. А. Слоновая кость из кургана Куль-Оба. / А. А. Передольская // ТОАМ ГЭ — 1. — Л., 1945. — С. 69–83.
23. Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1986.
24. Петренко В. Г. Правобережье среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. / В. Г. Петренко // САИ Д 1–4. — М., 1967. — 178 с.
25. Раевский Д. С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. / Д. С. Раевский / — М., 1983.
26. Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. / Г. И. Соколов / — Л., 1973.
27. Сокольский Н. И. Боспорские мечи. / Н. И. Сокольский // МИА № 33. — М., 1954. — С. 123–169.
28. Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги. / Н. И. Сокольский // САИ Г 11–17. — М., 1969.
29. Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины / А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, Е. В. Черненко, Б. Н. Мозолевский // Скифские древности. — Киев, 1973. — С. 113–186.
30. Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. / Д. Уильямс, Д. Огден / — СПб, 1995. — 272 с.
31. Черненко Е. В. Скифский доспех. / Е. В. Черненко / — Киев, 1968. — 191 с.
32. Шрамко Б. А. Точильні знаряддя скіфської доби / Б. А. Шрамко // Археологія. — 11. — Київ, 1973. — С. 44–46.
33. Rolle R., Müller-Wille M., Schietzel K. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. / R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel / — Schleswig, 1991. — 439 S.
34. Gavignet J.-P., Ramos E., Schiltz V. Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: présence de Paul Du Brux dans les archives françaises / J.-P. Gavignet, E. Ramos, V. Schiltz // Journal des Savants. Paris, juillet-décembre 2000. — P. 323–374.
35. Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. / B. Piotrovsky, L. Galanina, N. Grach / Leningrad, 1986. — 184 p.
36. Sokolow G. Antike Schwarzmeerküste. Denkmaler, der Architektur, Bildhauerei, Malerei und angewandten Kunst. / G. Sokolow / — Leipzig, 1976.
37. Zwei Gesichter der Eremitage. Scythen und ihr Gold. — Bd I: — Die Grossen Sammlungen VI. — Katalog der Ausstellung. — Bonn, 1997. — 267 s.

From the armament found in the Kul-Oba barrow these artefacts came to us: 87 arrowheads, a sword, a left leg's greave /knemide/, belt plaques, four knives, a whetstone, a handle of the whip. On several objects there were gold overlays. The armament demonstrates the ethnical symbiosis, where Greek, East, Scythian, Sindhic, Maeotic elements are united: the knemides are Greek or Bosphorian by origin, the belt is a local article created according to East and Greek armours, the sword belongs to the Sindhic - Maeotic type, the arrowheads represent different shapes obviously made in workshops of all the same centre, the Scythian lash-whip, the sword of the Scythian type with the gold scabbard probably created in the Bosphorian centre.

Key words: Kul-Oba, armament's objects, arrowheads, a sword, knives, a greave /knemide/, a belt, a whetstone, a lash-whip.

УДК 904 : 726.81

С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов

Скифское погребение в кургане Дорт-Оба 3

Работа представляет собой публикацию материалов одного из наиболее ярких скифских погребальных комплексов Предгорного Крыма, совпадающего по времени с боспоро-феодосийской войной. Погребение женщины и пространственно, и хронологически связано с широко известным погребением скифского воина — аристократа в Кургане Пастака.

Ключевые слова: аппликации, курганный могильник Дорт-Оба, погребение скифского времени, Предгорный Крым, Эрмитаж.

В 1892 г. Н. И. Веселовский при участии членов ТУАК произвел раскопки курганной группы Дорт-Оба (рис. 1), расположенной в Предгорном Крыму на землях И. О. Пастака близ Симферополя [5; 26, с. 6]. В процессе раскопок курганов этой группы, узкими траншеями и колодцами было исследовано 7 курганов. В них обнаружено 4 погребения скифского времени [11, с. 20–21]¹.

Два из них были элитными, однако, в научной литературе хорошо представлено лишь одно из них. Оно было основным в кургане, со временем получившим название «Курган Пастака» или «Курган Дорт-Оба». Это аристократическое погребение, неоднократно охарактеризованное исследователями скифских древностей Северного Причерноморья и датированное по амфорам 90–80 гг. IV в. до н. э. [21, с. 578], было отнесено А. Ю. Алексеевым к группе царских могил [1, с. 237–238, 296]. В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин не были столь категоричны и относили его лишь к «...сравнительно высокой социальной группе кочевых скифов...» [6, с. 158]. Впрочем, можно согласиться с тем, что от погребений скифской родовой знати оно заметно отличается, как и его несколько более ранний аналог в Первой Завадской могиле [ср. 4, с. 513, 514].

На фоне этого захоронения [3; 59; 25, с. 58; 18; 20, с. 349], как правило, не привлекает внимания синхронное ему захоронение из Третьего кургана [3, 59; 11, 2008] этой группы, хотя оно, судя по некоторым наблюдениям, непосредственно связано с погребением в кургане Пастака.

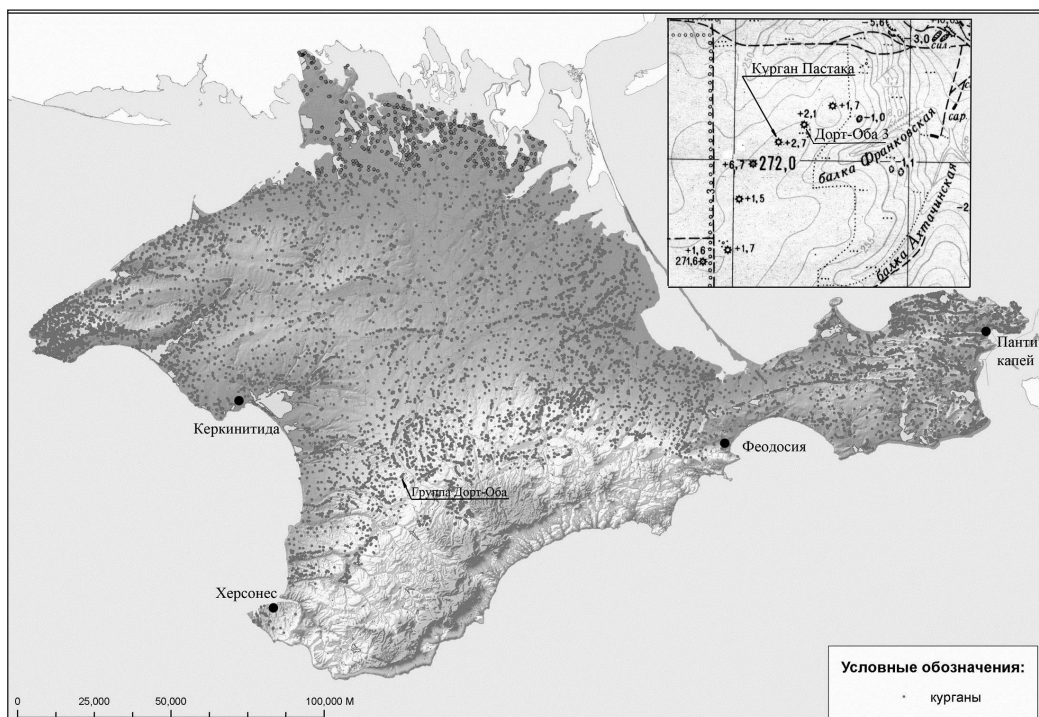
Меньший по размеру скифский (?) курган располагался в 200 шагах от кургана Пастака (рис. 1). Его высота составляла 2,1 м, диаметр в отчете не указан, насыпь была покрыта множеством мелких камней [7, с. 118; 26, с. 10]. Раскопки кургана велись траншеей (?) с южной стороны². Насыпь, в которой была найдена амфора и разбитый полированный (лощенный?) горшочек, была насыщена камнем. Среди камней найдено несколько десятков человеческих костяков, лежавших в груде, погребения безинвентарные [26, с. 10]. Можно предположить, что это остатки разрушенного впускного коллективного погребения.

Основная могила, представлявшая собой каменный ящик, ориентированный с запада на восток [26, с. 10], находилась в центре кургана, в материке. Ее размеры приводит А. О. Кашпар: длина 1 саж. 1 арш. (2, 8 м), ширина 2 ½ арш. (1, 8 м). Не совсем понятно, что означает указание на то, что могила на-

¹ Близ Дорт-Обы, на землях Талаевой, расположен еще один скифский аристократический курган, он незначительно моложе Дортобинских могил [16].

² Информация о погребении присутствует в Отчете Н. И. Веселовского [26] и статье А. О. Кашпара [7].

1

2

Рис. 1. Расположение курганной группы Дорт-Оба и кургана Дорт-Оба 3

ходила на глубине в 1 арш. 12 верш. под материком [7, с. 117]. Судя по описанию, могила была заполнена грунтом с камнями. Стены были сложены из плитчатых известняковых камней³ в 15 рядов на белой глине [26, с. 10; 7, с. 118]. Их ширина достигала 1 арш. (71 см). Интересно, что вдоль стен могилы, на дне, по сообщению Веселовского, лежали сильно стгнившие бревна, которые исследователь интерпретировал как остатки сруба [26, с. 10]. Следы деревянного сооружения были прослежены и в грунтовой могиле кургана Пастака [26, с. 8]. Выше были заметны следы заплечиков, на которое опиралось истлевшее бревенчатое перекрытие [26, с. 10]. Дно могилы было вымощено плитняком, но не полностью. На вымостке лежал костяк женщины. В описании его положения присутствуют различия. По мнению Веселовского, захоронение было совершено в положении сидя, ногами на восток [26, с. 10]. Основанием для такого заключения послужило смещение черепа и костей грудной клетки к области таза. Кашпар пишет о захоронении в лежачем положении головой на запад [7, с. 118].

На костяке были найдены золотые бляшки, по мнению Веселовского, украшавшие или головной убор, или платье. По данным исследователя [26, с. 11], в могиле находилось несколько типов таких украшений. С изображением зайца — 38 экз. и три обломка, с изображением сфинкса 9 экз., химеры 18 экз., львов 2 экз. Близкую картину дает опись предметов, находящихся на хранении. Здесь учтено 9 сфинксов, 2 льва, 18 грифонов (химер?), 39 лежащих львов в профиль. Реальный набор персонажей ограничивается сфинксом, грифоном, козлом и львом.

Здесь же были найдены две золотые дутые серьги в виде калачиков с зернью, украшенные головой грифона.

В области шеи были найдены глазчатые стеклянные бусы, из них 6 шаровидных синих с белым ободком и 7 синих и черных с желтым ободком. Найден так же фрагмент

костяного предмета, в углубление которого была вставлена синяя бусина с белыми глазками⁴. В комплексе этого погребения, по описи, числится и округлая янтарная бусина.

По Веселовскому, при расчистке могилы был найден серебряный перстень с гладким щитком. По Кашпару же, в могиле, у левой руки лежало гладкое серебряное кольцо [7, с. 118]. Коллекция Эрмитажа свидетельствует в пользу обнаружения перстня. Интересно также упоминание у Веселовского бронзового копья и костяного пряслица, обнаруженных при расчистке погребения, но без точной привязки, впрочем, в коллекциях этих находок нет.

Судя по остаткам кожи, дерева и деревянных палочек, упомянутых в описи, рядом с костяком мог находиться горит или колчан, возможно с деревянными стрелами.

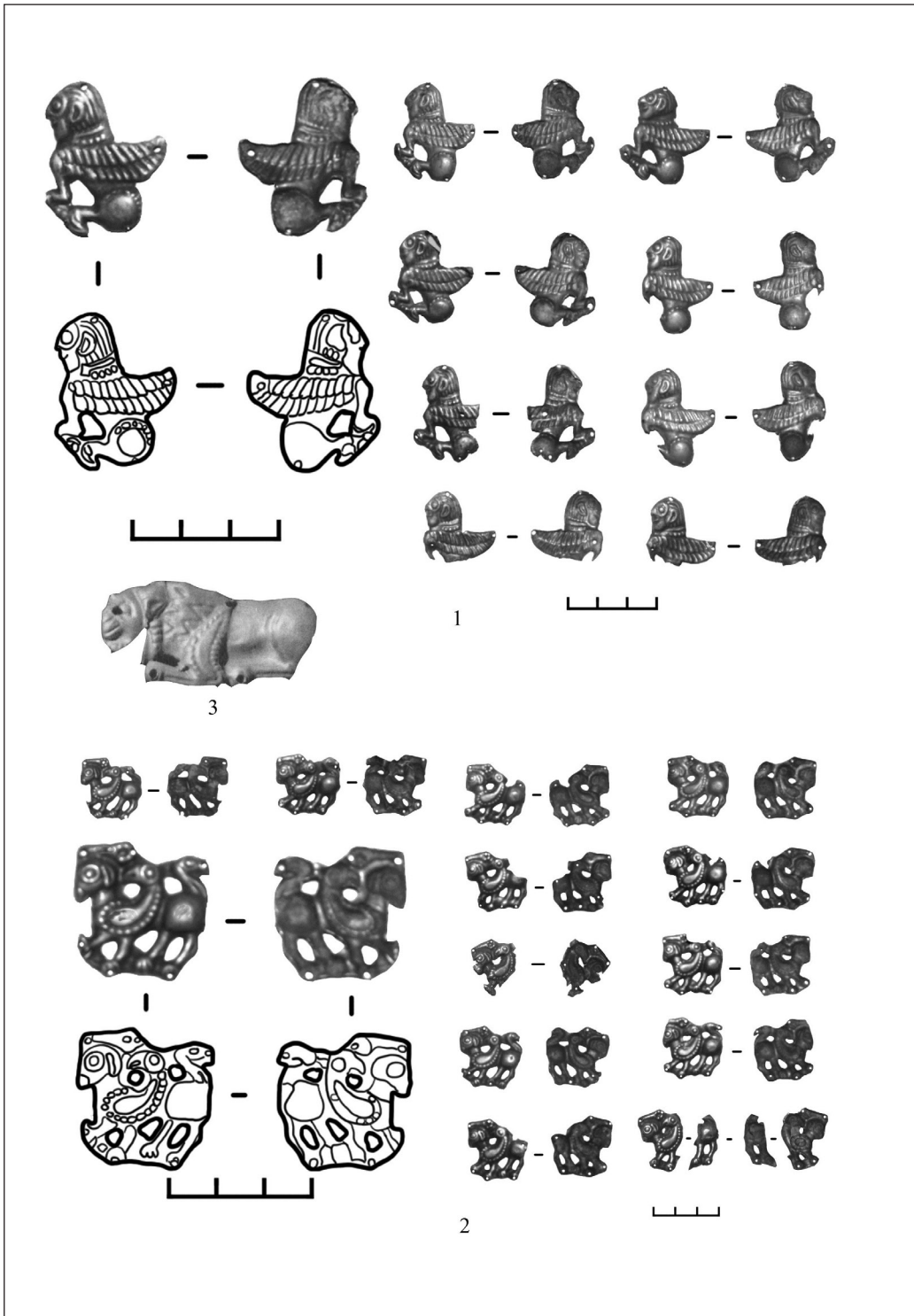
Сосуды, происходящие из описываемого погребения, в коллекции Эрмитажа и в нынешней коллекции ЦМТ отсутствуют. Амфор в могиле было три, в этом едины и Веселовский, и Кашпар. По свидетельству Веселовского, у западной стены была найдена одна из них, а у восточной — две. Все они были разбиты камнями, попавшими в могилу после обрушения перекрытия [26, с. 10]. По Кашпару, в южной части могилы по углам стояли две амфоры, а в северной у головы находилась еще одна, что в принципе не противоречит описанию Веселовского. Однако на одной из амфор исследователь отметил штемпель АРГЕЮ [7, с. 118]. Именно это наблюдение Кашпара, надо полагать оно достоверно, позволяет синхронизировать погребения во втором (Курган Пастака) и в третьем курганах.

Помимо амфор, Веселовский упомянул несколько небольших сосудов, красноглиняную патеру (чашу) с железными стержнями, стоявшую в юго-западном углу, и два горшочка, находившихся в северо-западном углу. Один из них — чернолаковый, с кусочком губки (?) внутри, второй описан как сосуд из черной глины со слабой поливой (се-

³ Камни в стенах были уложены в 15 рядов, вероятно это были тонкие плиты, рваные по слою, возможно обработанные.

⁴ Похоже, что, бусина оказалась сильно вдавленной в обломок кости грудины.

⁵ В коллекциях эти сосуды, равно как и амфоры, не обнаружены.

Рис. 2. Золотые украшения головного убора из кургана Дорт-Оба 3. 1 — бляшки в виде сфинкса. 2 — бляшки в виде грифона. 3 — бляшка в виде льва (по М. И. Артамонову).

роглиняный лощеный?). Оба сосуда были разбиты на мелкие кусочки [26, с. 10] и не реставрировались⁵.

В юго-западном углу была положена часть туши барана (ребра и кости передней ноги) и железный нож с прорезной (?) рукоятью [26, с. 10], очевидно, аналогичный ножу из кургана Пастака.

Сохранившийся погребальный инвентарь представлен исключительно предметами, переданными в Эрмитаж⁶.

Серебряный перстень с удлинено-овальным щитком и круглой в сечении дужкой имеет диаметр 1,9 см (рис. 3, 2). Подобные изделия достаточно широко распространены в античное время в Северном Причерноморье и узкой хронологии не имеют.

Широко известные калачиковидные парные серьги (рис. 1, 2) с головками грифонов отнесены В. Г. Петренко к варианту 5 типа 9, архаичному, но переделанному под вкусы IV в. до н. э. [23, с. 30, табл. 19, 10, 10а]. Позднее серьги были обстоятельно рассмотрены А. Мартыновым [19, с. 36–38] и датированы второй половиной V в. до н. э. Особенностью серег, указывающей на их длительное использование, является потертость одной из сторон. В качестве ближайших аналогий им приведены серьги из могильника у с. Балабаны и из Нимфейского кургана 1868 г. [19, с. 37].

Наиболее интересны золотые аппликации, нашивавшиеся на одежду и (или) головной убор [ср.: 3, рис. 136–138]⁷.

Фигурные бляшки в виде лежащего льва (рис. 2, 3) влево [3, рис. 136] на хранении находятся в 2 экземплярах. Длина пластин — 3,9 см. Прямых аналогий неизвестно, хотя сходные по размерам и стилю фигурки зверей не редкость в близких по времени богатых курганах Степного Причерноморья и Восточного Крыма.

Прорезные бляшки с контурной фигуркой бородатого сфинкса влево (рис. 2, 1). Сохранность различная. На хранении находится 9 экземпляров. Размеры целых пластин — 2,8 × 2,6 см. Крепление к основе осу-

ществлялось через 4 отверстия. Близкие бляшки с более тщательным изображением сфинкса известны в кургане 24 некрополя Нимфея [3, с. 95, рис. 35].

Прорезные бляшки с вырезанной по контуру фигуркой стоящего грифона влево (рис. 2, 2). Полный профиль восстанавливается в 13 случаях. Сохранность различная. Крылья и хвост заканчиваются птичьими головками. Размеры — 2,9 × 2,8 см. Крепление осуществлялось через 6 отверстий. Близких аналогий нам не известно, хотя само изображение грифона на нашивных бляшках не является редкостью.

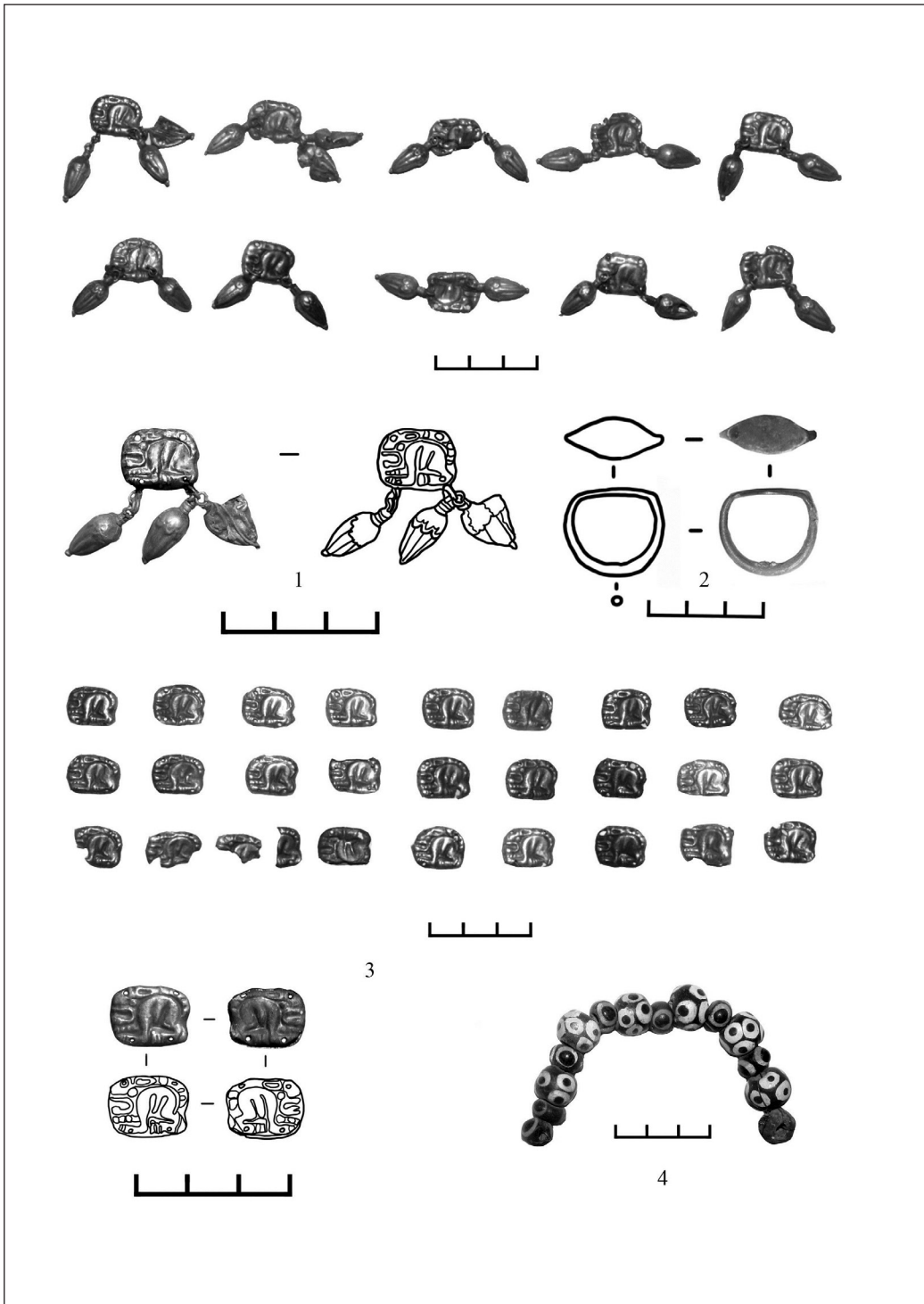
Подовальные бляшки с изображением лежащего козла влево, 41 экземпляр. Размеры в среднем — 1,8 × 1,6 см. На каждой бляшке 4 отверстия для пришивания. У 10 бляшек в нижние отверстия вставлены две, а в одном случае — три золотые желудевидные подвески (рис. 3, 1, 3). Можно предполагать, что с этими же украшениями связаны и три обломка золотых желудевидных подвесок, предположительно обнаруженных (№ 124 в описи) в одном из Талаевских курганов. Фигурки лежащего козла выполнены совершенно в том же стиле, что и фигурки лежащих хищников на головном уборе из кургана 45 у Любимовки [14, рис. 16] и фигурки грифона (?) в одном из курганов, раскопанных в окрестностях Бельского городища [13, с. 76].

Судя по некоторым деталям декора, все пластинки произведены в двух мастерских или в одной, но двумя мастерами: сфинксы, грифоны и львы являются продукцией одного из них, фигурки козла изготовлены в совершенно ином стиле. Однако, в любом случае, это греческие изделия. Веселовский допускал, что украшения из третьего кургана Дорт-Обы от головного убора. В пользу такого предположения свидетельствует и тщательно прослеженный набор пластинчатых украшений погребения 2 из расположенного в Приазовье кургана 8 группы Волчанск I, относившихся как к головному убору, так и к ожерелью [22, рис. 8, 9]. По-

⁶ Авторы выражают искреннюю благодарность хранителям Государственного Эрмитажа А. Ю. Алексею и Т. В. Рябковой за помощь в работе над материалами Крымской коллекции.

⁷ Вырезанные по контуру бляшки с близкими образами хорошо представлены и в синхронном могиле Дорт-Обы впускном погребении Солохи [17, кат. 44 - 46].

Рис. 3. Украшения из кургана Дорт-Оба 3. 1 — бляшки в виде фигурки лежащего козла, изделия дополнены желудевидными подвесками. 2 — серебряный перстень с гладким щитком. 3 — бляшки в виде фигурки лежащего козла. 4 — глазчатые бусы из глухого стекла.

ребрение отнесено исследователями к началу IV вв. до н. э. [22, с. 40, 41,]. Наиболее близкую реконструкцию женского конусовидного головного убора предлагает для Бердянского кургана и Л. С. Клочко [8, с. 19; 9, с. 107, рис. 4]. Из этого же комплекса аппликаций происходят и достаточно близкие изображения животных. Не исключено, что в Дорт-Обе, так же как и в двух последних комплексах, часть бляшек украшала ожерелье или ворот платья. Вероятно, в таком же стиле была украшена одежда из погребения в Нимфейском кургане 17 [ср. 24, с. 132–135, кат. 76–80].

Округлые бусы из синего глухого стекла с многочисленными синими глазками (рис. 3, 4) с белым ободком относятся к типу 78 по Е. М. Алексеевой и датируются V–III вв. до н. э. [2, с. 68]. К этому же типу можно отнести и меньшие по размеру глазчатые с желтоватым ободком бусы из синего и черного стекла (рис. 3, 4).

К этому же погребению относятся обломки железных предметов, возможно стержней, упомянутых при описании «патеры», и фрагменты каких-то деревянных изделий, впрочем, что они собой представляли, так и осталось неизвестным.

В целом же, женское погребение из кургана Дорт-Оба 3 может быть поставлено в ряд с небольшой серией богатых женских захоронений V–IV вв. до н. э. [ср.: 8; 14] из степной и лесостепной Скифии. Судя по амфоре с клеймом Аргея, оно синхронно кургану Пастака. Сам же курган Пастака поразительным образом⁸ совпал со временем боспоро-феодосийской войны. На вопрос, почему это женское погребение не стало впускным в самом кургане Пастака, убедительного ответа нет. Можно лишь предполагать, что этому препятствовали какие-то традиции, требовавшие отдельного захоронения женщины.

Интересно и то, что в грунтовое погребальное сооружение кургана Пастака была встроена деревянная конструкция. Некая деревянная конструкция (сруб?) была сооружена и внутри каменного ящика кургана Дорт-Оба 3. В обоих случаях это дань традициям, сложившимся у границ Причерноморской степи и лесостепи, а вот большой каменный ящик — явление новое, распространившееся у скифов в Крыму с V в. до н. э. [ср. 15; 10, с. 6 — 37; 12, с. 83].

⁸ Возможно это случайность, но не отметить ее нельзя.

Список сокращений

ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников

Источники и литература

1. Алексеев Ю. А. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. / Ю. А. Алексеев / — СПб., 2003. — 416 с.
2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // САИ Г1-12. — М., 1975. — 113 с.
3. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа / М. И. Артамонов /. — Прага — Л., 1966. — 120 с. + илл.
4. Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. / В. И. Бидзиля, С. В. Полин / — К., 2012. — 752 с. + 780 илл.
5. Веселовский Н. И. Отчет о раскопках профессора Веселовского в Таврической губернии. / Н. И. Веселовский / — Архив ИИМК.Ф. 1. — 1892, № 13.
6. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. / В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин / — К., 1983. — 380 с.
7. Кашпар А. О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные в 1892 г. профессором Н. И. Веселовским / А. О. Кашпар // ИТУАК. — № 16. — 1892. — С. 115–119.

8. Клочко Л. С. Реконструкція конусоподібних головних уборів скі'фянок / Л. С. Клочко // Археологія. — Вип. 56, 1986. — С. 14–24.
9. Клочко Л. С. Скіфський костюм / Л. С. Клочко // Золото степу. Археологія України. — К., 1991. — С. 105–111.
10. Колотухин В. А. Киммерийці и скифы Степного Крыма. / В. А. Колотухин / — Симферополь, 2000. — 120 с.
11. Колтухов С. Г. В поисках Дорт-Обы и Талаевского кургана / С. Г. Колтухов // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Вып. 3. — Симферополь, 2008. — С. 16–23.
12. Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники). / С. Г. Колтухов / — Археологический альманах. — № 27. — Донецк, 2012. — 268 с.
13. Кулатова І. М., Супруненко О. Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. / І. М. Кулатова, О. Б. Супруненко / — К., 2010. — 200 с. + 6 кол. вкл.
14. Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. / А. М. Лесков / — Л., 1972. — 152 с.
15. Лесков А. М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма / А. М. Лесков // СА. — 1968. — № 1. — С. 158–165.
16. Манцевич А. П. Ритон Талаевского кургана / А. П. Манцевич // История и археология древнего Крыма. — К, 1957. — С. 155–173.
17. Манцевич А. П. Курган Солоха. / А. П. Манцевич / — Л., 1987. — 144 с.
18. Мартынов А. И. Горит из могильника Дорт-Оба / А. И. Мартынов // Сообщения Государственного Эрмитажа. — LV. — 1991. — С. 33–36.
19. Мартынов А. П. Золотые серьги из Могильника Дорт-Оба / А. П. Мартынов // Сообщения Государственного Эрмитажа. LVII, 1997. — С. 36–38.
20. Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. / Б. Н. Мозолевский, С. В. Полин / — К., 2005. — 600 с. + илл.
21. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. / С. Ю. Монахов / — Саратов, 1999. — 680 с.
22. Полин С. В., Кубышев А. И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье). / С. В. Полин, А. И. Кубышев / — К., 1997. — 61 с.
23. Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. / В. Г. Петренко // САИ Д4-5. — 144 с.
24. Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. / Д. Уильямс, Д. Огден / . СПб., 1995. — 272 с.
25. Черненко Е. В. Скифские лучники. / Е. В. Черненко / — К. 1981, 168 с.
26. ОАК за 1892 год. СПб., 1894.

This publication is one of the most striking Scythian burial complexes situated in the foothills of the Crimean Mountains. This complex coincides the time of the war between the Bosphorus and Theodosia. Women's burial is spatially and chronologically associated with the well-known burial of a Scythian noble warrior in the Pastak barrow.

Key words: application, mound Dort-Oba, burial of the Scythian time, Foothill Crimea, Hermitage.

УДК 902.64

О. Н. Мельников

Эмитентные типы в Аполлонийском монетном союзе Боспорских полисов

В статье доказывается боспорское происхождение анэпиграфной группы монет с «морским животным», как и других монет с нестандартными для Боспора типами изображений. Подтверждается изготовление их Аполлонийским монетным союзом боспорских полисов по особым заказам этих полисов и вывод о торгово-экономической конфедерации этих же полисов под эгидой храма Аполлона в Пантикапее.

Ключевые слова: анэпиграфные монеты Боспора, аполлонийский монетный союз.

Одной из предпосылок к настоящей статье послужила публикация в 1999 г. В. А. Анохиным двух монет (рис. 1, 1, 8), происходящих, возможно, из коллекции А. Н. Зографа [1, с. 6, 17, 21, прим. 1, рис. 1.6, 2.5]. Автор публикации отнёс эти монеты к Боспору по той, вероятно, причине, что таковые монеты не найдены на территории собственно Греции и М. Азии. В изображении л.с. этих монет предложено видеть «морское животное», а чеканку их — в Гермонассе, городе, который был одним из старейших на Боспоре и вторым по значению в архаическое время после Пантикапее. Такой идентификации способствует и возможное изображение на этих монетах «тюленя», близкого по общим контурным очертаниям к «тюленю» самых архаичных монет Фокеи ср. (рис. 1, 1 и 3, 71) — ближайшего к Митилене крупного ионийского полиса. Ведь известно, что Гермонассу основали ионийцы, вероятно, совместно с эолийцами из Митилены [2; 3; 4].

Труднее согласиться с С. Ю. Сапрыкиным [5, с. 17], усмотревшим здесь «изображение проры, якобы близкое типу самосских монет». Неубедительно и мнение исследователя о чеканке рассматриваемых монет в Нимфее (рис. 1, 1, 8), поскольку оно зиждется на безосновательном предположении В. А. Анохина [1, с. 21, прим. 1] о происхождении этих монет из «Эльтигенского

клада 1908 г.». Но, даже если бы эта и подобные единичные находки имели место в действительности, одного лишь факта не достаточно для соответствующих локализаций, поскольку характерной особенностью Боспора VI–V вв. до н. э. является широкое хождение на всей его территории монет всех здесь обитающих эмитентов.

Однако и сама боспорская атрибуция рассматриваемых типов вызывает у некоторых историков сомнение [6, с. 46], рассеять которое позволяют новые нумизматические данные, приводимые в настоящей статье.

На рис. 1, 5 показана найденная рядом с Нимфеем монета (вес после очистки от толстого слоя «рогового серебра» — 1,00 г, размер — 10,8 × 8,8 мм), имеющая общий штемпель л.с. с монетой (рис. 1, 8).

Монеты (рис. 1, 5, 8), составляющие по типу рисунка аверса общность с монетой на рис. 1, 1, позволяют выдвинуть предположение об этом изображении не только как о «тюлене», но и как о «дельфине влево».

Если аверс в любой трактовке изображённого на нём «морского животного» является необычным для архаического Боспора, то реверсы всей этой группы находят прямые аналогии в местном монетном деле.

Около ст. Тамань найдена монета с изображением «муравья» на л.с. (рис. 1, 2 — 0,35 г, 8.0 мм), реверсный штемпель ко-

торой с «восьмилучевым перекрестием» оказался общим со штемпелем реверса монеты (рис. 1, 1). Ещё одна монета с «муравьём» (рис. 1, 3) хранится в одной из частных коллекций г. Днепропетровска.

Изображение «муравья» (крайне редкое архаических монет в целом) являлось на Боспоре VI–V вв. до н. э. массово-стандартным и означало самый младший денежный номинал.

Квадрат, разделённый восьмилучевым перекрестием, фигурирует, кроме как на отмеченных монетах с «муравьём» (рис. 1, 2, 3), ещё и на происходящей из окрестности Керчи монете с изображением «головы льва» (рис. 1, 4).

Семантика восьмилучевого перекрестия близко родственна «диагональному четырёхлучевому перекрестию, разделяющему поле на 4 отсека с точками в них». Такое перекрестие на монете (рис. 1, 5) находит аналогию на происходящих с территории Боспора монетах с «муравьём» (рис. 1, 6, 7). Причём, штемпель реверса монеты (рис. 1, 6) оказался, опять — таки, общим со штемпелем монеты (рис. 1, 5).

На монете (рис. 1, 8) «четырёхлучевое перекрестие с 4-мя точками» во вдавленном квадрате изменилось с диагонального на прямоугольное; и такую же композицию мы наблюдаем на стандартных монетах Боспора с «головой льва» (рис. 1, 9) и «муравьём» (рис. 1, 10).

Наконец, на более поздних боспорских выпусках присутствует семантический синкретизм «восьмилучевой звезды во всё поле реверса» старшего и младшего номиналов (рис. 1, 11, 12, 14) с «диагональной четырёхлучевой звездой и 4-мя точками» среднего номинала (рис. 1, 13).

Итак, доказано, что в блоке архаических монет Боспора с традиционными изображениями «головы льва» и «муравья» состоят (посредством реверсных общностей штемпелей и семантики) редкие типы с неким «морским животным» (рис. 1, 1, 5, 8).

К этому блоку примыкает группа монет, возникшая с момента зарождения на Боспоре монетного дела и несущая сначала перекрестие диагональное (рис. 1, 15–21), затем прямоугольное (рис. 1, 22–24); под него был

подстроен и «свастика-флажковый подтреугольный орнамент» (рис. 2, 25–28). В дальнейшем один из этих ключевых эмитентных признаков — простое прямоугольное перекрестие в ровном поле — унаследовала группа монет, получившая сначала надпись АП, а затем — АПОЛ (рис. 2, 29–31).

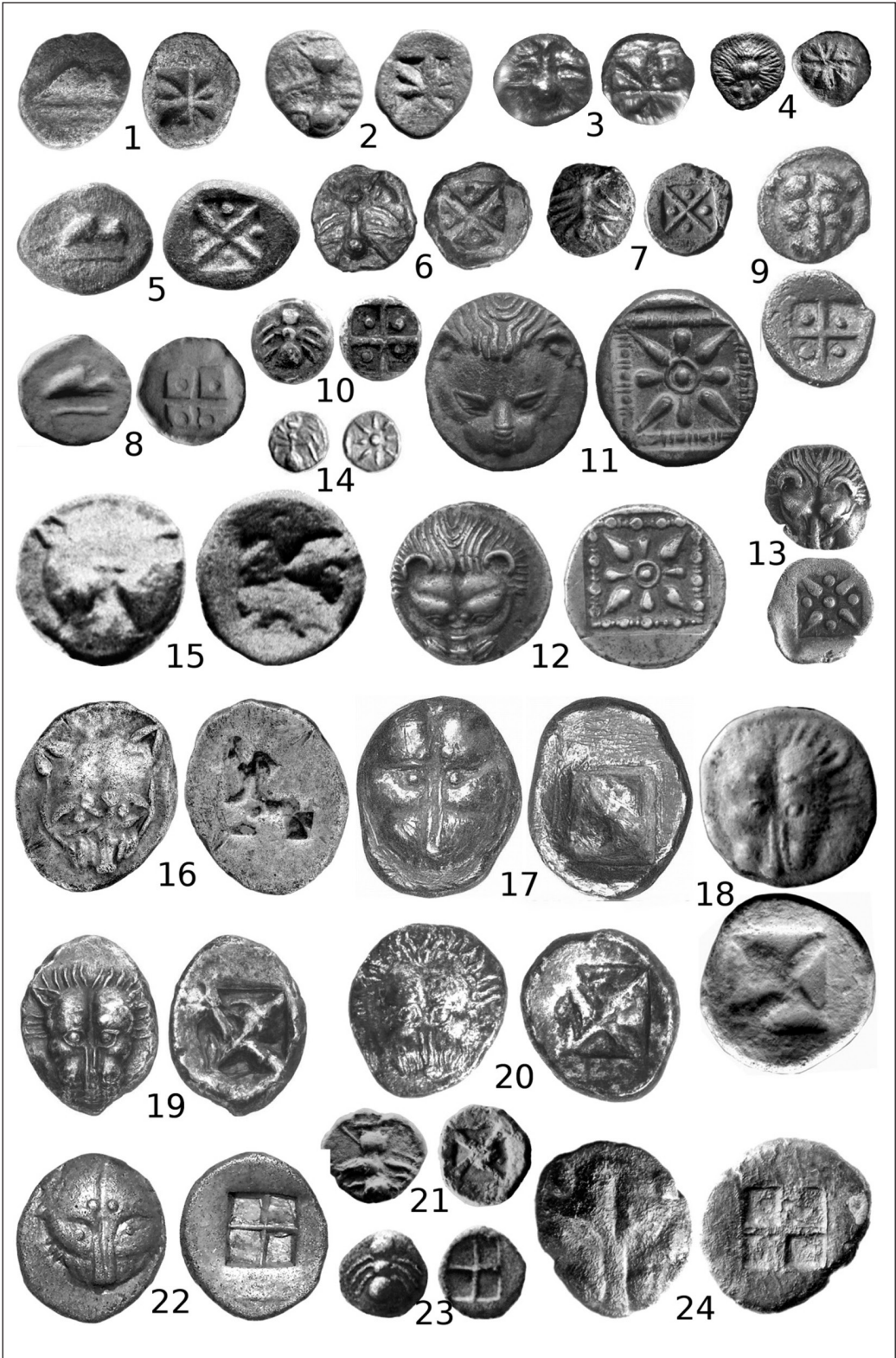
Эволюция реверса всей этой группы не имеет места в формирующимся ряду «свастика-флажкового прямоугольного орнамента» (рис. 2, 32–40), на который перешла легенда монет Пантикапея (рис. 2, 41–42).

Хорошо видно, что в монетном деле Боспора эволюция изображения реверса параллельно развивалась по двум линиям, выводящим либо на пантикапейские, либо на аполлонийские эпитафные монеты. Причём, эволюция аполлонийской семантики реверса сочеталась с особыми аверсными типами, отличающимися от традиционных боспорских «головы льва, анфас» и «муравья». Помимо уже твёрдо обретших боспорский статус монет с неким «морским животным» (рис. 1, 1, 5, 8), здесь же имеются и монеты с изображением «головы льва в профиль» (рис. 2, 43, 44, 3, 45–57), находки которых на территории бывшего Боспора (в Нимфее) зафиксировал ещё в XIX в. Е. Е. Люценко [7; 8, р. 34, табл. 1.7]. За исключением квадратным образом оформленного реверса первой разновидности таких монет (рис. 2, 43, 44), все остальные варианты имеют отмеченные признаки аполлонийской чеканки, т. е. диагонально либо прямоугольно ориентированное в ровном поле вдавленного квадрата перекрестие или звезду с дополнением, или без дополнения, точек между лучами звезды или перекрестия либо подтреугольных выступов-таблеток.

Под такую характеристику реверса подпадают и монеты с «букранием» (рис. 3, 58–62) из окрестностей Керчи, Феодосии и Нимфея, а также с «протомой быка» из Нимфея (рис. 3, 63).

Находимые на обоих берегах Керченского пролива монеты с «букранием» и «муравьём» (рис. 3, 64–67), а также с головой «быка» и «птицей» (рис. 3, 68, 69) стоят особняком, поскольку их реверс занят не геометрическим, а сюжетным ри-

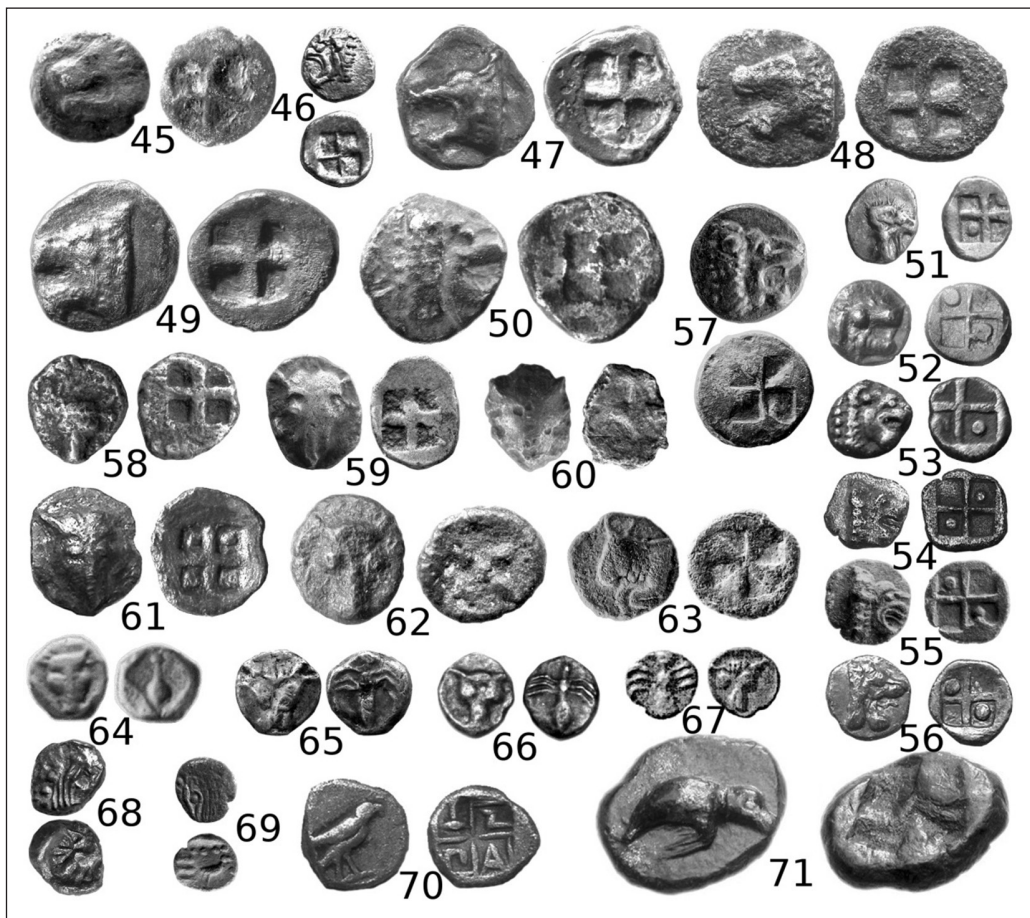

сунком. Боспорскую атрибуцию монет с «птицей» — помимо обнаружения их рядом с Нимфеем и Акрой — предполагает наличие «птицы — ворона» на более позднем младшем номинале монет Пантикапея (рис. 3, 70).

Таким образом, монетное дело архаического Боспора демонстрирует гораздо более многообразную картину по участвующим

в нём эмитентам, нежели та, которую учитывают историки на основании каталожных публикаций.

Атрибуция доказано боспорских и предполагаемых таковыми анэпиграфных монетных типов по конкретным боспорским полисам-эмитентам и абсолютная хронология их чеканки, как и метрология, — не является задачей настоящего исследования,

Рис. 1, 2, 3. Древнегреческие серебряные монеты VI–V вв. до н. э. Изображения увеличены в 2 раза. 1, 5, 8 — монеты с изображением на л.с. «морского животного»; чеканенные для неизвестного полиса Боспора (предположительно — Гермонассы) монетным двором Аполлонийского монетного союза Боспора; 2, 3, 6, 7–31 — анэпиграфные и эпиграфные монеты с традиционными для Боспора изображениями на л.с. «головы льва в анфас» и «муравья», чеканенные монетным двором Аполлонийского монетного союза Боспора; 32–42, 70 — анэпиграфные и эпиграфные монеты Пантикапея; 43–57 — монеты с изображением на л.с. «головы льва в профиль», чеканенные для неизвестного полиса Боспора (предположительно — Нимфея) монетным двором Аполлонийского монетного союза Боспора; 58–69 — монеты с изображением на л.с. «букрания анфас», «протомы быка» (63), «головы быка» и «птицы» (68, 69), чеканенные для неизвестного полиса Боспора (предположительно — Федосии) монетным двором Аполлонийского монетного союза Боспора; 71 — монета с изображением «тюленя» г. Фокеи. В иллюстрациях монет рис. 1, 2, 3 использованы изображения, взятые с Интернет портала http://bosporan-kingdom.com/coins_catalog.html, нумизматических публикаций [1; 12] и частных коллекций.

но предполагается предметом будущих публикаций. Однако уже и представленная информация о нестандартных для Боспора монетных типах позволяет сделать уверенное заключение о том, что в период архаики аполлонийская чеканка вовлекла в свою орбиту и под свою эгиду некие полисы, претендующие в монетном деле на известную долю автаркии. По совокупности всего материала можно подтвердить и дополнить сделанные ещё четверть века назад выводы [9, с. 37–38; 10, с. 86; 11, с. 175, сл.], до сих пор не замечаемые или не разделяемые большинством нумизматов и историков.

1) Прежде всего, подтверждается вывод о том, что аполлонийская чеканка началась, если и не синхронно, то вплотную с зарождением пантикапейского монетного дела — в течение нескольких лет сразу после него.

2) Чеканка аполлонийской монеты осуществлялась хоть и на близком, и родственном монетному двору Пантикапея, но всё же отдельном, самостоятельном аполлонийском монетном дворе.

3) Равное распространение пантикапейских и аполлонийских монет по всей территории Боспора предполагает монетный союз стоявших за этими монетами эмитентов.

4) Безуспешность попыток обнаружить такой гипотетический полис как «Аполлония Боспорская» обуславливает необходимость понимать под аполлонийским эмитентом боспорский межполисный монетный союз, вероятным центром которого выступал храм Аполлона в Пантикапее.

5) Только базовая реконструкция в виде выше приведенных 4-х пунктов позволяет ситуацию с показанными нестандартными монетными выпусками объяснить следующим образом.

В конце 40-х или на рубеже 40/30-х гг. VI в. до н. э. полисы Боспора под председательством Пантикапея образовали торгово-экономическую конфедерацию, нацеленную как на монополизацию и упорядочение торговли боспорских греков с окружающими варварами, так и на согласованный сбыт боспорских товаров в Ойкумене. Одним из инструментов функционирования и скрепляющим материалом конфедерации стал аполлонийский монетный союз под эгидой

храма Аполлона в Пантикапее. Монетный союз ограничил полисы Боспора (за исключением Пантикапея) в организации собственных монетных дворов, предполагая осуществление заказов на изготовление монеты храмом Аполлона. Как правило, эти заказы монетный двор храма Аполлона выполнял в аверсном стандарте общих с пантикапейскими типов — «львиной головы анфас» или «муравья». Однако по случаям неких знаменательных событий, например, поместных особо торжественных празднеств, клиенты аполлонийского монетного двора (т. е. члены боспорской торгово-экономической конфедерации и аполлонийского монетного союза) могли заказывать монету со своей особой символикой аверса. Именно это и демонстрируют приведённые выше типы с нестандартными для Боспора изображениями аверса, но с аполлонийскими вариантами реверса. Возможно, подобный заказ был выполнен и на монетном дворе Пантикапея — ср. реверсы на (рис. 2, 33, 43, 44), но только на самом раннем этапе становления монетного дела на Боспоре, т. е. уже в рамках торгово-экономической конфедерации, но ещё накануне организации аполлонийской монетной чеканки.

В заключение — несколько слов о роли нумизматики в решении давно дискутируемой историками проблемы образования Боспорского государства. Для меня является несомненным, что приоритет в самом комплексе исторических источников по реконструкции именно политической истории — сразу после письменных (литературных и эпиграфических) свидетельств — принадлежит нумизматике, и лишь следующей за ней по важности является археология. Поэтому касательно истории раннего Боспора не могу согласиться с утверждением такого уважаемого археолога и историка как А. А. Завойкин о том, что «интересующая нас информация может быть извлечена только из данных археологии и отчасти нумизматики» [6, с. 19]. На мой взгляд, акцент в последнем утверждении должен быть изменён: «только из данных нумизматики и отчасти археологии». Особенно важна в этом вопросе тема именно аполлонийских монет Боспора, поскольку история их че-

канки (а значит, и предпосылки боспорской государственности) начинается не с конца «второй четверти V в. до н. э.», в чём, исходя из появления соответствующей надписи на монетах, до сих пор убеждено большинство не только историков [6, с. 55, 353],

но и нумизматов, а с рубежа VI–V вв. до н. э. [13, с. 37–38; 11, с. 183]. И дополнительным аргументом к обозначенным положениям по аполлонийской чеканке служат показанные в данной статье нетрадиционные монетные типы Боспора.

Источники и литература

1. Анохин В. А. История Боспора Киммерийского / В. А. Анохин. — К., 1999. — 254 с.
2. Dion. Per. 541–553 = Eust. Comm. in Dion. 549.
3. Мельников О. Н. Фанагория и Гермонасса — синойкизм по данным нумизматики и истории Боспора Киммерийского / О. Н. Мельников // Древнее Причерноморье. — Вып. VIII. — Одесса, 2008. — С. 234–241.
4. Мельников О. Н. Нумизматика и синойкизм Фанагории и Гермонассы / О. Н. Мельников // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. — Краснодар, 2009. — С. 247–253.
5. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии / С. Ю. Сапрыкин // ВДИ, № 1. — 2003. — С. 11–35.
6. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов / А. А. Завойкин. — Симферополь — Керчь, 2013. — 591 с.
7. Люценко Е. Е. Заметка о монетах, находимых в Тамани и Эльтигене (Нимфее) с рисунками их / Е. Е. Люценко // Архив ИИМК РАН, ф. 28, д. 19/1879. — 1879.
8. Столба В. Ф. Проблемы нумизматики Нимфея: несколько замечаний / В. Ф. Столба // Hyperboreus. — Vol. 8, fasc. 1. — München, 2002. — P. 13–42.
9. Мельников О. Н. Монетная чеканка храма Аполлона в Пантикапее / О. Н. Мельников // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора П. О. Карышковского). Тез. докл. конф. 9–11 марта 1989 г. — Одесса, 1989. — С. 37–38.
10. Мельников О. Н. К вопросу о монетах Феодосии V–IV вв. до н. э. / О. Н. Мельников // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 90-летию Б. Н. Гракова). — Запорожье, 1989. — С. 85–86.
11. Мельников О. Н. Архаический период и этап ранней классики в нумизматике Боспора Киммерийского / О. Н. Мельников // Stratum plus, № 6. — Спб., — Кишинёв–Одесса–Бухарест, 2009. — С. 174–234.
12. Сидоренко В. А., Шонов И. В. К типологии монетной чеканки античной Феодосии / В. А. Сидоренко, И. В. Шонов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. XV. — Симферополь, 2009. — С. 501–524.
13. Мельников О. Н. Монетная чеканка храма Аполлона в Пантикапее // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора П. О. Карышковского). Тез. докл. конф. 9–11 марта 1989 г. — Одесса, 1989. — С. 37–38.

In this paper we prove the origin of the Bosphorus unnamed group of coins with “marine animals”, as coins and other non-standard types of images to the Bosphorus. Confirmed by making their Apollonian monetary union Bosphorus policies for special orders of these policies and concluded trade and economic confederation of these same policies under the auspices of the Temple of Apollo in Panticapaeum.

Key words: anonymous coins Bosphorus, Apollonia Monetary Union.

УДК 902 : 4

И. Пыслару, В. Пожидаев

О статистических методах в античной и средневековой археологии

В этой работе приведены некоторые примеры использования процентов и процентных соотношений в исследованиях по античной и средневековой археологии, которое далеко не всегда производится корректно, что снижает ценность выводов авторов и порождает недоверие к результатам их исследований. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, исследователям необходимо в обязательном порядке сопровождать используемые выборки сведениями об их величине в единицах, а к подсчитанным эмпирическим процентам (P) вычислять вероятную ошибку (ΔP) и доверительные интервалы (*min-max*).

Ключевые слова: керамика, проценты, процентные соотношения, вероятная ошибка, выборка, доверительные интервалы, статистические методы.

Имея дело с массовым археологическим материалом, и в особенности с керамикой, исследователи вынуждены прибегать к статистическим подсчетам. Среди статистических методов, используемых археологами в своих исследованиях, наиболее широко распространенным является метод процентных соотношений. Кажущаяся простота использования процентов приводит к тому, что зачастую исследователи не воспринимают его как один из статистических методов и применяют его не всегда корректно, что отражается на качестве исследований.

Исследуемые материалы весьма различны по своему составу и количеству. Они могут составлять от нескольких экземпляров до сотен и тысяч единиц. Тем не менее, исследователи не очень-то обращают на это внимание. Они подсчитывают проценты для изучаемых выборок, а затем сравнивают полученные процентные соотношения между собой. При этом часто, приводя данные о процентах, авторы не указывают абсолютных цифр по использованным выборкам. Преобразовывая археологические данные в эмпирические проценты (P), исследователи стремятся показать доминирование или незначительность тех или иных групп

материалов, что затем служит им для трансформирования полученных результатов в определенные выводы.

Отметим, что процентное соотношение, например, 60 и 40 % будет одинаковым как при анализе серий, насчитывающих сотни единиц изучаемого материала, так и десятков единиц, а равно и при тысячах единиц. В таком случае появляется необходимость установления факта, насколько подсчитанные процентные соотношения отражают реальное положение дел и какова зависимость истинности процентов для разных по количеству выборок. Применение процентных соотношений для малых выборок неэффективно и может негативно сказаться на результатах исследований.

В античной археологии исследователям приходится работать с многочисленными керамическими коллекциями, и не случайно уже во второй половине XX столетия появляются первые попытки применения процентных соотношений для датирования слоев по типам керамики. Достаточно хорошее описание этого метода дано в работах И. С. Каменецкого, посвященных определению хронологии слоев античного времени на памятниках Нижнего Подонья [1; 2, с. 302–307; 3]. Исходя из предположе-

ния, что амфоры на античных поселениях составляют около 80 % всех находок на всех городищах в дельте Дона и что соотношение между группами амфор для всех указанных памятников одинаково, И. С. Каменецкий выстроил хронологию слоев в Танаисе, сравнивая их с хорошо датированными, на основании изучения краснолаковой керамики, слоями Нижне-Гниловского городища.

Рассматривая небольшую выборку светлоглиняных амфор с профилированными ручками из Танаиса, насчитывающей 26 единиц, И. С. Каменецкий дробит их на типы, которые составляют 15,4 %, 7,7 % и 76,9 %, а затем сопоставляет их с выборкой Нижне-Гниловского городища, насчитывающей 13 фрагментов, разделенных автором по соответствующим типам на 7,7 %, 46,2 % и 46,2 %. Подсчитаем доверительные интервалы (min–max) для этих выборок (таб. 1).

Таблица 1. Сравнение слоев Танаиса со слоями Нижне-Гниловского городища. (По данным И. С. Каменецкого)

	N	P или %	ΔP или ±	min	max
Танаис N=26					
1	4	15,38	13,86	1,51	29,25
2	2	7,69	10,24	0	17,93
3	20	76,92	16,19	60,72	93,11
	26	100			
Нижне-Гниловское городище N=13					
1	1	7,69	14,48	0	22,17
2	6	46,15	27,09	19,05	73,25
3	6	46,15	27,09	19,05	73,25
	13	100			

Анализируя полученные доверительные интервалы (min–max) (рис. 5, 6), нельзя не отметить большие колебания интервалов, что связано с малой величиной выборок. Вероятная ошибка (ΔP) для слоев Танаиса составляет ±10,24 % и до ±16,19 %. Это приводит к тому, что выборки (1, 2) из Танаиса не могут быть различимы между собой, поскольку их доверительные интервалы пересекаются. А вот все выборки Нижне-Гниловского городища не различаются между собой, поскольку вероятная ошибка (ΔP) составляет от ±14,48 % и до ±27,09 %.

Самая малая выборка среди данных, приводимых И. С. Каменецким в указанной выше работе на таблице 3 и исчисляемая им в 100 %, равна всего лишь одной единице, что является некорректным и совершенно недопустимым.

В целом, не оспаривая справедливость выводов И. С. Каменецкого относительно датировок слоев по амфорам, которые к тому же подкрепляются и другими датировочными материалами, нельзя не отметить, что применение метода датировки по процентному соотношению типов керамики на малых выборках мы считаем некорректным.

Количество фрагментов амфор в слоях Танаиса в целом велико, но в слоях Нижне-Гниловского городища их намного меньше, а ведь именно по ним исследователь в результате сопоставления процентных соотношений делает выводы о датировке того или иного слоя. Выборки из слоев Нижне-Гниловского городища от 18 до 104 единиц, на наш взгляд, неrepresentative, и оперирование подсчитанными на их основе процентными соотношениями без установления для них доверительных интервалов может привести к ошибочным выводам. Ведь уровень вероятной ошибки (ΔP) для подсчитанных процентов в этих выборках колеблется от ±14,51 % до ±16,97 % и от ±6,93 % до ±8,32 %.

Процент вероятных ошибок (ΔP) для небольших выборок настолько велик, что использования процентных соотношений в таких случаях не может не вызывать сомнений.

В качестве другого примера рассмотрим экспортную торговлю острова Книд в эпоху эллинизма на Черном море. Германскому исследователю известны 1078 клейм, из которых определяемыми являются только 1047 экземпляров (97,12 % ± 0,99 %), и которые автор [4, с. 254–265] рассматривает в соответствии с 8-ю хронологическими периодами, представленными в таблице (стр. 259, таблица 1).

После подсчета вероятных ошибок (ΔP) для процентов (P) и доверительных интервалов (min–max) мы получаем картину, более точно отражающую ситуацию, из кото-

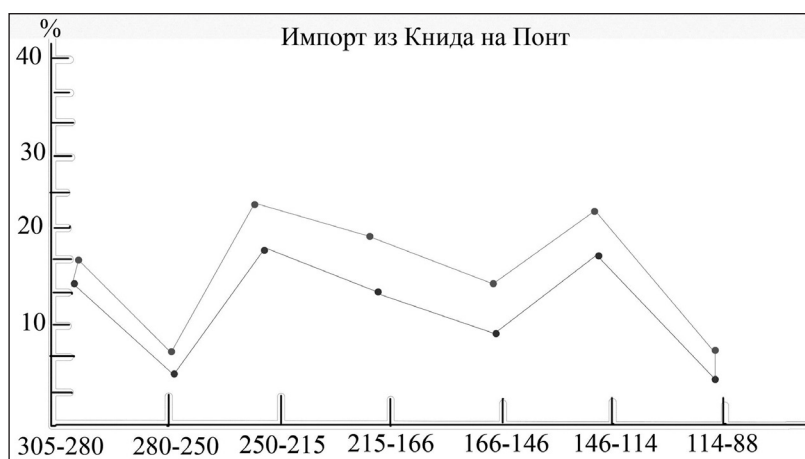
Таблица 2. Состояние торговых отношений между Книдом и Понтом в эллинистический период

		N	P	ΔP(±)	min	Max
I	305–280	167	15,95	2,217	13,73	18,16
II	280–250	56	5,34	1,36	3,98	6,711
III	250–215	224	21,39	2,48	18,91	23,87
IV	215–166	205	19,57	2,40	17,17	21,98
V	166–146	126	12,03	1,97	10,06	14,00
VI	146–114	223	21,29	2,48	18,81	23,77
VII	114–88	45	4,29	1,22	3,06	5,52
VIII	88–30	1	0,09	0,18	0,0	0,28
Всего:		1047	100			

Таблица 3. Состояние торговых отношений между Книдом с Понтом и Делосом в эллинистический период

Центр	Хронологические группы								всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
	305–280	280–250	250–215	215–166	166–146	146–114	114–88	88–30	
Понт	165	56	214	205	114	223	45	1	1023
Делос		27	19	496		765	2037	28	3372
Всего	165	83	233			988	2082	29	4395
				988					
Понт	100 %	67,46± 10,07	91,84± 3,51	25,15± 2,97	13,98± 2,38	22,57± 2,6	2,16± 0,62	3,44± 6,64	23,27± 1,24
Делос	0 %	32,53± 10,07	8,15± 3,51	60,85± 3,35		77,42± 2,6	97,83± 0,62	96,55± 6,64	76,72± 1,24
	100	100	100	100		100	100	100	100

Рис. 1. Гистограмма состояния торговых отношений между Книдом и Понтом в эллинистический период по доверительным интервалам

рой выходит, что торговля Книда с Понтом на протяжении рассматриваемого периода испытывала фазы подъема и падений. Наибольший подъем приходится на конец III в. до н. э. – первую половину II в. до н. э. (4–5 периоды), а к концу I в. до н. э. она почти совсем затухает. Это хорошо видно на графике доверительных интервалов для процентов (рис. 1)

Для оценки объема книдского экспорта в Средиземноморье и Понте автор привел сравнительные данные. Объем торговли Книда с Понтом составлял лишь $4,87\% \pm 0,28\%$, в отличие от Афин, Александрии, Делоса и Палестины.

Для сравнения и более подробного анализа автор предлагает рассмотреть материалы по Делосу, который позволяет представить уровень экспорта в этих двух регионах — Черноморский регион и Делос (см. таблица 2)

Анализируя данные из таблицы 3, автор утверждает, что импорт из Книда в Черноморский регион в конце III века до н. э. был выше ($67,46\% \pm 10,07\%$), чем на Делосе ($32,53\% \pm 10,07\%$).

Автор предложил интересный подход, введя ежегодный коэффициент импорта с Книда. С этой целью он разделил количество клейм на число лет каждого определенного периода. Вот как выглядят эти годовые коэффициенты в периоды: I период (305–280 лет) — $167: 25 = 6,7$ (6,68); II период (280–250 лет) — $56: 30 = 1,8$ (1,86); III период (250–215 лет) — $224: 35 = 6,4$; IV период

(215–166 лет) — $205: 49 = 4,2$ (4,18); V период (166–146 лет) — $126: 20 = 6,3$; период VI (146–114 лет) — $223: 32 = 7$ (6,96); VII период (114–88 лет) — $45: 26 = 1,7$ (1,73); VIII период (88 лет – 30) — $1: 58 = 0,01$; периоды I–VIII (305–30 годы) — $1047: 320 = 3,27$.

Но исследователь не очень-то доверяет этим коэффициентам и представил лишь количество клейм и эмпирические проценты (P), подсчитанные им. На их основе он делает следующие выводы:

- Распространение клейм из разных хронологических групп среди древних центров в районе к северу Черного моря показывает, что импорт товаров из Книда в клеймлёных амфорах отлигался от места к месту.

Приведем данные автора, на основе которых, используя эмпирические проценты, автор оценивает динамику этого процесса [4, табл. 5].

Автор справедливо отмечает, что сначала большая часть Книдского импорта шла на Боспор, а в течение III в. до н. э. и до середины II в. до н. э. он был наиболее интенсивным в Северо-Западную часть Черного моря (Ольвия-Тира).

Однако дальнейший анализ автора, который не привлекает во внимание возможность вероятных ошибок (ΔP) для процентов (P) по разновеликим выборкам, заставляет с осторожностью отнестись к его выводам. Ниже мы приводим данные автора, к которым мы подсчитали вероятную ошибку (ΔP) и доверительные интервалы (min–max).

Таблица 4. Распределение клейм по хронологическим группам по Н. Ефремову

	Европейский Боспор		Азиатский Боспор		Ольвия, Тира		Херсонес		Северо-Западный Крым		Остальные	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
I	105	62,9	1	0,6	45	26,9	4	2,4	2	1,2	10	6
II	—	—	—	—	20	35,7	6	10,7	—	—	30	53,6
III	61	27,2	17	7,8	114	50,8	18	8	3	1,3	11	4,9
IV	48	23,4	6	2,9	112	54,6	15	7,3	4	2	20	9,8
V	25	19,8	4	3,2	71	56,3	13	10,3	1	0,8	12	9,6
VI	51	22,9	11	4,9	35	15,7	39	17,5	73	32,7	14	6,3
VII	14	31,2	6	13,3	5	11,1	5	11,1	—	—	15	33,3
VIII	—	—	—	—	—	—	—	—	1	100	—	—

Таблица 5. Данные Н. Ефремова с возможностью вероятных ошибок (ΔP) и доверительным интервалом (min–max) по периодам

1 период 305–280

Районы	N=167	n	P	ΔP	Min	max
Европейский Боспор		105	62,87	7,327	55,54	70,202
Азиатский Боспор		1	0,59	1,17	0	1,76
Ольвия, Тира		45	26,94	6,72	20,21	33,67
Херсонес		4	2,39	2,31	0,07	4,71
Западный Крым		2	1,19	1,64	0	2,84
Остальное		10	5,98	3,59	2,38	9,58
		167	100			

2 период 280–250

Районы	N=56	n	P	ΔP	Min	max
Европейский Боспор		0				
Азиатский Боспор		0				
Ольвия, Тира		20	35,71	12,54	23,16	48,26
Херсонес		6	10,71	8,10	2,61	18,81
Западный Крым		0				
Остальное		30	53,57	13,06	40,50	66,63
		56	100			

3 период 250–215

Районы	N=224	n	P	ΔP	Min	max
Европейский. Боспор		61	27,23	5,82	21,40	33,06
Азиатский Боспор		17	7,58	3,46	4,12	11,05
Ольвия, Тира		114	50,89	6,54	44,34	57,43
Херсонес		18	8,03	3,56	4,47	11,59
Западный Крым		3	1,33	1,50	0	2,84
Остальное		11	4,91	2,82	2,08	7,74
		224	100			

Таблица 5 (продолжение). Данные Н. Ефремова с возможностью вероятных ошибок (ΔP) и доверительным интервалом (min–max) по периодам

4 период 215–166

Районы	N=205	n	P	ΔP	Min	max
Европейский Боспор		48	23,41	5,79	17,61	29,21
Азиатский Боспор		6	2,92	2,30	0,61	5,23
Ольвия, Тира		112	54,63	6,81	47,81	61,44
Херсонес		15	7,31	3,56	3,75	10,88
Зап. Крым		4	1,95	1,89	0,05	3,84
Остальное		20	9,75	4,06	5,69	13,81
		205	100			

5 период 166–146

Районы	N=126	n	P	ΔP	Min	max
Европейский. Боспор		25	19,84	6,96	12,87	26,80
Азиатский Боспор		4	3,17	3,06	0,11	6,23
Ольвия, Тира		71	56,34	8,65	47,68	65,00
Херсонес		13	10,31	5,31	5,00	15,62
Зап. Крым		1	0,79	1,54	0	2,34
Остальное		12	9,52	5,12	4,39	14,64
		126	100			

6 период 146–114

Районы	N=223	N	P	ΔP	Min	max
Европейский Боспор		51	22,86	5,51	17,35	28,38
Азиатский Боспор		11	4,93	2,84	2,09	7,77
Ольвия, Тира		35	15,69	4,77	10,92	20,46
Херсонес		39	17,48	4,98	12,50	22,47
Западный Крым		73	32,73	6,15	26,57	38,89
Остальное		14	6,27	3,18	3,09	9,46
		223	100			

Таблица 5 (продолжение). Данные Н. Ефремова с возможностью вероятных ошибок (ΔP) и доверительным интервалом (min–max) по периодам

7 период 114–88

Районы	N=45	n	P	ΔP	Min	max
Европейский Боспор		14	31,11	13,52	17,58	44,63
Азиатский Боспор		6	13,33	9,93	3,40	23,26
Ольвия, Тира		5	11,11	9,18	1,92	20,29
Херсонес		5	11,11	9,18	1,92	20,29
Западный Крым		0	0	0	0	0
Остальное		15	33,33	13,77	19,55	47,10
		45	100			

На основе процентных соотношений, дополненных доверительными интервалами (min–max), мы создали гистограмму состояния книдского импорта с районами Понта, что дает основание для оценки состояния торговли по каждому району по каждому хронологическому периоду (рис. 2).

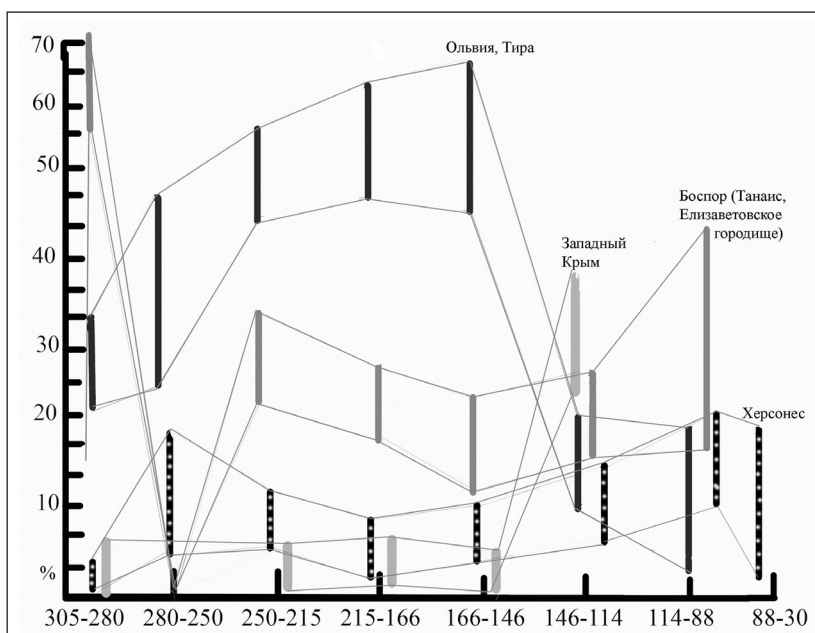
Начнем с Боспора, в который автором включены Танаис и Елизаветовское городище. В первом периоде (305–280 г. до н. э.) Боспор является наиболее важным торговым партнером Книда. Во втором периоде (289–250 г. до н. э.) место Боспора занимают Ольвия и Тира. Начиная с третьего периода (250–215 г. до н. э.), Боспор вновь выступает партнером Книда, но уровень поставок намного меньше, чем в первом периоде. Последующие периоды с 215 г. до н. э. и до 88 г. до н. э. находятся практически на одном уровне, несмотря на кажущиеся различия по эмпирическим процентам.

Другим важным партнером Книда являются Ольвия и Тира, которые в первый период были на втором месте по объему книдского импорта, а с третьего по пятый период выходят на первое место. В шестом периоде (146–114 гг. до н. э.) импорт резко снижается и не отличается от объемов импорта на Боспор и в Херсонес. На этом же уровне оставался импорт и в седьмой период (144–88 гг. до н. э.)

Незначительным объемом импорта с Книдом характеризуется Херсонес. В первом периоде он совсем незначителен, а начиная с 280 г. до н. э. и по 30 г. до н. э. он практически стабилен и находится где-то на уровне между 5–20 % от всего объема импорта в область Понта.

Еще одним потребителем книдского импорта является и Западный Крым. В первый период он находится на том же уровне, что и в Херсонесе. Во второй период ввоз товаров в этот район прекратился и возобновился на предыдущем уровне, начиная с 250 г. до н. э. и по 146 г. до н. э. В пятом периоде (146–114 гг. до н. э.) уровень импорта в Западный Крым резко подскочил и практически сравнялся с импортом на Боспор. Но уже со 114 г. до н. э. ввоз книдских товаров сюда прекратился окончательно. Автор объясняет эту ситуацию с разрушением поселений во время первой экспедиции Диофанта в 114 до нашей эры.

Оценивая в целом ситуацию торговли с Книдом, можем отметить, что основными партнерами были Боспор и Ольвия с Тирой. Если в первый период на первом месте был Боспор, то, начиная со второго периода, его место занимают Ольвия и Тира. И только в шестом периоде (146–114 гг. до н. э.) эти два района имеют одинаково низкий уровень. А в последующее время книдский импорт в зону Понта постепенно угасает и период 88–33 гг. до н. э. представлен единичным клеймом¹.

Рис. 2. Состояние торговых связей Книда с различными районами Понта

Конец книдского импорта, по мнению автора, несомненно, связан с изменением политической ситуации в период войн Митридата, что стало поворотным пунктом и для Книда, и для Северного Причерноморья.

Подводя итоги анализа, следует сказать, что нам удалось уточнить выводы автора, касающиеся уровня импорта в различные районы Понта.

Теперь рассмотрим один из примеров применения статистических методов в исследованиях средневековой керамики.

В своей монографической работе В. Б. Ковалевская, один из энтузиастов применения статистических методов при изучении массового археологического материала [5], использует проценты для анализа аланской керамики, насчитывающей 217 сосудов [6]. Одним из наиболее распространенных типов керамики в могилах являются небольшие чарочки-кувшинчики, которые автор делит на 2 типа, внутри которых выделяются еще и варианты. При этом читатель не знает, о каком количестве сосудов идет речь. Сосуды 2-го типа с сосце-

видными выступами, которых, как можно судить по данным автора, 22 экземпляра. Количество сосудов по формам и украшениям выступами и по проценту меняется не только во времени, но и в пространстве: 37,8 % на верхней Кубани, 25,5 % в Кавказских Минеральных Водах, 8,5 % в Кабардино-Балкарии, 1,5 % в Осетии при 0,6 % в Дагестане (укажем еще, что сосцевидные выступы были типичны для кобанских сосудов скифского времени). На первый взгляд, проценты очень различны, но это эмпирические проценты и, будучи подсчитанными от небольшой выборки, они имеют весьма большую вероятную ошибку. Мы подсчитали вероятные ошибки (ΔP)

Таблица 6. Сосуды с сосцевидными отростками из аланских погребений Кавказа

N=42	n	P	ΔP	min	Max
Верховья Кубани	8	40,90	20,54	20,36	61,45
Минеральные Воды	6	27,27	18,61	8,66	45,88
Кабардино-Балкария	2	9,09	12,01	0	21,10
Осетия	1	4,54	8,70	0	13,24971
	17	73,3			

¹ Заметим, что эту единицу автор оценил в 100%, что вряд ли можно считать корректным.

и доверительные интервалы (min–max), что позволило нам серьезно уточнить выводы исследователя (таб. 6).

Как можно видеть из данной таблицы, все приведенные районы не различаются между собой по процентному содержанию сосудов с сосцевидными отростками, потому что доверительные интервалы для всех районов пересекаются. Причиной этого является слишком малая выборка, подвергнутая анализу автором, из-за чего вероятная ошибка (ΔP) для процентов составляет от $\pm 8,70\%$ до $\pm 20,36\%$.

Примечательно, что автор в заключение своего анализа высказывается так: «*Рассмотрев лишь некоторые аспекты формализованного анализа массового керамического материала и возможностей его применения, мы отчетливо видим, насколько красноречивым и исторически информативным может оказаться этот материал при умении правильно его прогесть*». Последнее условие остается актуальным и по сей день и не только для работы данного автора, но и для

исследований многих других археологов и историков.

При использовании процентных соотношений исследователи должны принимать во внимание следующие важные условия:

- указывать размеры выборок, от которых считаются эмпирические проценты (P)
- все подсчитываемые исследователями проценты (P) должны сопровождаться вероятной ошибкой (ΔP). Их запись будет сходна по написанию с датировками по C^{14} , где первые цифры обозначают эмпирический процент (P), а после них со знаками $\pm$ размер вероятной ошибки (ΔP). Например: $40,90\% \pm 20,54\%$

- После этого легко высчитать доверительные интервалы (min–max).

Например: при $40,90\% \pm 20,54\%$ доверительные интервалы = $20,36\% - 61,44\%$.

Это позволит авторам избегать серьезных ошибок в своих суждениях, базирующихся на подсчитанных процентных соотношениях и повысить доверие к их выводам со стороны других исследователей.

Источники и литература

1. Каменецкий И. С. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики / И. С. Каменецкий // Методы естественных и технических наук в археологии, тезисы докладов. — М., 1963.
2. Каменецкий И. С. Датировка слоёв по процентному соотношению типов керамики / И. С. Каменецкий // Археология и естественные науки. — МИА, — № 129, — Москва, 1965. — С. 302–307.
3. Каменецкий И. С. К теории слоя / И. С. Каменецкий // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970.
4. Efremov N. V. Sur l'histoire des relations commerciales de Cnide avec les territoires du Nord de la Mer Noire / N. V. Efremov // Les amfores grecques. — Saratov, 1992. — P.254–265
5. Ковалевская В. Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала / В. Б. Ковалевская // Археология и естественные науки. — М., 1965. — С. 286–301.
6. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы: Века и народы. / В. Б. Ковалевская/ — М., 1984.

This article discusses examples of using a percents and percentage reports in the archaeological research. Using of percentages rations in most cases produced is not always correct, which much reduces the value of the conclusions of the authors and undermines the credibility of their study.

For correcting this current situation researchers need to accompany the used sample by information about their size and counted to calculate for the empirical percents (P) a probable error (ΔP) and confidence intervals (min–max).

Key words: ceramics, percent, percentage reports, probable error, sampling, confidence interval, statistical methods.

УДК 903.02

Н. Ф. Федосеев

Из истории Синопы. Керамический аспект¹

*Статья посвящена вопросам истории Синопы и использования керамических клейм в качестве исторического источника. Автор не согласен с критикой Н. Ефремова. Клейма с датами должны определяться по селевкидской эре, а период регулярного астиномного клеймения в Синопе определяется периодом с 367 г. до 203 гг. до Р.Х. С 1993 года число астиномов осталось неизменным — 166. В противовес мнению Н. Ефремова, приводятся доказательства существования в Синопе *cursus honorum*. Исправляется чтение Н. Ефремова уникального эсимнетного клейма. Эсимнетия — это трезвыгайная магистратура, использовавшаяся в редких случаях, а появление эсимнетного клейма я связываю с походом Александра III.*

Ключевые слова: Синопа, керамические клейма, астиномы, эсимнет, *cursus honorum*.

История Синопы достаточно хорошо освещена в нарративных источниках. Но вместе с тем, остаются еще темные страницы, которые можно прояснять анализируя такие источники, как керамические клейма. Керамические клейма Синопы охватывают период с 360-х годов до конца III века до Р.Х. Клейма содержат имена гончаров, астиномов, иногда эсиментов или агораномов, их патронимики. Практически во всех присутствуют эмблема, иногда две, а иногда и три. Все это позволяет ввести керамические клейма в число источников, которые в сочетании с нарративными, позволяют уточнить не только экономический аспект, но и исторический. Не скрою, что именно эта глава моей диссертации вызвала вопросы и советы убрать ее. Мои коллеги не верили в возможность керамических клейм, немногословного, на первый взгляд, источника, позволявшего анализировать и судить исторические события. Но прошло время, которое показало, что в какой-то части я, что называется, нафантазировал, но в большей степени показало мою правоту — керамические клейма могут служить исто-

рическим источником и достаточно объективным.

В противовес мне, неожиданно,² выступил германский исследователь Николай Ефремов [1]. Его статье предшествует эпиграф из Теренция: «Сколько людей, столько и мнений». Нужно ли объяснять выпускнику Московского университета, преподавателю университета Грайфсвальда, что история — это точная наука, оперирует определенными датами и двух (тем более «сколько людей») мнений быть не может? Эпиграф из Теренция хорош для художественного, но не для научного произведения. К сожалению, многие исследователи считают, что если они приведут как можно больше мнений, продатируют клеймо по разным классификациям, тем солиднее будет их работа. Между тем, не существует датировки «по кому-то», а есть единственная правильная датировка синопских клейм. А уж по чьей классификации этот исследователь будет датировать свой материал — это определять ему. Именно он несет ответственность за свой выбор, именно он решает, кому он отдает предпочтение.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Синопские керамические клейма» № 13-01-00314.

² Статья появилась в итоговом сборнике конференции спустя

четыре года (конференция проводилась в 2009 году, а сборник вышел в 2013). Ни в программе конференции, ни в приложенных резюме докладов фамилии Ефремова нет.

Также абсурдна ссылка на классификацию исследователя такого-то года, а затем другого года. Очевидно, что с течением времени мнение исследователя может меняться и, естественно, что наиболее соответствует истине последняя по времени классификация.

Как же поступает Н. Ефремов? Он апеллирует к первой хронологии Б.Н. Гракова (1926), приводит дату В.И. Цехмистренко (1960) о захвате Синопы Фарнаком, критику Е. Я. Туровского (1997), классификацию Н. Коновичи (1998), предложения датировок синопских клейм И. Гарлана (1999) и В.И. Каца (2007). Такая методика позволяет ему апеллировать то к одному, то к другому мнению, забывая, однако, что каждая хронологическая классификация отвергает предыдущую.

Что же конкретно пытается опровергнуть Н. Ефремов? Прежде всего, его не устраивает мои определения клейм с датами. Есть среди синопских керамических клейм небольшая группа, содержащая в легенде вместо имени магистрата буквенное обозначение даты. И. Гарлан в устной беседе со мной предполагал, что на второй ручке должно быть клеймо с именем магистрата, но до сих пор целого горла с двумя ручками не найдено. Да и клейм, содержащих только имя магистрата для этого периода, мне не известно.

Первоначально я склонен был датировать их по понтийской эре [2, с. 13]. Затем, после замечания моего оппонента на защите диссертации С. Ю. Сапрыкина, склонился к его точке зрения — датировке по селевкидской эре [3]. Проанализировав клейма с датами, мне удалось исключить из этой группы явно ошибочные чтения, неверно локализованные, и сузить их круг до клейм трех дат: 109, 112 и 113. Все остальные даты — результат неправильных восстановлений. О клейме агораномы Алексида мне уже доводилось писать [4] — это не синопское клеймо и учитывать его в анализе синопского клеймения нельзя. Между тем, дата из этого клейма (190 г. до Р.Х.) фигурирует в статье Н. Ефремова [1, с. 29]. Чье это клеймо, почему на нем присутствует дата вместе с агораномной магистратурой — вопрос интересный, но к истории Синопы отношение не имеющий.

Таким образом, даты на синопских клеймах относятся к периоду с 203/2 по 199/8 по селевкидской эре, с 183/4 по 179/80 по городской эре или по традиционной, понтийской эре, с 188/9 по 184/5 гг. до Р.Х. Появление эр всегда было следствием какого-то политического события. Для этого периода нам известно лишь одно событие: взятие Синопы Фарнаком I в 183 году до Р.Х. Тогда следует согласиться с мнением В. И. Цехмистренко, что Синопа имела свою, городскую эру, и начало эры взято как раз из керамических клейм. Никаких дополнительных данных о ней нет. Уже одно это заставляет сомневаться в гипотезе.

Датировка клейм по селевкидской и по понтийской эре приходится на более ранний период. Понтийская эра, как известно, стала употребляться в Понте с 96/95 г. до Р.Х. [6, с. 130]. Самое раннее употребление этой эры на Боспоре, насколько мне известно, зафиксировано в декрете о фанагорийских наемниках [6] и относится к 88/87 г. до Р.Х. (210 год). Предполагать, что в Синопе введение этой эры произошло на столетие ранее, вряд ли возможно.

Единственно допустимая эра в Синопе в это время — это греко-македонская или селевкидская (вавилонская) эра с начальным 312 г. до Р.Х. Как мы уже писали [3], греческие полисы вводили у себя селевкидскую эру, так как стремились унифицировать собственный календарь и применяли наиболее удобную и популярную у эллинов Переднего Востока эру [7, с. 35]. Введение ее, как показывают клейма, произошло в 203/2 гг. до Р.Х. Ему предшествовало лишь одно событие — осада Синопы в 220 г. до Р.Х. Митридатом III. По словам Полибия, именно с 220 года начались неудачи Синопы [Polyb. IV. 56, 1].

Если предположить, что 203/2 г. до Р.Х. — это конец астиномного клеймения в Синопе, то начало регулярного астиномного клеймения произошло 164 годами ранее, т. е. в 367 году до н. э. Эта дата как нельзя лучше соответствует времени начала клеймения [4, с. 23]. Данная хронология не дает «зазора» для новых магистратов, появление их сведено к нулю. Это стало возможным только с использованием моей «единой

хронологической системы», где нет разбиения на группы [8]. Н. Ефремов считает, что предложенная мной «единая хронологическая система» не может быть принята, поскольку нам известны не все астиномы, что магистраты могли умирать во время пребывания в должности, некоторые из них имели омонимы и т. д. [1, с. 31].

Вполне может быть, если рассуждать, опираясь только на публикации клейм. Я же опираюсь на собранный мной банк в 23 317 синопских керамических клейм. Как и прежде, число магистратов равно 164³. Причем, проверка списка магистратов проводилась 20 лет назад на выборке в 15 000 клейм [9]. За этот период число магистратов не изменилось и, согласно нормальному распределению (распределению Гаусса), маловероятно, что изменится.

Правда, В. И. Кац утверждает, что ему известны пять новых синопских магистратов. Но внимательный анализ показал, что утверждение В. И. Каца ошибочно. Неоправданно включение в список магистратов первой группы астинома Епиелпа [10, с. 254]. Автор не приводит полного чтения клейма, однако по его реплике «и фабриканта Dionysios» складывается впечатление, что восстановил он легенду неправильно. Правильное чтение: Ἐπιέλλου ἄστυνό(μο) | ὕ(ν) τοῦ | Ἦρακλεῦδ(ου) (τοῦ) Διο<ο>νυσίου ἀμφορα (рис. 1). Нет никаких оснований выделять нового магистрата, это хорошо известный магистрат Эпиелп. Единственный признак, на основании которого В. И. Кац выделил этого магистрата, — это расположение легенды по периметру. Аналогичным образом расположена легенда в клейме магистрата Эндема: Ἐπιδήμου ἄστυνόμοῦ (ν) τοῦ | Γέρων Ἀριστομέλ(νου) канфар (рис. 2). Но ведь никто не пытается на основании лишь этого одного признака (расположение легенды по периметру) выделить нового магистрата. Скорее всего, здесь речь идет об особенностях резчика штампов.

Предлагает пополнить список магистратов В. И. Кац именем магистрата, от которого сохранилось три буквы ΣΑΓ(--), в кото-

Рис. 1. Клеймо магистрата Эпиелпа (без масштаба)

Рис. 2. Клеймо магистрата Эндема (без масштаба)

ром он вычитывал имя Сангарий [11, с. 34]. Устно я скорректировал это чтение на того же Епиелпа. Видимо, В. И. Кац чуть позже и сам отказался от чтения Сангарий, поэтому в списке синопских магистратов Сангарий фигурирует как опечатка [10, с. 437–438, № 16 и № 35].

В личном письме В. И. Кац упоминает еще астинома Антипатра, сына Гефестодора. После моей корректировки, что это клеймо известного уже Посидея, сына Гефестодора, В. И. Кац отказался от своего мнения.

Также В. И. Кац заявил, что ему известен новый астином — Геродот Посейдониев [11, с. 34]⁴, но в монографии о Геродоте Посейдониеве В. И. Кац даже не упоминает [10]. Таким образом, попытка найти новых синопских магистратов провалилась.

Дискуссию вызвало мое предложение разделить магистрата Пасихара на два омонима — с эмблемой «канфар» и эмблемой «факел». И. Гарлан полагает, что речь идет об одном магистрате, но избирался он на должность астинома дважды (!?-Н. Ф.)

³ Без учета двух магистратов, которые выходят за рамки регулярного астиномного клеймения, — Полона и Формиона.

⁴ Автор пишет, что этот магистрат представлен в моем списке. Это неправда.

[12, p. 143]. Подобное предположение не иначе как смелым не назовешь! Сути в магистратском *cursus honorum* это не меняет — два магистрата занимали должность два года. Но отчего так легко и на основании лишь косвенных данных исследователи берутся разрушить устои полисного государства? Ведь нам не известны из других источников случаи занятия должности полисной магистратуры два года подряд. Да и чем могло быть вызвано подобное нарушение правил? На эти важные вопросы И. Гарлан ответа не дает.

Таким образом, в настоящее время с большой долей вероятности можно определить число синопских астиномов — 166. Напомню, что это число остается неизменным с 1993 года [9].

В перечне контраргументов Н. Ефремова присутствует и такой: поскольку имена чиновников на синопских монетах не совпадают с именами астиномов на клеймах, то и *cursus honorum* в Синопе не существовало [1, s. 31].

А как же зафиксированные в эпиграфике Синопе должности дикаста, номофилака, притана, секретаря (рис. 3) [13, p. 313]? К этому перечню полисных должностей следует добавить также агораномов и астиномов. Причем имя номофилака Епидема, сын Епиелпа, известно и среди астиномов. Это прямое свидетельство о существовании *cursus honorum* в Синопе. Отсутствии параллелей имен монетных чиновников с именами на синопских клеймах можно объяснить их асинхронностью: синопские драхмы датируются с 380 гг. до Р. Х., а астиномы на синопских клеймах появляются только в 366 году до Р. Х.

Еще одну ошибку допустил Н. Ефремов в рецензии на книгу В. И. Каца [14]. Он утверждает, что в уникальном синопском клейме с упоминанием эсимнетской магистратуры легенда восстанавливается: *Νικοστράτου ἐπί | ἀστυμνήτου ἀστυ[νο]μ[ο] ὕντος Ποσιδείου[υ]*.

Поскольку это клеймо уже не раз было объектом исследования, мне довелось подробно описать ситуацию [9]. Е. М. Придик предполагал, что Эсимнет — это имя [15, с. 94, № 681], затем, в другой работе, он

усомнился в этом и оставил это имя без комментариев — под вопросом [16, s. 356. N175]. В рукописи к корпусу клейм Е. М. Придик истолковал слово *ἀστυμνήτης* как украшающий эпитет [см.: 17, с. 101].

В своей книге Б. Н. Граков поместил «*Ἀστυμνήτης*» в начало списка имен синопских магистратов со ссылкой на III хронологическую группу [18, с. 183] и считал его в данном случае городским эпонимом [18, с. 134]. Однако позднее, в заметке, посвященной присутствию слова *ἀστυμνήτης* в синопских клеймах, Б. Н. Граков однозначно определил, что эсимнетия известна из письменных источников как чрезвычайная магистратура и отнес ее к имени Никострат [17, с. 100–107]. В. И. Цехмистренко считал, что эсимнет, как и астином, здесь Посидей [19, с. 69], известный чаще с отчеством «сын Гестодора».

Окончательную ясность внес Б. А. Василенко, приведший в своей диссертации фотографию полного оттиска этого клейма из раскопок Никония в 1970 г. [20, л. 252, табл. XIII]:

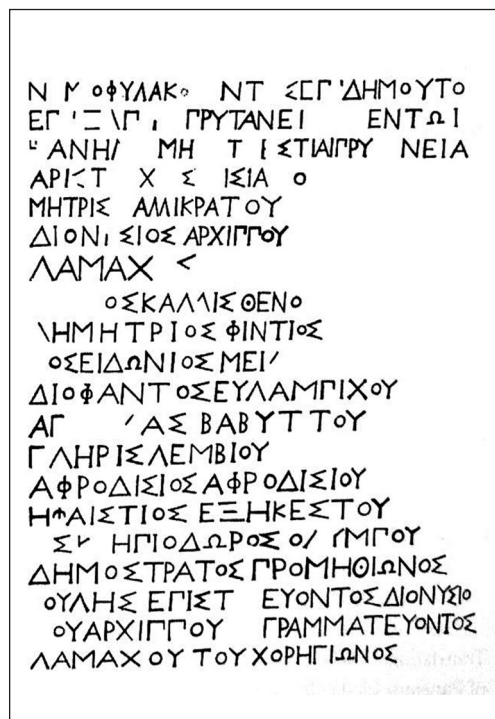

Рис. 3. Список синопских пританов. [Robinson, 1906]

Νικοστράτου. Ἐπί Νίκια
αἰσυμήτου, ἀστυνο-
μοῦντος Ποσιδείου
лук, палица

Таким образом, парадоксальная ситуация, когда одно и то же лицо одновременно несло функции эсимнета и астинома, оказалась недостоверной. Все оказалось гораздо проще: гончар Никострат (его эмблема — палица) работал при эпонимной эсимнетии Никия и при астиноме Посидее, сыне Гефестодора, (эмблема — герма).

Мне пришлось привести столь обширную цитату из своей работы [9], чтобы объяснить абсурдность чтения Н. Ефремова: Νικοστράτου ἐπί | αἰσυμήτου ἀστυ[vo]μ[ο] ὕντος Ποσιδεῖο[v] [21; 14, с. 524]. Если первую работу я проигнорировал, полагая, что автор просто ошибся в чтении, то повтор этого чтения, да и с претензией, что В. И. Кац не сослался на его работу, заставляет меня вновь обратиться к толкованию этого клейма.

Н. В. Ефремов приписал мне мнение, будто Никия я считал астиномом [14, с. 524], хотя все усилия мои были направлены на то, чтобы доказать, что астином в этом клейме — Посидей. Н. Ефремов пишет, что «само построение легенды по такой схеме, когда предлог стоит между именем и должностью, был бы уникален». Ну, во-первых, предлог ἐπί стоит перед именем Никий, а во-вторых, чтение Ἐπί αἰσυμήτου ἀστυνομοῦντος выглядит странно, поскольку эпонимный предлог предшествует сразу двум, взаимоисключающим названиям магистратур и эсимнета в генетиве, и астинома в причастной форме. Хотелось бы получить объяснение от Н. Ефремова столь странным грамматическим коллизиям.

Н. Ефремов уверен, что «для имени Никия в легенде просто не остается места, ибо за предлогом четко видна рамка» (рис. 4) [14, с. 524]. То, что Н. Ефремов на протирке принял за рамку, является просто границей скола клейма. Правильное чтение, сопровождающие иллюстрацией, где четко видно имя Никия, Н. Ефремов мог увидеть и в статье Н. Коновичи [22, Pl.V.5], и в монографии А. В. Гаврилова (рис. 5) [23, № 521]. Всего мне известно девять оттисков этого

штампа: Пантикапей [34, № 25; 15, с. 94, № 681; 18; 17, с.101. P.1.1; 19, с. 71], Каллатис [24, р. 60/186, № 337; 25, с. 33, № 15a], Тира [26; 27, с. 50], две находки были сделаны в Никонии [20, № 1142–1143], на поселениях Чорелек, Пустынный берег 3, Новопокровка 1 [23, № 521]. Кроме того, еще одно клеймо, которого «место находки неизвестно», хранится в Керченском музее.

Известно, что астиномия, как магистратура, находится в начале *cursus honorum* [28, с. 144–145; 29], а эсимнетия — это чрезвычайная магистратура, использовавшаяся в редких случаях. Для Синопы использование эсимнетной магистратуры случай, конечно же, уникальный, и появление в клейме такой магистратуры должно рассматриваться как экстраординарное событие. Так оно и было. Клеймение при Посидее, сыне Гефестодора, разъединяется на два клейма: гончарное и астиномное, столь нехарактерное для Синопы. Изменяется и состав легенды: вместо привычной формулы: имя магистрата, название магистратуры в сокращенной форме (ἀστυνο) и имени гончара появляется название магистратуры в полной форме (или в причастном обороте) и имя с патронимиком. Вырастает доля черепицы в период магистратуры Посидея. Все это свидетельствует об чрезвычайных мерах, предпринимаемых синопейцами.

Поводом для подобных действий мог стать поход Александра III. Известно, что Александр встретил синопских послов в стране мардов и приказал отпустить их, сказав при этом, что Синопа поступает правильно, направив посольство к царю, так как она являлась подданным царя [Arr., Anab., III, 24, 4; Q. Curtius Rufus, Hist. Alex. VI, 5, 6]. Видимо опасения со стороны синопцев все же были, и они ввели чрезвычайную магистратуру — эсимнетию. Более того, что-то побудило их изменить привычную формулу клеймения. В это время известно и безмагистратское клеймение — амфоры с клеймом Λαμιά(χου) [30, с. 144]. Через какое-то время в Синопе на керамических клеймах появляются и македонские имена — Аттал, Деметрий, Мильтиад и др. По всей вероятности, поход Александра III оказал влияние на си-

нопскую магистратуру, по крайней мере, на керамическое клеймение.

Интересное клеймо из Керкинитиды опубликовал В. А. Кутайсов [31, рис. 44.12]. К сожалению, автор оставил его без комментария, но оно заслуживает более пристального внимания. Клеймо необычно круглой формы, оттиснуто на черепице⁵, надпись в два ряда расположена вокруг эмблемы — 16-конечная звезда (рис. 6.). Расположение легенды не характерно для большинства синопских клейм. Также вызывает интерес и явно македонская эмблема. Все это за-

ставляет признать македонское влияние на историческое развитие полиса Синопа.

Таким образом, различные политические события находили свое отражение в синопском клеймени. Синопские керамические клейма могут служить надежным историческим источником. Попытки Н. Ефремова опровергнуть это оказались несостоятельными. Так же как и его попытки найти в эмблематике Синопы селевкидское влияние [32]. На многих эмблемах синопских клейм он усмотрел прототип селевкидских монет. Не отвергая в целом македонское влияние на иконографию Синопы, я категорически против проведения аналогии с селевкидскими монетами [34].

⁵ [---] ΑΝΙΟΣ Σ[---] ΣΕ[---] | [---] ΟΛΩΝΗΣ [ΚΕΡΑ] ΜΕ[ΩΣ] вокруг звезды. Керкинитида, 1981/1094.

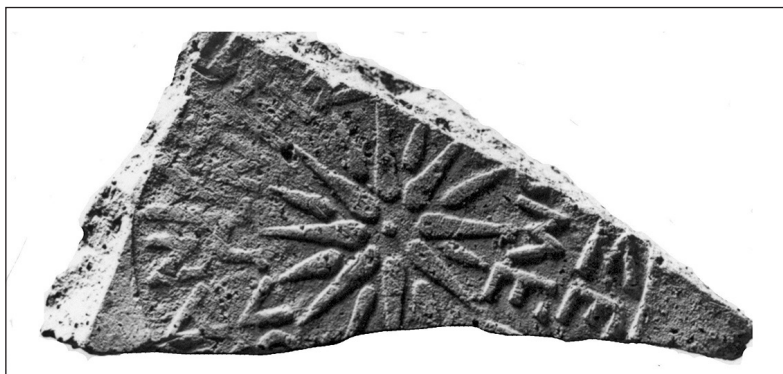
Рис. 4. Протирка клейма из книги В. И. Каца [Кац, 2007. С. 270. рис. 61.8] (без масштаба)

Рис. 5. Протирка клейма из книги А. В. Гаврилова [Гаврилов, 2011. № 521] (без масштаба)

Рис. 6. Черепичное клеймо из Керкинитиды [Кутайсов, 2013. Рис. 44.12] (без масштаба)

Источники и литература

1. Jefremow N. Die Keramikstempel von Sinope und die Geschichte der Polis in der spätklassischen und hellenistischen Zeit / N. Jefremow // PATABS III. — Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. — Constanta, 2013. — P. 25–44.
2. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма Синопы как источник по политической и экономической истории Понта / Н. Ф. Федосеев // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Москва, 1993. — 19 с.
3. Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф. Клейма Синопы с датами / С. Ю. Сапрыкин, Н. Ф. Федосеев // РА, — 1999. — 2. — С. 135–143.
4. Федосеев Н. Ф. Агораномы Синопы / Н. Ф. Федосеев // ΦΙΛΙΑΣ ΧΑΡΙΝ. — Mélanges à la mémoire de Niculae Conovici. — Călărași, 2008. — С. 57–70.
5. Габелко О. Л. Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства / О. Л. Габелко // ВДИ, — 4. — 2005. — С. 128–158.
6. Виноградов Ю. Г. Фанагорийские наемники / Ю. Г. Виноградов // ВДИ. — 1991. — 4. — С. 14–33.
7. Leschhorn W. Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros. / W. Leschhorn / — Stuttgart, 1993. — 576 s. — (Historia. Einzelschriften, 81).
8. Федосеев Н. Ф. К дискуссии о хронологии синопских керамических клейм / Н. Ф. Федосеев // Боспорский Феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. — Часть 2. — СПб, 2004. — С. 40–51.
9. Федосеев Н. Ф. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе / Н. Ф. Федосеев // ВДИ, — 1993. — 2. — С. 85–104.
10. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / В. И. Кац // Боспорские исследования. — XVIII. — Симферополь-Керчь, 2007. — 480 с.
11. Кац В. И. Современное состояние хронологии синопских керамических клейм / В. И. Кац // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. — СПб., 2004. — Ч. 2. — С. 32–39.
12. Garlan Y., Kara H. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves Sinope / Y. Garlan, H. Kara // Varia Anatolica XVI. Corpus international des timbres amphoriques 10. — Paris, 2004. — 382 p.
13. Robinson D. M. Ancient Sinope / D. M. Robinson / — Baltimore, 1906. — 335 p.
14. Ефремов Н. В. Рецензия. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования. XVIII. Симферополь-Керчь, 2007. 480 с. / Н. В. Ефремов // Вопросы эпиграфики. — Вып. 6. — 2012. — С. 521–526.
15. Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. / Е. М. Придик / Пг., 1917. — 191 с.
16. Pridik E. Die Astynomennamen auf Amphoren- und Ziegelstempeln aus Südrussland / E. Pridik // Phil.-Hist. Klasse. — XXIV. — 1928. — 41 s.
17. Граков Б. Н. Заметки по греческой эпиграфике / Б. Н. Граков // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. — С. 100–107.
18. Граков Б. Н. Древнегреческие клейма с именами астиномов / Б. Н. Граков / М., 1929. — 223 с.
19. Цехмистренко В. И. Заметки о синопских клеймах / В. И. Цехмистренко // СА. — 1971. — 3. — С. 67–75.
20. Василенко Б. А. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V–III в. до н. э.). Рукопись кандидатской диссертации. / Б. А. Василенко / М., 1972. — Архив ИА РАН. — P. 2. — Д. 211.
21. Jefremow N. Die Aisymnetai von Sinope / N. Jefremow // Klio. — 2003. — Bd. 85. — S. 9–14.
22. Conovici N. Sur la diversité des timbres sinopéens sur amphores et sur tuiles / N. Conovici // Epigrafia Anfórica, edited by J. Remesal Rodriguez, Col·lecció Instrumenta 17. — Publicacions I Edicions di Universitat di Barcelona, 2004. — P. 21–44.
23. Гаврилов А. В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). — Археологический альманах. № 24. / А. В. Гаврилов / Донецк: «Донбасс», 2011. — 350 с.
24. Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh. Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja / M. Gramatopol, Gh. Poenaru Bordea // Dacia. N. S. — XIII. — 1969. — P. 1–156.
25. Лазаров М. Синопе и западнопонтийский пазар / М. Лазаров // ИИМВ. — NXIV(XXIX). — 1978. — С. 11–65.
26. Самойлова Т. Л. Экономические связи Тирры с античными городами в IV–I вв. до н. э. (по данным керамической эпиграфики) / Т. Л. Самойлова // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1981. — С. 51–63.

27. Самойлова Т. Л. Тира в VI–I вв. до н. э. / Т. Л. Самойлова/. — Киев, 1988. — 122 с.
28. Граков Б. Н. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. / Б. Н. Граков /. Архив ИА РАН. — Р-2, — № 538. 1939.
29. Павличенко Н. А. Коллегия астиномов в эллинистическом полисе / Н. А. Павличенко // АМА. — 8. — Саратов, 1990. — С. 52–62.
30. Монахов С. Ю., Рогов Е. Я. Амфоры некрополя Панское I / С. Ю. Монахов, Е. Я. Рогов // АМА. — 7. — Саратов, 1990. — С. 128–153.
31. Кутайсов В. А. Античный полис Керкинитида. / В. А. Кутайсов/. — Симферополь, 2013. — 400 с.
32. Ефремов Н. В. Монархическая символика в керамических клеймах Синопы: Селевкидское влияние на Южном берегу Понта? / Н. В. Ефремов // Эпиграфический сборник. — 5. — М., 2011. — С. 207–231.
33. Федосеев Н. Ф. Призрак монархизма бродил по Синопе... / Н. Ф. Федосеев // Научный сборник Керченского историко-культурного заповедника. — Т. 4. — Симферополь, 2014.
34. IOSPE, III – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini, III.

The article is devoted to the history of Sinope and using of the ceramic stamps as a source. The author does not agree with the criticism of N. Efremov. Stamps with dates should be defined by the Seleucid era, and the period of the regular astynomos branding in Sinope is determined as a period from 367 to 203 BC. Since 1993, the number of astynomos have remained unchanged – 166. In the opposition of N. Efremov's point of view the evidence of the cursus honorum existence in Sinope is provided. The N. Efremov's reading of the unique aisymnetos stamp is corrected. Aisymnetia is an extraordinary magistracy used in rare cases, and I associate the appearance of the aisymnetos stamp with the campaign of Alexander III.

Key words: Sinope, ceramic stamps, astynomos, aisymnetos, cursus honorum.

УДК 902.3

Н. И. Винокуров

Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан

На городище «Артезиан», одной из боспорских крепостей Крымского Приазовья, исследуется уникальный слой пожара середины первого века нашей эры. Многие находки из слоя пожара являются хронологическими индикаторами для памятников середины первого века нашей эры, прежде всего, из кладов — жертвоприношений и слоя гомогенного пожара. Они открыты во всех напластованиях, связанных со временем бытования, гибели и перестройки ранней цитадели. Внутри цитадели находились десять прямоугольных помещений, сгоревших в ходе вражеского штурма. Все защитники крепости- сторонники царя Митридата VIII, свергнутого узурпатором Котисом при помощи римских войск, погибли. Данная публикация посвящена материалам раскопок одного из угловых помещений цитадели, в котором уцелел слой гомогенного пожара.

Ключевые слова: исторические процессы, археология Боспора, античность, материальная культура, периодизация, хронология, типология, боспоро-римская война, фортификация, система расселения, архитектура, коммуникации, хозяйственная деятельность, городище Артезиан.

После десяти лет напряженных работ ААЭ удалось завершить вскрытие внутреннего пространства ранней цитадели городища Артезиан, погибшего в 46/47 г., в начальный период боспоро-римской войны 44/45–49 гг. [1, с. 60 и сл.; 2, с. 162 и сл.; 3, с. 7 и сл.; 4, с. 190 и сл.; 5; 6; 7; 8; 9, с. 30–40]. Внутри цитадели находились десять прямоугольных помещений, сгоревших в ходе вражеского штурма. Все защитники крепости, сторонники царя Митридата VIII, свергнутого узурпатором Котисом при помощи римских войск, погибли. Слой пожара был насыщен множеством целых и фрагментированных артефактов, среди которых встречались и уникальные находки, в основном происходящие из кладов, закопанных осажденными накануне катастрофы [10, с. 93–146; 11, р. 207–278]. Данная публикация посвящена материалам раскопок одного из угловых помещений цитадели, в котором уцелел слой гомогенного пожара.

Помещение 10 с вкопанными пифосами, занимавшее юго-восточный угол цитадели, в пределы раскопов 2009 г. и 2011 г. попало частично, и было доследовано полностью в 2013 г. Помещение ограничено северной

стеной 81.1, восточной 186, южной 175 и западной 177 (рис. 1–3). Его площадь около 35 кв. м. Судя по остаткам пифосов и больших амфор, а также ямам из-под извлеченных сосудов, помещение 10 служило хранилищем для припасов. Оно полностью сгорело в пожаре. Слой разрушения помещения прорезали позднеантичные ямы 341, 450, 493¹, а также современные грабительские шурфы. В переотложенных грабительских сбросах культурного слоя найдены медные монеты (н. о. 408/2013, 514-516/2013; 555-557/2013, 558-564/2013), которые еще не определены.

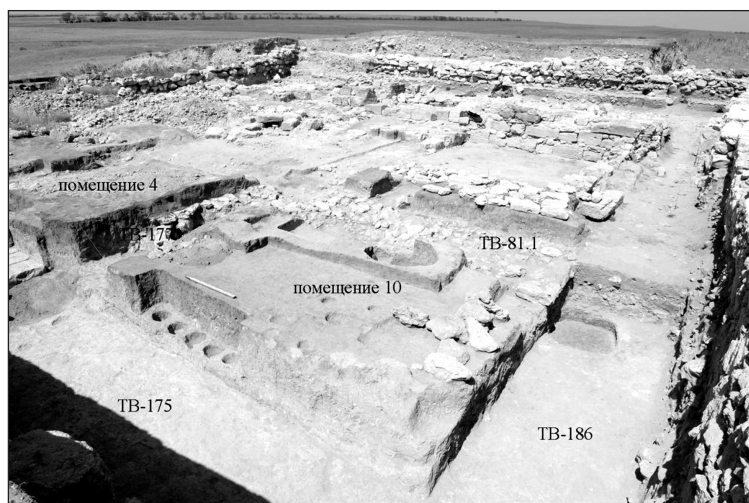
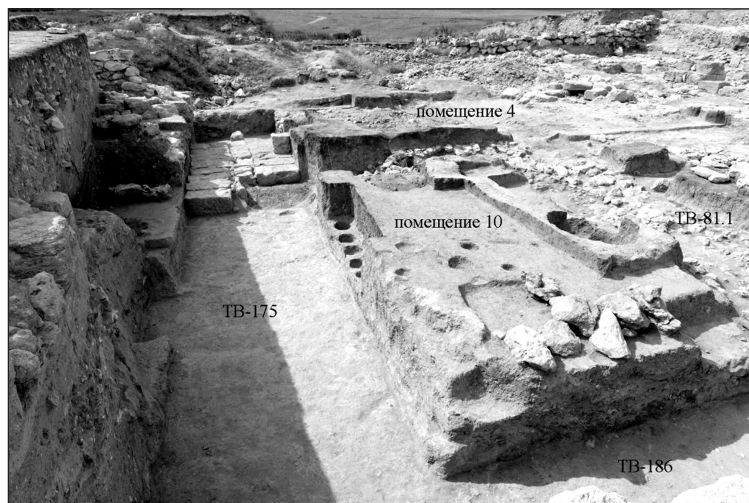
При сооружении помещения 10 было частично срезаны руины более ранней постройки правильной планировки, от которой остались небольшой обрывок фундамента иррегулярной бутовой кладки (2,20 × 0,97 м) в восточной части помещения 10, отдельные ямки из-под вкопанных амфор и пифосов, а также желто-коричневый сырцово-глинистый развал толщиной 0,10–0,20 м. Кладка сложена на глине по постелистой тычково-

¹ Синхронны ямам 490–492 с зольным, рыхлым заполнением и находками III в. н. э.

Рис. 1. План-схема ранней цитадели

Рис. 2-3. Помещение 10 ранней цитадели на юге раскопа III востока и с юго-востока

ложковой двухлицевой схеме из средних по размеру известковых камней с грубо околотовой поверхностью. Ее перекрывал глинистый развал.

Ямки из-под сосудов, также перекрытые слоем разрушения раннего помещения, были заполнены глинистым желто-коричневым грунтом с мелким щебнем, отдельными крупными камнями, практически без находок, если не считать отдельные мелкие обломки стенок амфор. Их диаметр достигал: 0,15–0,56 м, глубина — 0,12–0,30 м. Пол находился на уровне верха кладки и маркировался отдельными растрескавшимися черепками лепных и простых гончарных сосудов, залегавшими горизонтально с перепадом высот до 0,05–0,12 м. Его толщина — до 0,08 м. Он не отличался значительной плотностью.

Ко времени существования ранней постройки относится котлован под амфоры, уничтоженный при выкапывании траншеи под фундамент южной крепостной стены 175. Он выявлен в юго-западной части помещения 10. Котлован имел правильную прямоугольную форму. Углами он ориентирован по сторонам света. Точные его размеры не известны, так как от котлована сохранилась только северная часть 2,50 × 0,43 м, глубиной 0,75 м. Котлован заглублен в материковом грунте горизонта «С». На его дне расчищены пять округлых ям под сосуды. Ямы выкопаны цепочкой по оси запад-восток. Их диаметр 0,32–0,36 м, при глубине 0,15–0,27 м. Судя по близкому расположению ям друг другу, вкопанные амфоры имели веретенообразное тулово. Котлован и ямы были заполнены переотложенным материковым грунтом. Находок в нем не было.

Время бытования раннего помещения осталось неизвестным, так как в глинистом заполнении ям и слое разрушения датирующих находок не найдено. Слой разрушения перекопан и прорезан ямами под пифосы и сохранился лишь на ограниченной площади в восточной части помещения 10. Сырцово-глинистый развал — от стен раннего помещения и верхний уровень погребенной почвы горизонта «В», ниже него, прокалились во время пожара ранней цитадели до красно-коричневого цвета под воздействием высокой температуры.

Планировка помещения 10 вполне понятна. Его разделяла на две части деревянная перегородка, ориентированная с небольшим разворотом по линии север-северо-восток — юг-юго-запад. Ее размер: длина не более 5,20 м, ширина до 0,20 м. Подобная перегородка была в западном помещении 1. Площадь восточной части помещения 10 составляла 14,6 кв. м, западной — 20,5 кв. м.

Перегородка была сколочена из бруса или досок в виде щита, толщиной до 0,15–0,20 м. Ее основание заглублено на 0,18 м в грунт. На месте деревянного щита осталась траншея, заполненная углями, остатками обгоревшего дерева и продуктами горения. Ее северная часть уничтожена поздней ямой 450. Вполне допустимо, что там мог находиться дверной проем, но это только предположение. При расчистке траншеи были найдены куски обугленных балок прямоугольного сечения, крупные и средние по размеру угли, зола, комки перегоревших и спекшихся зерен пшеницы или ячменя, большие железные гвозди с загнутыми в виде скобы остриями. При сколачивании щита гвозди проходили насквозь, поэтому строители их загнули с обратной стороны.

Пол помещения 10 — глинобитный. Он залегал горизонтально поверх слоя разрушения ранней постройки. Пол отмечен плотно утрамбованными полосками желто-серого грунта и отдельными, втоптантыми черепками: фрагментами стенок амфор, простой гончарной и лепной посуды. Его толщина — 0,03–0,06 м.

Ямы для пифосов и амфор выкопаны с уровня пола. Они пробивали слой разрушения ранней постройки и были заглублены в материковый грунт — погребенную почву горизонтов «В» и «С». Ямы нередко прорезали друг друга. Отсюда понятно, что пифосы и амфоры неоднократно выкапывались в период бытования помещения 10. От вкопанных сосудов на месте уцелели лишь отдельные прокаленные обломки пифосов и амфор, реже — днища и их фрагменты. Только один из пифосов², находившийся южнее стены 81.1, сохранился практически полностью (к. о. 164/2013). Его

² По Отчету 2013 г. — пифос 1.

средняя часть, проломленная массой сгоревших обломков и камней, провалилась внутрь сосуда, верх сохранился фрагментарно. Внутри пифоса найден развал фрагментов краснолаковых блюд, части которых также найдены в толще пожара (к. о. 131/2013). Общее количество стоявших в помещении сосудов — не менее двух десятков. Некоторые из них располагались в правильном порядке, но точное расположение всех сосудов по отношению установить не представлялось возможным. Ясно, по меньшей мере, одно: в восточной части помещения 10 — в пространстве между стеной 186 и щитовой загородкой — пифосы стояли по оси север-юг друг за другом, почти вплотную. На их месте остались ямы. Находок в них, кроме стенок пифосов и двух медных неопределенных монет (н. о. 227/2013; 284/2013), не было. Диаметр трех ям, вытянутых в линию вдоль стены 186, достигал 0,46–0,67 м, при глубине 0,34–0,68 м. Судя по глубине ям, сосуды были вкопаны на $1/3$ – $1/4$ своей высоты, над камнями ранней кладки, в слое разрушения. Характерно, что грунт под сосудами был очень рыхлым, не трамбованным. В западной части помещения 10 он был заметно плотнее.

На поверхности пола во время начальной фазы пожара отложились черная жирная сажа и рыхлый коричневый глян от какой-то прогоревшей органики (ковров, войлока или циновок?). Мощность их невелика — 0,03–0,07 м. Очень похоже на ситуацию со слоем гомогенного пожара в центральном помещении 4, правда, там он имел большую мощность. Но концентрация находок, особенно монет, здесь была похожей.

Ямы из-под вкопанных сосудов, синхронные последнему этапу жизни помещения 10, были заполнены рыхлыми продуктами горения с большим количеством различных находок, среди которых доминировали фрагменты керамики.

Поверх жилого горизонта и разрушенных сосудов залегал мощный углисто-зольный слой горения. Его толщина 0,35–0,60 м. Впервые слой пожара над помещением 10

был зафиксирован в южном борту раскопа 2009 г.³, а его структура, включая подошву слоя, изучена в 2011 г. Слой пожара открыт на глубине 2,20–2,25 м от современной поверхности. Он был насыщен крупными углями, кусками обгоревшей глиняной обмазки, мелким бутовым камнем, щебнем, пластами кальцинированных костей людей и животных, отшлакованной и перегоревшей керамикой. В слое встречались также раковины перегоревших морских моллюсков⁴. Толщина слоя пожара над помещением 10 возростала с запада на восток, по направлению к траншее выборки восточной крепостной стены (ТВ-186).

Среди массовых находок следует указать: профиль солена местной глины, развал широкогорлого плоскодонного пифоса красно-коричневой глины (п. о. 1869/2013), развал среднегорлого пифоса красно-коричневой глины с бежевым ангобом на поверхности (п. о. 1871/2013), крупные и средние обломки профильных частей и стенок

⁴ В нем найдены в 2009 году, над северо-западной частью помещения 10, стенки и донце пифоса, профильные части и стенки амфор первой половины I в. н. э.; мелкие фрагменты стенок и профильных частей простых гончарных кувшинов красной и коричневой глины. Среди них можно отметить графиты на донце кувшинчика коричневой глины в виде буквы «Р» (к. о. 135/2009), отдельные обломки стенок и профилей лепных горшков и мисок, край краснолаковой миски и венчик краснолакового кубка (См. Отчет ААЭ за 2009 г., рис. 107). Из коллекционных находок выделю: часть стенки полой терракотовой фигурки красной глины с бежевым ангобом, с изображением складок одежды (к. о. 146/2009), обломок торса пережатой полой мужской терракотовой фигурки (Геракла? или Аттиса) коричневой глины с серо-бежевым ангобом (к. о. 138/2009), обломок постамент терракотовой фигурки Деметры, задрапированной в длинное одеяние, тонкой работы с хорошей проработкой стеклом коричневой глины с серо-бежевым ангобом (к. о. 140/2009), часть постамент терракотовой фигурки коричневой глины с серо-бежевым ангобом (к. о. 141/2009), скол задней стенки полой терракотовой фигурки коричневой глины с частью отверстия для обжига (к. о. 152/2009), терракотовая фигурка спокойно стоящего мужчины («философа»), задрапированного в длинное одеяние, хорошей работы красно-коричневой тонкой глины, с отбитой головой (к. о. 140/2009); целое и фрагментированное глиняные пирамидальные грузила (к. о. 147/2009), развал костяных перегоревших костяных игл для плетения (к. о. 143/2009), обломок железного изогнутого стержня с бронзовой треугольной пластиной (п. о. 1824/2009), лезвие железного ножа (п. о. 1829/2009), железный шток с кольцом (п. о. 1828/2009), железные гвозди, большая стеклянная бусина с «глазками» неправильной цилиндрической формы, обгоревшая и оплавленная (к. о. 204/2009), серо-коричневая низка из трех бусин: овальной яйцевидной из агата(?), округлой массивной из агата(?), каплевидной из горного хрусталя (к. о. 136/2009), большая овальная бусина из агата(?) (п. о. 1972/2009), массивное серебряное кольцо или пряжка с рельефными выступами на широкой части (для фиксации ремешка?) (к. о. 149/2009), целая и фрагментированная морские гальки [См. Отчет ААЭ за 2009 г., рис. 108].

³ Исследованная высота слоя пожара в виде небольшого зольного всхолмления составила в 2009 г. — 0,12–0,45/0,50 м, площадь распространения — 1,2–2,5 кв. м.

пифосов различных типов красной, коричневой и бурой глины, слив лутерия синопской глины, крышку округлой формы из стенки пифоса; профиль жаровни из самана; профильные части амфор различных типов, датирующими среди которых являются узко-и среднегорлые светлоглиняные амфоры синопского и гераклеяского производства (в основном, типов С-IV, С-Ia); профили среднегорлых амфор красной глины с прямым и раструбовидным устьем, широкогорлых амфор коричневой и светло-коричневой глины, остродонные ножки амфор красной и коричневой глины, донца амфор или больших кувшинов красной и коричневой глины на высоком поддоне; обломки ручек амфор различных типов, многочисленные обломки узко-среднегорлых простых гончарных кувшинов красной, коричневой, бурой, бежевой и серой глины с профилированными ручками на высоких, реже — плоских поддонах; профили простых гончарных открытых сосудов; части гончарной сковородки с массивной ручкой красно-бурой глины, донца плоскодонных чаш и чаш на высоком поддоне, в основном, местного производства, носик сероглиняного одно-

рожкового светильника, граффити в виде буквы «А» на донце миски простой гончарной с серо-бежевым ангобом на высоком круглом поддоне (к. о. 77/2013); обломки стенок и профильных частей закрытых и открытых лепных сосудов, а также краснолаковых кувшинов, кубков, в том числе канфаров с узором в стиле барботин, и блюд.

Коллекционные находки из слоя пожара внутри помещения 10 весьма показательны: они датировались с большим хронологическим разрывом — эллинистическим временем и 40-ми годами I в. н. э. К IV в. до н. э. относился развал стенок краснофигурных эллинистических ваз с «овами» и другими декоративными элементами (к. о. 43/2013)⁵, к римскому — миниатюрный пережженный простой гончарный сосудик (к. о. 71/2013), горлышко красноглиняного бальзамария (к. о. 55/2013) донце серолаковой миски простого гончарного с отпечатком перстня с округлым щитком на внутренней стороне (к. о. 85/2013); профиль краснолакового кубка с бело-кремовым узором (к. о. 96/2013); профильные части краснолаковых блюд, подходившие к найденным внутри пифоса 1 (к. о. 131/2013).

В 2011 г. в пределы раскопа попала небольшая часть помещения 10 вдоль стены 81.1. Здесь в слое пожара были найдены: обломок граненого калиптера, венцы, стенки, днища от пяти-шести пифосов красной, коричнево-бурой, красно-розовой глины, днища двух синопских mortария; профильные части и стенки различных амфор (коричневоглиняных, пестроглиняных, синопского производства, а также типов А1, С-Ia, С-IIIa), обломки разнообразных простых гончарных кувшинов, кубков, мисок [См. Отчет ААЭ за 2011 г., рис. 48-51]. Среди находок выделяю: часть донца простого гончарного сосуда коричневой глины с остатками граффити (к. о. 116/2011), фрагментированный глиняный унгвентарий оранжево-красной глины с серым ангобом (к. о. 129/2011). Сравнительно немного открыто обломков лепной и краснолаковой посуды. Интересны ручка краснофигурной вазы IV в. до н. э., фрагмент донца краснолакового сосуда с маловыразительным граффити и клеймом *planta pedis* (к. о. 118/2011), бортик сосуда из прозрачного голубоватого цвета стекла; нижняя часть головы терракотовой фигурки красно-коричневой глины (к. о. 131/2011), стенка терракотовой фигурки или рельефного сосуда красно-коричневой глины с бежевым ангобом на поверхности, часть бортика костяной пиксиды (к. о. 124/2011), часть ножевидной кремневой пластины, обитое пирамидальное гончарное грузило коричневой глины с бежевым ангобом на поверхности, граффити в виде тамгообразного знака — трезубца, сколотое, на стенке амфоры серой глины (к. о. 133/2011), сырцовая пережженная подставка для очага из крупнослойной глины с включениями шамота (к. о. 117/2011), обколотая бусина из египетского фаянса с изображением льва. Кроме того, в слое горения в помещении 10 открыты целые и фрагментированные металлические изделия: сильно окисленная бронзовая сережка, часть бронзовой фибулы, округлая пряжка из бронзы, бронзовая скобочка из массивной про-

волоки округлого сечения — стяжка деревянной рукояти(?) или подвеска (к. о. 130/2011), бронзовая пружинная фибула с широкой спинкой, украшенной продольными рельефными полосками и утраченной частью острия иглы (к. о. 103/2011), железная прямоугольная скоба, часть железной шарнирной петли ларца, часть металлической втулки со следами дерева (к. о. 128/2011), железный стержень прямоугольного сечения, фрагментированный железный диск с отверстиями для крепления на умбон щита или оковка деревянного предмета (к. о. 106/2011), острое железного меча, втулка железного оружия — виноградарского ножа или серпа (к. о. 123/2011), рукоять железного меча(?) или серпа-прямоугольная в сечении из 3-х частей (к. о. 105/2011); обломок полотна железного меча, железные гвозди; железные скобы и петли от сундуков, развал железного сошника плуга длиной 225 мм (к. о. 122/2011), деталь известнякового сбитою рельефа с изображением фрагментированной головы лошади (к. о. 166/2011); несколько десятков медных монет времени Аспурга - Митридата III, некоторые из них были спаяны окислами в виде стопок, сохранив первоначальное положение в шкатулках или кошельках.

В 2012 г. южный борт раскопа на уровне слоя пожара был пробит грабительским горизонтальным шурфом, значительно повредившим руины помещения 10. В выкиде из шурфа выявлены обгоревшие стенки амфор, профиль краснолаковой тарелки светло-оранжевой глины со сбитым граффити в виде одиночной линии (к. о. 3/2012), часть стенки краснофигурного расписного сосуда IV в. до н. э. (к. о. 4/2012), фрагмент терракотовой статуэтки женщины(?) с изображением складок одежды светло-коричневой глины (к. о. 2/2012) [См. Отчет ААЭ за 2012 г., рис. 39].

⁵ Возможно, эти краснофигурные фрагменты как раз могут датировать время бытования ранней постройки, открытой под сгоревшим помещением 10 ранней цитадели.

При расчистке южной части помещения было найдено основание сырцово-красной кладки, выложенной вдоль стены 175 в один кирпич на ребре. От кладки осталось только основание, высотой — 0,02–0,08 м, шириной 0,12 м. Между сырцово-красной кладкой и стеной 175 оставался небольшой зазор, шириной до 3–7 см, залитый известковым раствором рыхлым с большим количеством отложившихся солей кальцитов бело-серого цвета с отдельными прогоревшими костями животных и фрагментами керамики.

В западной части помещения 10 в пласте гомогенного пожара обнаружены: гончарные пряслица округлой формы: коричневой глины (к. о. 69/2013); округлой формы светло-коричневой глины (к. о. 118/2013), заглаженное, серо-коричневой глины формы из стенки сосуда (к. о. 74/2013); бочковидной формы красно-коричневой глины с бежевым ангобом (к. о. 75/2013); коричневой глины (к. о. 81/2013); округлое, с выемкой внутри (к. о. 76/2013); биконические, серо-коричневой глины (к. о. 83–84/2013); кружок из донца сосуда простого гончарного серо-коричневой глины, с отверстием по центру (к. о. 82/2013); оббитые грузила коричневой и серой глины (к. о. 66/2013); граффити на обломках керамики: на стенках простого гончарного сосуда оранжевой глины с серым ангобом в виде креста в прямоугольнике и тамги Аспурга (к. о. 51,64/2013); в виде нескольких глубоких линий на стенке пифоса коричневой глины (к. о. 78/2013); в виде косоугольного креста на стенках пифоса коричневой глины (к. о. 79–80/2013); в виде линий, возможно, образующих букву «А» на стенке амфоры коричневой глины (к. о. 119/2013).

Отмечу также остатки разбитых и обгоревших терракотовых фигурок: часть какой-то статуэтки с ангобом (к. о. 53/2013); обломок руки, согнутой в локтевом суставе, от фигурки коричневой глины (п. о. 1901/2013); скол малопонятной терракотовой статуэтки (п. о. 1364/2013); обломок терракотовой статуэтки с изображением складок одежды (к. о. 65/2013); фрагмент терракотовой статуэтки с изображением ног двух богов (?) (к. о. 63/2013); фрагмент головы терракотовой статуэтки богини Деметры (к. о. 62/2013); часть терракотовой ста-

туэтки в виде складок одежды (к. о. 27/2013); фрагмент терракотовой статуэтки с изображением бородатого мужчины в тоге (Дионис/Пан (?)) (к. о. 32/2013); целое пережженное грузило темно-коричневой глины (к. о. 152/2013), фрагмент терракотовой статуэтки богини Деметры Кибелы(?) хорошей работы серой глины — верхняя часть лица с головным убором (к. о. 25/2013).

Среди остатков стеклянной посуды выделю: разбитый и оплывший обломок нижней части унгентария (п. о. 1367а/2013), оплавленный край стеклянной фиалы типа Rippenschalle голубовато-зеленого цвета с ребрами по тулову (к. о. 28/2013). Из нумизматических материалов удалось определить боспорские медные монеты Агриппии (Фанагории) I в. до н. э. (н. о. 129/2013; 132/2013), Кесарии (Пантикапея) 37–38 гг.) конца I в. до н. э. (к. о. 130/2013), царицы Геппепирии (37–39 гг.) (н. о. 127/2013; 151/2013), Аспурга (14–38 гг.) (н. о. 136/2014); Митридата VIII (39–42 гг.) (н. о. 128/2013; 133–134/2013).

По центру восточной части помещения 10, между пифосными ямами, найдено значительное по плотности скопление находок, которое располагалось в слое горения. На площади около 1 кв. м, практически на уровне пола, находились десятки монет медных боспорской чеканки, часть из которых находилась спаянными вместе, стопками по 3–4 монеты (н. о. 131/2013; 135/2013; 137/2013; 147/2013; 184–225/2013; 228–281/2013; 286–287/2013; 311–313/2013; 330/2013)⁶; уникальный костяной тессер(?) с тонко прочерченными граффити на одной стороне — «XII» и «IV» римскими и греческой цифрам — значениями 12, равными ассу(?), диаметр 23 мм (к. о. 117/2013)⁷; свинцовая гирька прямоугольной формы, склепанная из одного бруска (к. о. 29/2013); более семи десятков разнообразных бусин и подвесок из египетского фаянса, стекла, сердолика, коралла, горного хрусталя от ожерелий (к. о. 146.1–73/2013); целые и фрагментированные изделия из кости — развал костяных иголок для плетения (к. о. 70/2013); пара золотых витых серег подовальной

⁶ Не определены.

⁷ Литературу и обзор мнений о свинцовых тессерах [см. 12, с. 460–469].

формы⁸, выполненных из шести проволок: трех рубчатых и трех гладких, соединяющихся на концах и образующих застежку из петли и крючка; у основания петли — три витка проволоки (к. о. 377–378/2013); оплавленная белая округлая бусина из стеклопасты с прикипевшими частями бронзового браслета (к. 127/2013); фрагментированная бронзовая фибула (к. о. 107/2013); бронзовая деталь замка шкатулки (к. о. 108/2013); обломок бронзового браслета или стиля с окончанием в виде «шишечки» (к. о. 130), фрагментированные бронзовые кольца от пряжек(?) (к. о. 111-112/2013); подвеска(?) бронзовая в виде двух спаянных шариков (к. о. 50/2013); округлая бронзовая бляшка (п. о. 1902/2013); облицовочные бронзовые пластинки шкатулки; оковка бронзовой рукояти ножа (к. о. 128/2013), часть бронзовой пластинки с отверстием (к. о. 54/2013); стенки одного или нескольких бронзовых сосудиков; обломки железных изделий: части лезвий ножей, втулок, каких-то массивных пластин (части меча или кинжала?); облицовочные пластины и детали петель шкатулок (гвоздиков, механизма замка, щечки замка округлой формы, ключ шкатулки в личинке замка шкатулки (к. о. 359/2013); спинка фибулы, массивная, изогнутая, римского(?) типа, бронзовая(?) (к. о. 374/2013).

Скорее всего, на месте скопления находок в помещении 10 была закопана шкатулка или небольшой ларец с монетами и ювелирными изделиями, клад — жертвоприношение, аналогичный найденным в 2009 г. в помещении 4.

Южнее от скопления находок расчищены также на уровне пола развал железных изделий (массивная, толстая пластина прямоугольной формы с вертикальным штырьком, перекрученные петли ларца?), часть какого-то деформированного бруска, острие лопаты или топорика (к. о. 357/2013); прогретые наконечники черешковых трехгранных стрел (к. о. 106, 109, п. о. 1376/2013); сильно коррозированные и распавшиеся на куски нижняя часть дротика: втулка и часть основания (пилума?) (к. о. 358/2013); развал двух железных серпов (к. о. 357/2013);

сильно коррозированный лемех плуга 1 (к. о. 360/2013), массивная тяжелая мотыга с прямым рабочим краем (к. о. 361/2013), десятки железных гвоздей различных размеров.

Изделия из камня в слое пожара помещения 10 немногочисленны: оббитые пращевые и метательные ядра из песчаника, морских галек, часть точильный плиты из вулканического камня темно-серого цвета, обломок оселка из песчаника серого цвета с отверстием для подвешивания (к. о. 68/2013), скол мраморной плиты (к. о. 52/2013); острие каменной секиры из красного гранита (к. о. 67/2013), ножевидные пластинки из светло-бежевого кремня (к. о. 147.1-2). Также, как и в слое помещения 4, найдены целые и оббитые прогретые верхних и нижних плит торсионных зернотерок из плотного вулканического камня (№ п.о.: 2631, 2633, 2634, 2636, 2639, 2643) (к. о. 160/2013). Особенно большие повреждения слою пожара помещения 10 нанес горизонтальный шурф, выкопанный в южном борту раскопа III. Он достигал глубины около трех метров. Площадь повреждения слоя — около 7 м². В выкиде из грабительского перекопа найдены обломки профильных частей и стенок пифосов, мортария, амфор, простых гончарных, лепных и краснолаковых сосудов, фрагмент точильного камня из серой гальки.

В эту траншею был сброшен основной массив пожара, образовавший вдоль западного борта траншеи наклонный пласт краснобурого горелого грунта, но находок там, за исключением медных монет времени Митридата III и стенок пифосов и амфор, практически не было. Правда, основной массив монет из сброса еще не определен (н. о. 288-296/2013; 318-327/2013; 328/2013; 369/2013; 405/2013).

Менее значительный сброс находился в траншее выборки южной крепостной стены (ТВ-175), залегая вдоль ее северного борта. В нем находились различные находки, синхронные пожару. Прежде всего, это были обломки соленов, стенки и профильные части пифосов коричневой и бурой глины, разнотипных амфор; простых гончарных закрытых и открытых сосудов, небольшого числа профильных частей лепной и краснолаковой керамики; целые и фрагментированные пи-

⁸ Вр.хр. 9301–9302.

рамидалльные грузила: оранжево-коричневой местной глины (к. о. 90/2013), коричневой глины (п. о. 2900-2901/2013), красно-коричневой глины (к. о. 200/2013), оранжево-коричневой местной глины (к. о. 91/2013); фрагменты костяных иглолок для плетения, несколько гвоздей, часть железной пластины, морская галька.

Завершая обзор материалов раскопок помещения 10, следует отметить, что полу-

ченный комплекс находок требует самого тщательного исследования и скорейшей публикации. Фактически, в распоряжении отечественной науки оказался уникальный свод новых источниковых данных, важнейших хронологических индикаторов, которые способны во многом дополнить и скорректировать наши представления о материальной культуре населения Боспора в конце сороковых годов I века нашей эры.

Источники и литература

1. Винокуров Н. И. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан / Н. И. Винокуров // Боспор киммерийский и варварский мио в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф (VI Боспорские чтения). — Керчь, 2005. — С. 50–60.
2. Винокуров Н. И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья / Н. И. Винокуров/. Киев, 2007а.
3. Винокуров Н. И. Во всем ли виноваты варвары? / Н. И. Винокуров // PARA BELLUM. — 28. — 2007б. — С. 17–56.
4. Винокуров Н. И. Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н. э. в боспорской крепости Артезиан / Н. И. Винокуров // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. — Ч. 1. — СПб., 2007в. — С. 190–199.
5. Винокуров Н. И. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье / Н. И. Винокуров // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria (IX Боспорские чтения). — Керчь, 2008. — С. 67–77.
6. Винокуров Н. И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье / Н. И. Винокуров // PARA BELLUM. — 31, — 2009. — С. 9–16.
7. Винокуров Н. И. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году / Н. И. Винокуров // ДБ. — 14, — 2010. — С. 46–65.
8. Винокуров Н. И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). / Н. И. Винокуров / — Тюбинген, 2012.
9. Винокуров Н. И. Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. / Н. И. Винокуров // Российский научный журнал. — 1 (32), — 2013. — С. 30–40.
10. Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан / М. Г. Абрамзон, Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер // ВДИ. 3, — 2012. — С. 93–146.
11. Abramzon M., Treister M., Vinokurov N. Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian / M. Abramzon, M. Treister, N. Vinokurov // ACSS. — 18.2, — 2012. — P. 207–278.
12. Финогенова С. И. Новые находки тессер на Таманском полуострове / С. И. Финогенова // Древности Боспора. Т. 11. М., 2007. С. 460–469.

On the territory of the settlement of "Artesian", one of the Bosphorus fortresses on the Crimean Azov seashore, a unique layer of fire dated back to mid-first century AD is being explored. Many of the findings from the layer of fire are chronological indicators for the monuments dated back to the middle of the first century AD, foremost of treasures - the sacrificial layer and the layer of a homogeneous fire. They are discovered in all bedding planes associated with the time of existence, death and reconstruction of the early citadel. Inside the citadel there were ten rectangular rooms, burnt during an enemy assault. All the defenders, supporters of King Mithridates VIII, deposed by the usurper Cotys with the help of the Roman troops, were killed. This publication is devoted to the materials of the excavations of one of the corner rooms of the citadel, where the layer of a homogeneous fire had survived.

Key words: historical processes, Bosphorus archeology, antiquity, material culture, periodization, chronology, typology, the Bosphorus-Roman War, fortification, settlement system, architecture, communications, operations, settlement of Artesian.

УДК 902.26

В. Г. Зубарев, С. Л. Смекалов

Предварительное изучение археологических памятников урочища Аджиэль¹

В публикации на основании литературных данных, данных старых и современных карт, аэро и космической съемки проводится анализ имеющихся сведений об археологических памятниках, расположенных в урочище Аджиэль. Изучение территории производится по квадратам топографической карты масштаба 1:100000.

Ключевые слова: Керченский полуостров, урочище Аджиэль, Боспорское царство, городище Белинское, археология, античность, геоинформационные системы, старые карты, космическая съемка, аэрофотосъемка.

Урочище Аджиэль² является одним из районов Восточного Крыма, игравшем важную роль в древности. Балка Аджиэль, идущая по направлению северо-запад-юго-восток, труднопроходима, отгораживает значительную часть Керченского полуострова и является одним из естественных защитных рубежей Восточного Крыма. Силами гарнизонов, находившихся здесь укрепленных поселений и, в первую очередь, крупного античного городища Белинское, могли контролироваться наиболее проходимые места, где в древности шли, по-видимому, кратчайшие пути миграции населения от материка через Крым на Тамань. Таким образом, эта территория, вероятно, играла

стратегическую роль в системе обороны Боспорского Царства, а само городище Белинское являлось, возможно, и локальным политическим центром.

В данной публикации авторы постарались обобщить известные на данный момент сведения об археологических объектах, расположенных в части урочища Аджиэль, через которую проходят основной отрезок балки и ее главные притоки, а также выделить на основании имеющихся старых и современных карт и данных аэро- и космической съемки районы, требующие наиболее глубокого пешеходного обследования.

Анализ данных проводится в соответствии с принятым участниками исследований подходом, для квадратов (28–32) 70, (26,28) (72–74) листа топографической карты L-37–85 масштаба 1:100000, которые включают собственно урочище Аджиэль и часть прилегающей местности (рис. 1). Для анализа был подготовлен фрагмент геоинформационной системы, включающий следующие основные слои: карта масштаба 1:126000 1865–1876 гг. («трехверстовка»), карта масштаба 1:42000 конца XIX в. («верстовка»), карта масштаба 1:25000 50-х гг. XX в., карта масштаба 1:100000 80-х гг. XX в., слой аэрофотоснимков 70-х гг. XX в., слой современных космических снимков ресурса Google

1 Работа выполнена в рамках НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища „Аджиэль“ и городища „Белинское“)» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого.

2 На современных и старых картах используются несколько отличающиеся, или даже разные названия для этой местности. В литературе чаще используется слово «Аджиэль». Поселение, с которым связано название балки на карте «верстовке», обозначено как «Аджиэли», на карте м. 1:25000 как «Державино» (переименовано в 1948 г. В. Ф. Саржановец, Н. А. Рак в [1, с. 206]) и часть урочища «Аджиэль» обозначена как «урочище Державино», сама балка называется «Аджельская», на карте м. 1:100000 - урочище «Державино» и балка «Аджиэльская». Можно отметить и расхождения в написании для других названий «Ново-Отрадное» у И. Т. Кругликовой [2] и «Новоотрадное» на карте м. 1:100000 и др., с чем и связаны расхождения в тексте данной работы.

Earth, слой известных археологических памятников, координаты которых имеются в создаваемой авторами базе данных [3].

Квадрат 3270 (рис. 2). В восточной части квадрата расположено село Новоотрадное, ранее здесь находился в XIX веке небольшой хутор Аджибай (10 дворов) и была мечеть. Вдоль восточной границы квадрата проходит балка Аджиэль, соединяющаяся с балкой Артезиан в северо-восточном углу квадрата, которая далее идет вдоль северной границы квадрата и впадает в море. Центральная и южная части квадрата заняты сельскохозяйственными полями. Из известных объектов в северной части квадрата расположено античное поселение Ново-Отрадное I, существовавшее с III в. до н. э. до начала IV в. н. э. Раскопки данного поселения проводились в 50–70 гг. прошлого века И. Т. Кругликовой и другими исследователями [2, с. 270, № 185³; 4]. Поселение хорошо просматривается на космических снимках. На северо-востоке от с. Новоотрадное расположено поселение римского времени, обозначенное в сводной ведомости Веселова [1, № 521]. Описание расположения похоже на место нахождения поселения Ново-Отрадное I, однако В. В. Веселов указывает, что обнаружил его в 1962 г., а раскопки Ново-Отрадного I были начаты в 1953 г. Таким образом, где расположен памятник, который имел в виду Веселов, точно не известно. Кроме того, на картах XIX и 50-х годов XX века в пределах данного квадрата обозначено 16 курганов. По-видимому, к настоящему времени эти курганы полностью разрушены, поскольку ни насыпей, ни даже характерных кругов, остающихся при распашке, на космических и на имеющихся частично для этой территории аэрофотоснимках не видно. Хотя, несомненно, места, на которых ранее располагались курганы, должны быть тщательно исследованы. На основании изучения космических снимков сложно определенно предположить о наличии еще каких-либо древних антропогенных структур, однако, при пешеходных развед-

ках следует особое внимание обратить на северо-восточную часть квадрата, не затронутую распашкой и строительством.

Квадрат 3272 (рис. 2). Центральную часть квадрата занимает пруд, перегороженный плотиной, и центральное русло балки Артезиан, к которому примыкают овраги в восточной части квадрата. Близ пруда, который появился, вероятно, во второй половине XX века, на картах XIX века обозначен хутор Ильина и сад. Остальная территория занята в настоящее время полями. На «верстовке» и карте м. 1:25000 в пределах квадрата обозначены 18 курганов. 9 из них, вероятно, достаточно хорошо сохранились и отчетливо видны на космических и аэрофотоснимках, следы остальных не обнаруживаются. Других известных объектов в пределах квадрата нет.

Квадрат 3070 (рис. 2). В западной области квадрата проходит часть Узунларского вала — самого грандиозного из памятников полевой фортификации на Крымском полуострове. Исследованию этого памятника посвящены десятки работ, неоднократно проводились раскопки на отдельных его участках. Современное состояние изученности данного объекта и истории его исследований подробно представлены в работе [5]. В северо-западном углу квадрата, примерно в 150 метрах от вала, расположен значительный курган, вероятно, именно его имеет в виду А. А. Масленников [5, с. 57], упоминая о разграбленном захоронении с каменным ящиком. Центральная часть восточной половины квадрата занята современным селом Белинское. В зоне современной застройки и близлежащих к домам огородов на «верстовке» обозначено 4 кургана, однако они, вероятно, были полностью разрушены не позднее первой половины XX, т.к. на картах второй половины XX века они уже отсутствуют. В юго-восточной части квадрата на «верстовке» обозначены около 20 курганов, однако на карте м. 1:25000 в том же районе показаны выходы каменистых пород. Признаки курганообразных возвышенностей видны на космических снимках. Таким образом, для выявления характера этих объектов необходимо наземное обследование.

³ Далее, при упоминании о работах [2; 1] будут указываться только номера памятников по сводным ведомостям, представленным в конце данных работ.

Квадрат 3072 (рис. 2). Середину западной части квадрата занимает село Белинское, остальная часть западной половины квадрата, главным образом, возделываемые поля. Вся восточная половина, по видимому, не обрабатывается в настоящее время, характерных следов распашки здесь не видно. В северной половине ква-

драта на картах и XIX в., и 50-х годов XX в. обозначены несколько курганов, но, по видимому, во второй половине XX в. они были уничтожены, т.к. не видны на космическом снимке. В южной части — продолжение то ли курганного могильника, то ли выходов камней, как и в юго-восточной части квадрата 3070.

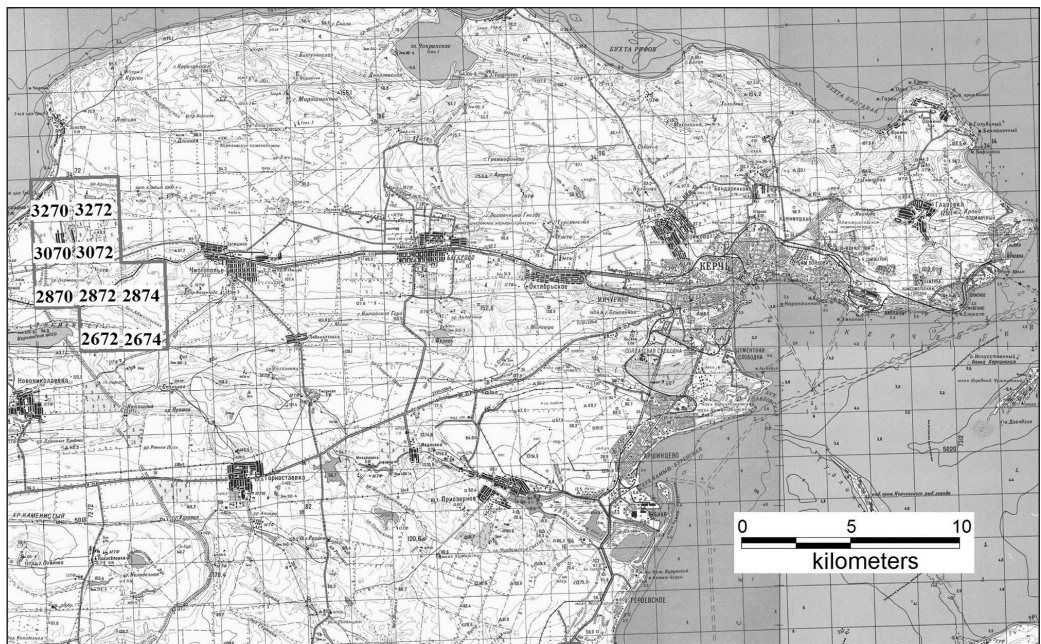

Рис. 1. Расположение изучаемой территории на карте Керченского полуострова

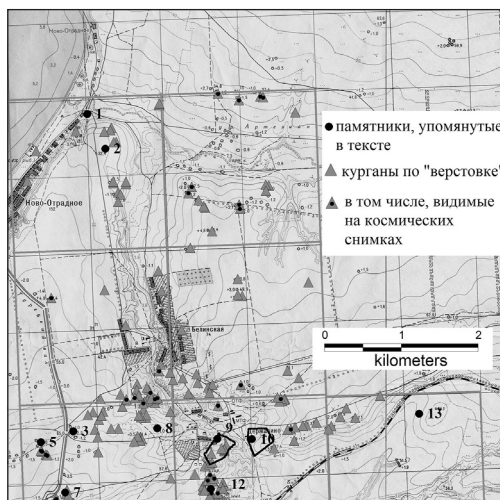

Рис. 2. Археологические объекты в квадратах 3270, 3272, 3070, 3072.

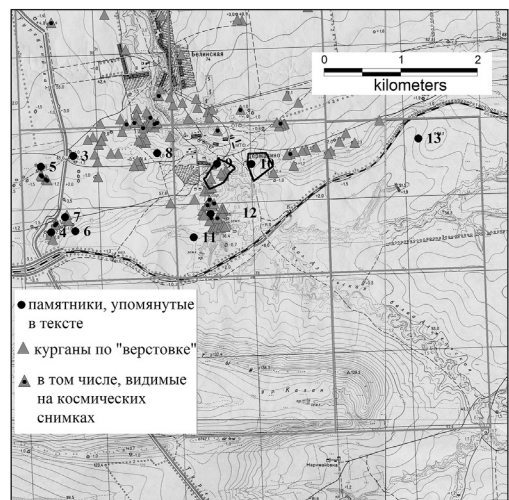

Рис. 3. Археологические объекты в квадратах 2870, 2872, 2874, 2672, 2674

Квадрат 2870. Участок занят, главным образом, полями, частично они обрабатываются. На юге проходит железная дорога. Через восточную половину квадрата проходит Узунларский вал. В северной и середине восточной части на «верстовке» обозначены 16 курганов. В северной части квадрата на самом валу и близ вала проводились в 2000–2002 гг. археологические раскопки [5, с. 63–87]. Проведены раскопки самого вала, а также небольшого всхолмления к востоку от вала, которое оказалась достаточно мощной обособленной постройкой-башней, а, может быть, небольшим фортом. Возможно, что и некоторые находящиеся вблизи вала курганы в действительности скрывают оборонительные сооружения. В частности, вероятно, остатки оборонительной башни скрывает курган на вершине г. Керменчик в юго-восточной части квадрата. Кроме этого, в северо-западной части квадрата [1, № 436] отмечены земляные валики, датировка и предназначение которых не ясны. Данные валики просматриваются на космических снимках. К востоку от г. Керменчик расположено поселение, предположительно IV–III вв. до н. э., отмеченное в работах [1, № 433; 2, № 180]. Еще одно поселение той же датировки расположено на северо-восточном склоне. У В.В. Веселова оно отмечено под № 432, а И. Т. Кругликова о нем не упоминает. Возможно речь идет о разных частях одного и того же поселения, Раскопки не проводились. Наконец отдельно еще можно отметить курган с каменной обкладкой и грабительской ямой на вершине холма Учъ-Оба в северо-восточном углу квадрата. Этот курган обозначен на карте 1:25000 XX века, но на «верстовке» не выделен отдельно, хотя отмечен холм «К. Учъ Оба» в целом.

Квадрат 2872 (рис. 3). По диагонали квадрата от северо-западного угла к юго-восточному проходит Аджельская балка. Рукава этой балки и впадающая в нее балка Кудачи-Баткан занимают почти всю южную часть квадрата. Остальная территория занята полями, по большей части, за исключением северо-восточного угла, невозделываемыми. Через квадрат от юго-западного угла примерно до середины восточной границы

проходит линия железной дороги. В юго-западном углу в конце XIX в. находилась деревня Аджизели с 28 дворами и мечетью (с 1948 г. — Державино). В настоящее время полностью разрушена. В центре квадрата, на плато, площадью более 8 гектаров, которое с севера и востока обходит Аджельская балка, расположено античное городище Белинское. Название памятника связано с ближайшим населенным пунктом — селом Белинское, находящимся в полутора километрах на северо-запад от городища. Впервые упоминание о городище встречается в рукописной летописи охранных раскопок Керченского историко-археологического музея (ЛАРКИАМ), в сообщении сотрудницы музея С. С. Бессоновой начала 1950-х гг. В разное время (1970–80-е гг.) городище обследовалось И. Т. Кругликовой, О. Д. Чевелевым, А. А. Масленниковым [6, с. 252–253]. Памятник состоит на государственном учете под номером 2990. Систематические раскопки ведутся с 1996 г. экспедицией Тульского государственного педагогического университета [7, с. 63–77; 8, с. 38–44]. Площадь городища в пределах оборонительной стены 8,2 га. Это одно из крупнейших античных поселений Восточного Крыма. К востоку от городища на противоположной стороне балке находится некрополь с большим количеством каменных склепов [9]. Площадь околонулевой части некрополя занимает 7,8 га, однако исследования последних лет показали, что, вероятно, он продолжается в восточном направлении, где на «верстовке» обозначена цепочка из 5 курганов. Предварительный осмотр этой местности в 2013 г. показал, что курганов значительно больше, причем ранних, вероятно, они относятся к бронзовому веку. Судя по той же карте, значительное скопление курганов расположено в середине западной половины квадрата. Наиболее близкие к городищу, вероятно, могут быть его зольными холмами. Большинство этих курганов не видны на космических и имеющихся аэрофотоснимках, что говорит об их малых размерах, либо о разрушении в XX веке. В юго-западной четверти квадрата, по-видимому, находятся еще два поселения Державино II и Державино III [1, № 434, 435; 2, № 181, 182].

Исследователи относят эти поселения к I–III вв. н.э. Однако точное положение этих памятников не известно.

Квадрат 2874 (рис. 3). В северо-западном углу квадрата проходит продолжение курганной цепочки, идущей от некрополя городища Белинское. На «верстовке» обозначены 6 курганов, на космических и аэрофотоснимках они не читаются. Прямой с середины западной стороны до середины северной квадрат пересекает железная дорога. Основную часть квадрата занимает балка Кудачи-Баткан. В юго-восточном углу квадрата на космическом снимке видны границы межевания сельскохозяйственных полей со следами распашки. Где-то в северо-восточной четверти квадрата, по-видимому, расположено поселение IV–II вв. до н. э., отмеченное В. В. Веселовым под № 561. Точное положение данного объекта не известно.

Квадрат 2672 (рис 3). Примерно через середину квадрата, в направлении запад-восток, проходит хребет Каменистый, мак-

симальная высота которого около 140 м. Земли, вероятно, не возделываются. Основную часть квадрата занимают склоны этого хребта. Через северо-восточный угол квадрата проходит Аджелльская балка. Ни на старых, ни на современных картах в данном квадрате не обозначены курганы, хотя в других районах полуострова, по гребням хребтов, часто проходят их цепочки. Возможно, это связано с тем, что на следующем к востоку квадрате хр. Каменистый делает петлю и далее степь перекрывается Аджелльской балкой, что делает невозможным прямой путь на восток. Соответственно, через эту местность не проходили коммуникационные пути, с чем и связано отсутствие курганов. О других археологических объектах в данном квадрате тоже не известно.

Квадрат 2674 (рис. 3). Как отмечалось выше, в юго-западной четверти квадрата хр. Каменистый делает поворот на 180 градусов. Остальное пространство почти полностью занято Аджелльской балкой и ее рукавами.

Таблица 1. Координаты известных археологических памятников (координаты объектов, точное положение которых не известно приведены курсивом)

№ п.п.	Номер памятника в базе данных	Название	Номер по И. Т. Кругликовой	Номер по В. В. Веселову	Датировка	Широта, град. с.ш. (WGS-84)	Долгота, град. в.д. (WGS-84)
1	163	Ново-Отрадное I	185		II в. до н. э. – III в. н. э.	45,40122	36,07375
2	4328	В.В. Веселов № 521		521	I в. до н. э. – V в. н. э.	45,39717	36,07678
3	236	Узунларский вал. Башня				45,36407	36,07144
4	3443	Узунларский вал. Башня				45,35512	36,0678
5	4277	В.В. Веселов № 436		436		45,3628	36,06608
6	1318	Державино I	180	433	IV–III вв. до н. э.	45,35526	36,07181
7	1319	В.В. Веселов № 432		432	IV–III вв. до н. э.	45,35691	36,07009
8	2836	Курган Учъ Оба				45,36441	36,08542
9	75	Белинское городище	285		I в. до н. э. – V в. н. э.	45,36317	36,0954
10	1330	Белинское некрополь				45,36314	36,10114
11	977	Державино II	181	434	I–III вв. н. э.	45,35454	36,09153
12	978	Державино III	182	435	0	45,3573	36,09433
13	4364	В.В. Веселов № 561		561	IV–II вв. до н. э.	45,36613	36,12896

Лишь в северо-восточном углу квадрата на космическом снимке можно отметить возделываемые поля. Курганов в пределах данного квадрата на картах не обозначено. Не известно и о наличии каких-либо прочих археологических объектов по имеющимся литературным материалам.

В заключение можно отметить, что проделанная предварительная работа позволит использовать собранные данные для про-

кладки маршрутов обследований на местности с использованием GPS навигаторов, в которые будут загружаться подготовленные карты, космические снимки и точки расположения известных объектов.

В таблице 1 приведены координаты известных археологических объектов, упомянутых в тексте по квадратам предполагаемого района пешеходного обследования. Нумерация точек соответствует номерам на рис. 2 и 3.

Источники и литература

1. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. / В. В. Веселов // Древности Боспора. — Suppl. II. — М., 2005.
2. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора / И. Т. Кругликова / М., 1975.
3. Смекалов С. Л. Археологическая карта Крыма / С. Л. Смекалов / 2010. Электронный ресурс — Режим доступа: <http://www.archmap.ru>.
4. Кругликова И. Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное / И. Т. Кругликова // Древности Боспора. — 1. — 1998.
5. Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма / А. А. Масленников / . — М., 2003.
6. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены / А. А. Масленников / . — М., 1998.
7. Зубарев В. Г. Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 годах) / В. Г. Зубарев // Древности Боспора. — № 3. — 2000.
8. Зубарев В. Г. Античное поселение у села Белинское (АР Крым) / В. Г. Зубарев // Вестник Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Гуманитарные науки. № 1. — Тула, 2004.
9. Зубарев В. Г., Ланцов С. Б. Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) / В. Г. Зубарев, С. Б. Ланцов // Древности Боспора. — № 10. — 2006.

In the publication, on the basis of published data, the data of old and modern maps, aerial and satellite imagery is analyzed the available informations about the archaeological sites located in the tract Adzhiel. The study of the area is made in accordance with squares of topographic map of scale 1:100000.

Key words: Kerch Peninsula, Adzhiel tract, Bosporus kingdom, Belinskoe settlement, archeology, antiquity, geoinformations systems, old maps, satellite imagery, aerial photography.

УДК 904 : 726.84

Е. Я. Туровский, П. Н. Колодченко

Варварский могильник I–III вв. н.э. у с. Вишневое

В данном докладе рассматривается сарматское влияние на погребальную культуру поздних скифов Северного Причерноморья. Авторы представляют результаты раскопок 2000–2001 гг. некрополя с. Вишневое Севастопольского административного района, а также дают сравнительный анализ материалов из данного могильника с позднескифскими и позднесарматскими погребениями в иных могильниках Юго-Западного Крыма.

Ключевые слова: позднескифская культура, позднесарматская культура, могильник, погребальный обряд.

Многие исследователи, изучающие крымские археологические культуры римского времени, полагают, что практически все варварские памятники Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. следует считать позднескифскими. Авторы доклада делают попытку несколько иного подхода к этой проблеме.

Исследуя материал, происходящий из раскопок грунтового могильника у с. Вишневое, попытаемся определить как его хронологические рамки, так и отношение погребальных сооружений и инвентаря к определённой археологической культуре. У авторов возникло устойчивое впечатление, что целый ряд могильных сооружений на этом памятнике отмечают, несомненно, сарматские черты погребения. Это обстоятельство показывает, что не все группы сарматских племен, появившись в Северном Причерноморье, ассимилировались со скифами. Основным показателем для этнических атрибуций является погребальный обряд.

В ходе исследований на могильнике у с. Вишневое в 2000–2001 гг. были проведены охранные раскопки погребений и сборы на разграбленных комплексах. Могильник находится в 650 метрах на север от укрепленного поселения, расположенного на высоком мысу у с. Вишневое. Отметим также, что имеется еще один некрополь, относящийся к этому поселению. Он

находится в 380 м к востоку от укрепления ближе к селу Суворовка Бахчисарайского района, исследовался в 1994–1996 гг. экспедицией под руководством А. Е. Пуздровского [1, с. 53]. Этот некрополь подвергался постоянному разграблению и был практически уничтожен.

Охранные работы производились на западном, восточном и южном склонах балки к северу от Вишневого поселения. Среди 37 грунтовых могил выявлено: 17 подбойных могил, одна из которых с двумя подбоями; 9 могил с заплечиками; 6 плитовых и 5 грунтовых могил. Захоронения в большинстве своем содержали материал II–III вв. н. э., включая отдельные экземпляры изделий, датированных более ранним периодом.

Анализ материалов из погребальных сооружений Юго-Западного и Центрального Крыма первых веков нашей эры показывает, что подбой стабильно присутствуют на каждом из них. Как известно, скифы использовали данный тип погребения еще в IV в. до н. э., но с гибелью так называемой «Великой Скифии» в начале III в. до н. э. эта форма захоронений исчезает. У сарматов появление подбойных могил фиксируется, по крайней мере, со II в. до н. э. Массовое появление данного типа могил наблюдается в Крыму в конце II – первой половине III в. н. э. как на всех варварских могильни-

как Юго-Западного Крыма, так и в других районах, где бытовала сарматская культура [2, с. 91]. Этот тип захоронения становится доминирующим.

Первые появления такого типа погребальных сооружений как могилы с заплечиками в Крыму датируются I в. н. э. Могилы данного типа, датируемые I в. н. э. – первой половиной II в. н. э., встречаются достаточно редко. Относительно массовое их появление в Юго-Западном Крыму относится к периоду распространения на полуострове подбойных могил и, как следует заметить, они фактически исчезают во второй половине III в. н. э. [1, с. 137].

Что касается плитовых могил как этноиндикатора, то вряд ли этот тип погребения можно считать таковым. Массовое использование подобных погребальных сооружений широко отмечено как на греческих, так и варварских некрополях. Во второй половине III в. н. э., когда в Крыму появляется сарматское племя аланов, постепенно исчезают такие погребальные конструкции, как подбойные могилы, могилы с заплечиками, и на смену этим типам погребений приходят земляные склепы своеобразной конструкции. Тем не менее, плитовые и грунтовые могилы продолжали бытовать ещё довольно длительное время [3, с. 132].

На позднескифских могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма проявляется такая особенность погребальной практики как забутовка могил камнем. Авторы статей связывают этот факт с обрядностью, развитой непосредственно в скифской среде [4, с. 136–137]. В могильнике у с. Вишневое при раскопках не обнаружено ни одного захоронения, связанного с этим погребальным обрядом.

Труположение как в позднесарматских, так и в позднескифских захоронениях таково: костяк в основном вытянутый, руки либо вдоль тела, либо на бедрах или в нижней части живота [5, с. 180–184]. Этот вариант погребения присутствует на всех варварских могильниках Крыма. Для отнесения данного способа погребения к какой-либо культуре нет оснований. Присутствие у поздних скифов скорченных погребений, в положении на боку или ничком с подогнутыми но-

гами, возможно, следует относить к наследию кизил-кобинской (таврской) культуры. У скифов имела место погребальная практика подзахоронения в подбойных могилах с отодвиганием костяка более раннего погребенного в сторону (например, некрополь Неаполя Скифского). На могильнике у с. Вишневое такой обычай не отмечен.

На вишневском могильнике выявлено некоторое количество могил с использованием таких погребальных практик как: погребение в деревянных колодах, органическая подсыпка, присутствие реалгара в могиле. Эти практики никакого отношения к погребальным обрядам скифской культуры не имеют.

Теперь об основных группах инвентаря в захоронениях.

Керамические изделия. При охранных работах на могильнике у с. Вишневое в 2000–2001 гг. были найдены 23 единицы керамических изделий открытого и закрытого типов. Преобладает краснолаковая керамика, представленная в основном тарелками, кувшинами и мисками (рис. 1; 1–3, 6,7). Большая часть этой посуды принадлежит к группе «понтийской сигиллаты», датируемой серединой II – началом III вв. н. э., и лишь единичные формы можно датировать ещё концом I – первой половиной II в. н. э. Из лепной посуды найдены: горшок, кувшин и несколько курильниц или светильников (рис. 1; 4,5,8). Также в захоронениях найдены несколько раздавленных светлоглиняных узкогорлых амфор тип D, по Шелову (рис. 1; 9) [6, с. 212–213].

Импортная керамика не может указывать на принадлежность памятника к какой-либо культуре, а указывает всего лишь на направление торговых связей населения, оставившего данный могильник, а также уточняет его датировку.

Лепную посуду, прежде всего курильницы, с большей долей вероятности можно отнести к сарматской культуре. Курильницы (светильники) на могильнике у с. Вишневое находят аналогии среди подобных предметов, обнаруженных в комплексах II – первой половины III в. н. э. (Усть-Альма, Тагнаис). Поздние скифы если и использовали курильницы (светильники), то, как правило,

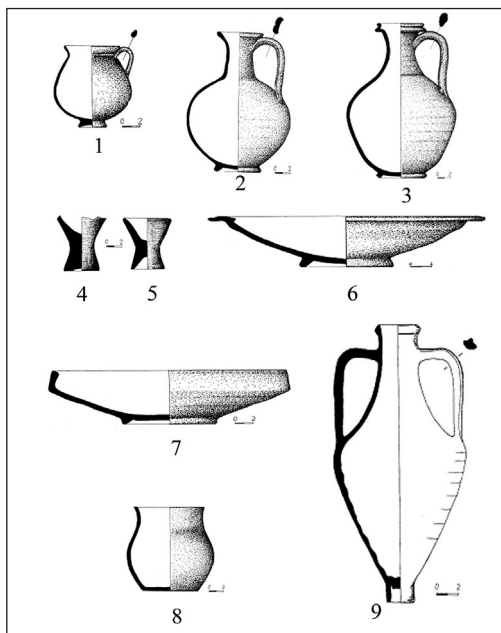
пользовались похожими греческими круглыми изделиями, что хорошо видно на примере могильника Неаполя Скифского и иных позднескифских некрополей. Сарматские курительницы нельзя привлекать для узкой датировки погребального комплекса, однако они важны как отличительный признак сарматской культуры [12, с. 274; табл.VIII]. Упомянутый выше лепной горшок (рис. 1, 8) на памятниках позднескифской культуры не известен, зато подобные сосуды отмечены в сарматских погребениях рубежа II–III вв. н. э. в районе Нижнего Поволжья.

Металлические изделия. Из бронзовых изделий, присутствующих в погребениях, наиболее массовый материал представляют фибулы (рис. 2; 7–16). Фибулы, встречаемые на могильнике у с. Вишневое, относятся в основном к подвязным лучковым фибулам, датируемым концом II – началом III в. н. э. [7, с. 51], единичные экземпляры могут датироваться более ранним временем. Несколько фибул украшены бронзовыми и железными кольцами, что может указывать на их отношение именно к сарматской культуре. Однако, по большому счёту, данную

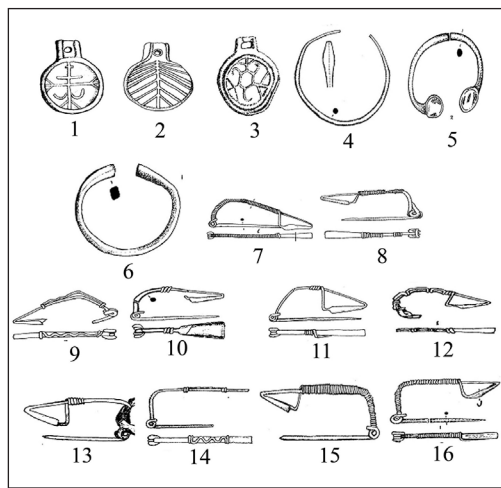
категорию изделий возможно использовать лишь как хронологический, а не культурный индикатор памятника.

К числу часто встречаемых в инвентаре могил металлических изделий принадлежат украшения. Среди них, прежде всего, браслеты, серьги и бусы. Браслеты (рис. 2; 4–6) — в основном из круглой в сечении бронзовой проволоки с утолщениями на концах. Близкие аналогии можно найти фактически на всех позднескифских могильниках Юго-Западного Крыма. Датироваться они II–IV вв. н. э. Также обнаружен браслет с расплюснутыми скругленными концами и два браслета с квадратным сечением проволоки. Присутствуют в захоронениях и браслеты с расплюснутыми концами с изображением змеиных головок. Все браслеты с несомкнутыми краями и утолщениями на концах, что типологически отличает их от основных типов браслетов скифской культуры с перевязанными концами, которые использовались в течение длительного времени и были особенно популярны у поздних скифов [8, с. 124]. Данные типы браслетов (браслеты с несомкнутыми краями и утолщениями на концах) появляются в Северном Причерноморье в I веке до н. э.

На могильнике у с. Вишневое найдено много бронзовых зеркал с тамгообразными знаками, а также большое количество их фрагментов (рис. 2; 1–3), причём как в жен-

Рис. 1. Керамические изделия могильника у с. Вишневое

Рис. 2. Металлические изделия могильника у с. Вишневое

ских, так и в мужских могилах. Зеркала данного типа можно бесспорно относить к позднесарматской культуре. А. М. Хазанов датирует подобные зеркала I–III вв. н. э., А. С. Скрипкин II – первой половиной III в. н. э. [9, с. 173–174]. Также можно отметить находки большого количества бус и бисера, которые можно датировать I в. до н. э. – III в. н. э. [4, с. 101–116]. В погребениях встречаются и такие вещи как: бронзовые колокольчики, большое количество фрагментов шкатулок, кольца, серьги и пинцеты.

Предметов вооружения в инвентаре могил очень мало. По сути, к ним можно отнести только 2 плохо сохранившихся железных кинжала. Отметим, что многие мужские захоронения вообще не имели никакого инвентаря. Достаточно много на могильнике у с. Вишнёвое предметов конской упряжи. Например, в одной из подбойных могил (3.8) найдены фрагменты двусоставных удил. Подобные типы удил обнаружены в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья (Березники), а также в Зауралье около д. Ишкильдино [10, с. 244].

К *культовым предметам* можно отнести кремниевый нож неолитической эпохи, а также средиземноморскую раковину, типа Тритон, с отверстием для ношения. Рако-

вины и предметы предшествующей эпохи, как известно, использовались в качестве амулетов как у скифов, так и у сарматов. Довольно большое количество предметов такого рода отмечено практически на всех позднескифских могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма [11, с. 33].

Среди *прогих предметов*, найденных в погребениях, отметим находки: серебряного римского денария жены императора Антонина Пия, Фаустины с легендой DIVA FAUSTINA, который датируются 138–161 гг. н. э.; осёлков с отверстиями для подвешивания; прясел, как конической, так и бико-нической форм; бронзовых игл для шитья и железных ножей.

Анализируя совокупность данных (типы погребальных сооружений, особенности обряда и характер погребального инвентаря), полученных в ходе исследований на варварском могильнике у с. Вишневое, мы пришли к следующему заключению: наиболее вероятно относить этот некрополь к памятникам позднесарматской культуры и датировать его концом I – первой половиной III в. н. э. При этом, мы не отрицаем присутствие среди погребальных комплексов отдельных захоронений с типичными чертами позднескифской культуры.

Источники и литература

1. Ушаков С. В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох / С. В. Ушаков // Археологический альманах. — № 23. — Донецк, — 2010.
2. Кропотов В. В. Сарматское погребение на поселении Лысая Гора / В. В. Кропотов // Археология. — 2004. — № 4.
3. Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Сарматы / И. Н. Храпунов // Боспорские исследования. — № 6. — Симферополь-Керчь, 2004.
4. Храпунов И. Н. О позднесарматской археологической культуре в Крыму / И. Н. Храпунов // Проблемы скифо-сарматской культуре в Крыму. — Запорожье, 1999.
5. Игнатов В. Н. Скрипкин А. С. Комплексы сарматского времени из Прикубанья / В. Н. Игнатов, А. С. Скрипкин // СА. — № 3. — 1988.
6. Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Кача / В. Ю. Юрочкин, А. А. Труфанов // ХС. — № 12. — Севастополь, 2003.
7. Амброз А. К. Фибулы Юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. / А. К. Амброз // САИ. — 1966. — Вып. Д1-30
8. Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя Скифского. Грунтовый некрополь / В. П. Бабенчиков // История и археология древнего Крыма. — Киев, 1957.
9. Труфанов А. А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии / А. А. Труфанов // Древняя Таврика. — Симферополь 2007.
10. Сунгатов Ф. А. Погребение позднесарматского времени в Зауралье / Ф. А. Сунгатов // СА. — 1991. — № 4.
11. Пуздровский А. Е. Три погребальных комплекса из Усть-Альминского некрополя / А. Е. Пуздровский // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — 2008. — № 3.
12. Власов В. П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища / В. П. Власов // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — № 1. — Симферополь, 1997.

This report discusses the Sarmatian influence the funeral culture of the late Scythians of the northern Black Sea region based on the excavation of the 2000–2001 biennium of the necropolis near the cherry of the Sevastopol administrative area, as well as the comparative analysis of materials from the waste burial ground with late Scythian and late Sarmatian graves in other parts of Central and South-Western Crimea.

Key words: late Scythian culture, late Sarmatian culture, burial, funeral rite.

УДК 902.64; 903.08; 7.016.2

Н. В. Жилина

Крымские и Днепровские фибулы VI–VIII вв. (сравнительный стилистический анализ по материалам крымских могильников)

Сопоставление результатов стилистического и типологического анализа двух серий пальчатых фибул из крымских могильников, крымских и днепровских по происхождению, показывает, что днепровские фибулы продолжают ряд крымских. Развитие фибул в Крыму и на Днепре шло в одном типологическом направлении, но стилистически разными путями.

Ключевые слова: пальчатые фибулы, стилистический анализ, типология, сравнение, орнаментация.

Художественное оформление пальчатых фибул представляет собой симбиоз ряда стилей — полихромного, инкрустационного и резного (кербшнит), — известных многим народам [1, с. 102–104; 2, с. 10–21]. Художественное оформление пальчатых фибул можно характеризовать как эклектичное. От полихромного стиля остаются гнезда со вставками или их реликты. Инкрустационный стиль, возможно, сыграл роль в возникновении резного, поскольку донным частям ячеек для инкрустации придавалась рифленая форма. В стилистическом отношении инкрустационный стиль оставил на пальчатых фибулах геометризованные ячеистые элементы. Естественно ожидать, что в каждом из районов распространения пальчатых фибул стилистический симбиоз вырабатывался своеобразно.

Днепровские пальчатые фибулы, по мнению исследователей, имеют особенности в рамках общего развития типа [3, с. 67–69; 4, с. 54–59, 84; 5, с. 22–24; 6, с. 38]. Отмечены общие серьезные отличия днепровских фибул от крымских и европейских. Боспорские фибулы изготовлены из серебра, имеют небольшой размер (длина 9–11 см), орнаментацию более высокого художественного уровня, они украшены вставками из драгоценных камней и стекла. Днепровские фи-

булы выполнены из латуни с помощью простых технологических операций, имеют более крупный размер (длина 12–19 см), просты по орнаментации [3, с. 68; 7, с. 479; 8, с. 309, 310].

При выделении типологических подразделений фибул большинство исследователей обращает внимание на один или два наиболее ярких отличительных признака: поверхностный орнамент и форма щитка [4, с. 57; 5, с. 20, 22; 6, с. 36, 37]. Исключение составляет подробная типологическая классификация фибул И. П. Засецкой, где учтено максимальное количество признаков [9].

Фибулы являются не только археологическими артефактами, но и произведениями прикладного искусства, лучшие их экземпляры связаны с высокохудожественными германскими звериными стилями [10]. Поэтому при их изучении наряду с типологическим методом археологии следует применять метод искусствоведения: стилистическое описание и стилистический анализ (в том числе и сравнительный).

На наш взгляд, типологические подразделения следует выделять по форме предмета. Такие характеристики как: общая композиция нанесения декора (симметричная относительно оси — геральдическая; розет-

кообразная, бордюрная); вид орнамента (геометрический, завитковый, растительный и пр.); характер нанесения орнамента (геометризованный или скругленный), набор орнаментальных мотивов и элементов — важны для выделения стилистических групп. Некоторые части фибул можно оценивать и как типологические, и как стилистические признаки. Выступ на щитке меняет общую форму предмета и вместе с тем является орнаментальным мотивом или элементом.

Результаты типологического и стилистического деления следует сопоставлять, при этом соотношения между территориальными или хронологическими сериями фибул становятся более очевидными. Работы с применением дробного стилистического анализа для археологического материала пока немногочисленны [11]. Тем не менее, это представляется важным направлением исследований, которое послужит для углубления и уточнения трактовок археологического материала.

В данной работе для анализа взяты основные формы пальчатых фибул крымских могильников. Сравниваются серии: местных фибул и фибул, аналогичных найденным в Поднепровье [5; 9].

Кроме задачи сравнения крымской и днепровской серий, важной задачей на данный момент является отработка методики сравнительного стилистического анализа для археологических вещей.

Пальчатые фибулы в данной работе считаются типом, внутри типа выделяются типологические группы. Они не всегда совпадают с подразделениями, предложенными другими исследователями, но им не противоречат.

Для крымских фибул выделены четыре типологические группы (рис. 1). Типологическая группа 1 — ромбический щиток (как правило, с круглыми выступами), полукруглый щиток с тремя лучами. Типологическая группа 2 — ромбический щиток с круглыми выступами, полукруглый щиток с пятью лучами. Типологическая группа 3 — подтреугольно-шестигранный щиток с круглыми и удлиненными выступами, полукруглый щиток с пятью лучами.

Типологическая группа 4 — шестигранно-ромбический щиток с круглыми и клювовидными выступами, полукруглый щиток с пятью лучами.

Для днепровских фибул выделены три типологические группы (рис. 2). Типологическая группа 4 (аналогична группе 4 крымских фибул). Типологическая группа 5 — шестигранный щиток с вогнутыми гранями, полукруглый щиток с пятью лучами. Типологическая группа 6 — шестигранный щиток с прямыми гранями и округлыми выступами, полукруглый щиток с пятью лучами.

Для крымских фибул выделены пять стилистических групп (рис. 1). Стилистическая группа 1 — сочетание линейного и завиткового орнамента, использование реликтов мотива звериной головы на окончании. Стилистическая группа 2 — сочетание линейного и завиткового орнамента, использование мотива птичьей головы. Стилистическая группа 3 — использование завиткового орнамента и мотива птичьей головы. Стилистическая группа 4 — использование завиткового орнамента и зооморфного мотива на окончании. Стилистическая группа 5 — использование линейного, завиткового орнамента и зооморфных мотивов на выступах щитков. Стилистическая группа 6 — использование линейного, геометрического орнамента и зооморфных мотивов.

Для днепровских фибул выделены четыре стилистические группы (рис. 2). Стилистическая группа 7 — использование геометрического (кружкового) орнамента и зооморфных мотивов. Стилистическая группа 8 — использование геометрического орнамента с регулярной композицией. Стилистическая группа 9 — использование геометрического орнамента с нерегулярной композицией. Стилистическая группа 10 — использование завиткового орнамента с регулярной композицией.

Приведем стилистические описания рассмотренных фибул¹.

¹ В таблицах по горизонтали отражены типологические изменения, по вертикали — стилистические изменения и хронология; номера, под которыми описываются фибулы, соответствуют номерам на таблицах и означают варианты фибул.

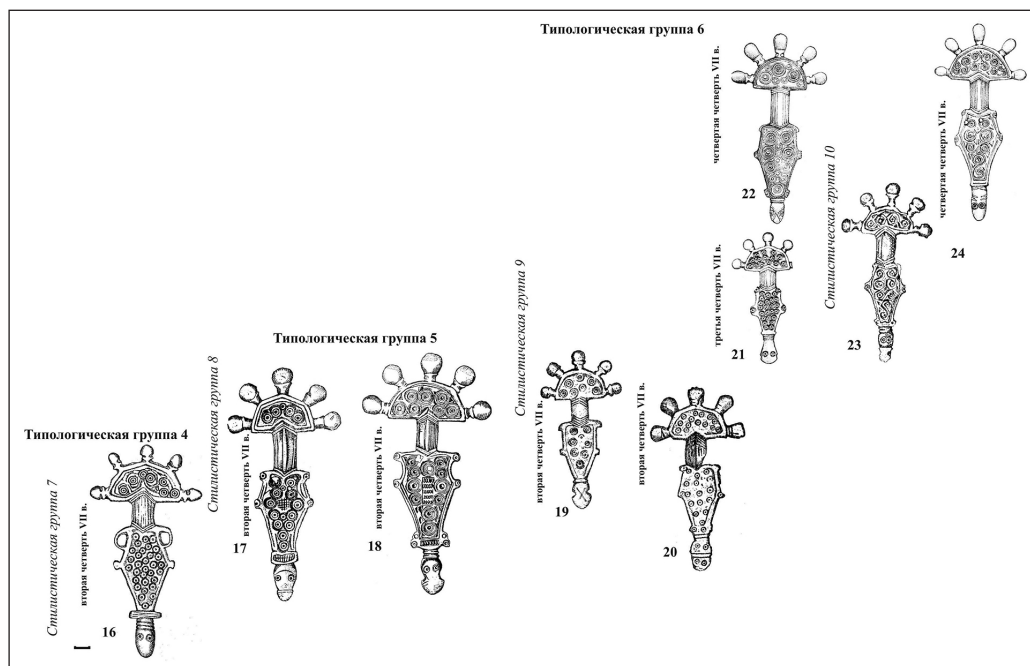
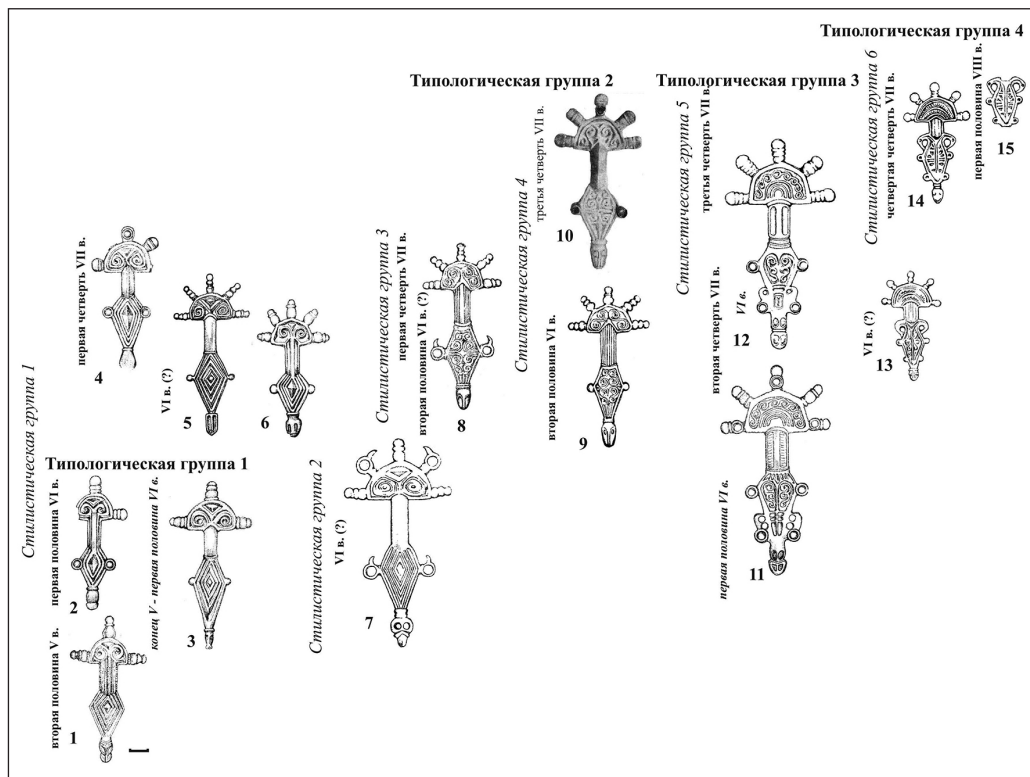

Рис. 1. Крымские фибулы

Крымские фибулы (рис. 1)

Типологическая группа 1

Стилистическая группа 1

Большинство фибул имеют декоративную композицию, симметричную относительно продольной центральной оси, поэтому данная характеристика опускается, указываются лишь отклонения от нее.

1) Фибула из Херсонеса [5, с. 20, 21. Рис. 14: 8]. Ромбический щиток разработан врезанными линиями в бордюрной композиции (на щитке отсутствуют выступы); на полукруглом щитке — два симметричных завитка, разделенные треугольником; лучи оформлены в виде балясин (профилированных стержней); окончание — в виде схематичной звериной морды; дужка декорирована продольным рифлением. Вторая половина V в.

По мнению А. И. Айбабина, фибула представляет собой подунайский образец для изготовления аналогичных фибул крымскими мастерами. Аналогичные фибулы в сводке И. П. Засецкой датированы концом V — первой половиной VI в. [9, с. 453, 454. № 102–105].

2) Фибулы из Херсонеса (2 экз.), склеп 14/1914 г. [5, с. 20, 21. Рис. 14: 11; 9, с. 453. № 98, 99]. Описание аналогично № 1, за исключением: завитки орнамента геометризованы; ромбический щиток имеет два круглых боковых выступа в виде кастов для вставок; лучи и оконечность оформлены в виде балясин. Первая половина VI в.

3) Фибула из Керчи [5. Рис. 14: 10; 9, с. 454. Рис. 3: 18. № 106]. Описание аналогично № 1, за исключением: ромбический щиток — с двумя округлыми боковыми выступами; дужка гладкая.

Типологическая группа 1 аналогична виду IV, подгруппы Б по И. П. Засецкой; дата: конец V — первая половина VI в. [9, с. 407. Рис. 3: 17–20].

Типологическая группа 2.

Стилистическая группа 1.

4) Фибула из Суук-Су, могила 155 [5, рис. 14: 13]. Описание аналогично № 2, за исключением: на полукруглом щитке — завитковый мотив близок к волютообраз-

ному; центральный луч полукруглого щитка оформлен в виде круглой вставки, оконечность имеет вид расширяющейся гладкой сферической фигуры; лучи — с поперечной гравированной полосой. Первая четверть VII в.

5) Фибула из Керчи, могила 3/1869 г. [5, рис. 15: 4; 9, с. 449. № 74. Рис. 3: 9]. Описание аналогично № 3, за исключением: завитки и окончание геометризованы.

6) Фибула из Керчи [5, рис. 14: 12; 9, с. 452. Рис. 3: 12. № 93]. Описание аналогично № 3, за исключением: нижнее окончание геометризовано. Фибулы № 5 и 6 И. П. Засецкой датированы концом V — первой половиной VI в. На наш взгляд, поскольку пятилучевые фибулы, по сравнению с трехпальчатыми, являются явным развитием формы, причем, в рамках одной стилистической группы, нелогично датировать их одинаково, их дата вряд ли опускается в V в.

Стилистическая группа 2.

7) Фибулы из Керчи (2 экз.), могила 3/1869 г. [5, рис. 15: 1; 9, с. 448. № 69,70. Рис. 3: 8]. Описание аналогично № 4, за исключением: на полукруглом щитке — два симметричных завитка (приближающихся к окружностям), разделенные треугольником; крайние и центральный лучи оформлены в виде балясин; два луча между ними — в виде мотива птичьих голов из ячеистых элементов (круглого и клювообразного) на основаниях («шейках»); по сторонам ромбического щитка — два выступа в виде мотива птичьих голов; оконечность состоит из округлой и сужающейся частей, разделенных угловатым валиком, на округлой — две окружности.

Фибулы с № 1 по № 7 объединены А. И. Айбабиным в одну типологическую группу [5, рис. 2: 72. С. 20, 21]. Фибулы с № 5 по № 7 соответствуют виду IV подгруппы А по типологии И. П. Засецкой. Она датирована концом V — первой половиной VI в. [9, с. 406, 407. Рис. 3: 8–12]. Однако, ориентируясь на то, что фибулы являются развитием формы типологической группы 1 и стилистической группы 1 (кроме линейного орнамента используют завитковый), можно также отнести их дату к VI в.

Стилистическая группа 3.

8) Фибулы из Керчи (2 экз.), склеп 78/1907 г. [5, рис. 15: 2; 9, с. 439. № 6, 7]. Ромбически-шестигранный щиток декорирован парными относительно вертикальной оси спиральными и простыми завитками (некоторые близки S-овидным), ближе к окончанию — продольное рифление; боковые выступы оформлены в виде птичьих голов, состоящих из ячеистых элементов (круглого и клювообразного); полукруглый щиток орнаментирован симметричными волютообразным и S-овидным завитком, разделенными верхним треугольником; дужка с продольным рифлением; лучи оформлены в виде балясин; на окончании схематично изображена звериная морда с крупными овальными геометризованными глазами. Даты: первая четверть VII в. по А. И. Айбабину; конец V — начало VI в. по И. П. Засецкой. Поскольку данная форма является развитием предыдущей (переход к завитковому орнаменту, меньшее использование зооморфных мотивов), правильней рассматривать ее как более позднюю и датировать второй половиной VI — началом VII в., что приближается к датировке А. И. Айбабина.

Стилистическая группа 4.

9) Фибулы из Керчи (2 экз.), могила 19/1904 г. [5, рис. 15: 3; 9, с. 443. № 35, 36. Рис. 3: 2]. Описание аналогично № 8, за исключением: на полукруглом щитке — два симметричных S-образных завитка; ромбически-шестигранный щиток орнаментирован парными S-овидными относительно вертикальной оси завитками; боковые выступы оформлены в виде округлых фигур; на окончании — реликт звериной морды. Даты: вторая половина VI в. по А. И. Айбабину; вторая половина V — начало VI в. по И. П. Засецкой. Фибулы № 8, 9 соответствуют виду I, подгруппы А по И. П. Засецкой [9, с. 401. Рис. 3: 1, 2].

10) Фибулы из Лучистого (2 экз.), склеп 54, захоронение 12 [5, рис. II; 9, с. 444. № 47, 48]. Описание аналогично № 8, за исключением: полукруглый щиток орнаментирован двумя симметричными S-образными завитками; ромбически-шестигранный щиток — парными относительно вертикальной оси завитками; боковые выступы оформлены

в виде круглых вставок. Лучи оформлены поперечной гравированной полосой. Даты: третья четверть VII в. по А. И. Айбабину; конец V — первая половина VI по И. П. Засецкой.

Фибулы с № 8 по № 10 рассмотрены А. И. Айбабиным в рамках одной типологической группы с общим названием «фибулы керченского типа». По мнению исследователя, они бытовали на Боспоре во второй половине VI — первой половине VII в., а в Горном Крыму — во второй половине VII в. [5, с. 21. Рис. 2: 88]. Фибулы № 10 соответствуют виду II подгруппы А по И. П. Засецкой [9, с. 401. Рис. 3: 3].

Датировка фибул № 9 и 10 А. И. Айбабиным более соответствует стилистическому ряду: на выступах и лучах не используются зооморфные мотивы, но фибула № 9 сохраняет профилированные лучи и близка № 8; на фибуле № 10 лучи слабопрофилированные. Близость фибул № 8 и 9 подтверждается и отнесением их к одной технологической группе [7, с. 479–481].

Типологическая группа 3.

Стилистическая группа 5.

11) Фибула из Керчи, могила 1977 г. [5, рис. 15: 5; 9, с. 445. № 50. Рис. 3: 4]. На участке подтреугольно-шестигранного щитка и окончания соблюдается симметрия относительно вертикальной оси; на узкой зоне — орнаментация парными продольными расширяющимися геометрическими элементами, на центральной — парными S-образными и одинарными завитками, на широком конце — продольным рифлением. Щиток усложнен парными выступами двух видов: круглыми, оформленными как касты для вставок; удлинненными с двумя круглыми отверстиями и одним круглым гнездом (схематический реликт звериного изображения). На полукруглом щитке использована бордюрная композиция: бордюр из нерегулярных завитковых элементов и линейные концентрические бордюры. На дужке — продольное крупное и поперечное мелкое рифление. Лучи оформлены в виде балясин, в средний и в крайние вписаны круглые касты для вставок. Окончание орнаментировано геометризованными тре-

угольными и овальными элементами. Даты: вторая четверть VII в. по А. И. Айбабину; первая половина VI в. по И. П. Засецкой.

12) Фибулы из Керчи (2 экз.), склеп 180, 1904 г. [5, рис. 15: 6; 9, с. 446. № 57, 58. Рис. 3: 5]. Описание аналогично № 11, за исключением: подтреугольно-шестигранный щиток на центральной зоне орнаментирован парными S-образными и одинарными завитками, на широком конце — поперечным рифлением, на узком — продольными и поперечными геометрическими элементами; удлиненные выступы, усложняющие щиток, имеют одно отверстие. Расширяющиеся лучи оформлены в виде балясин. Даты: третья четверть VII в. по А. И. Айбабину; VI в. по И. П. Засецкой.

Фибулы № 11 и 12 отнесены к типу «Аквилея», отмечены их более крупные размеры. Прототипами удлиненных выступов на щитке являются изображения клюющих птиц, известные на европейский подунайских фибулах второй половины V – первой половины VI в. В Поднепровье изготавливались подражания им [5, с. 21, 22. Рис. 2: 125]. По И. П. Засецкой — это вид III, подгруппа А [9, с. 401. Рис. 3: 4–7].

Согласно логике стилистического ряда, нижняя дата данных фибул более близка датировке И. П. Засецкой (профилированные лучи и сохранение зооморфных мотивов), но они могли использоваться и в VII в. По технологии изготовления фибула № 12 близка к фибуле № 7, также, вероятно, относящейся к VI в. [7, с. 482, 485].

Типологическая группа 4

Стилистическая группа 5

13) Фибула из Херсонеса [5, рис. 20: 7]. На участке ромбически-шестигранного щитка и окончания соблюдается симметрия относительно вертикальной оси; на центральной зоне — орнаментация парными одинарными завитками. Щиток усложнен двумя парами округлых выступов и одной парой ажурных клювообразных выступов в виде завитка с раздваивающимся концом. На полукруглом щитке использована бордюрная линейная композиция. На дужке — вертикальное рифление. Лучи оформлены в виде балясин. На окончании — схематич-

ная звериная морда. Сохранение завиткового орнамента позволяет приблизить дату фибулы к VI в.

Стилистическая группа 6.

14) Фибула из Лучистого, склеп 10 [5, рис. 20: 6]. Описание аналогично № 13, за исключением: на ромбически-шестигранном щитке — орнаментация подтреугольными геометрическими элементами и линиями; клювообразные выступы дополнены точками («глаза»); бордюрная композиция полукруглого щитка построена из гладких линий и линий с поперечным рифлением. Четвертая четверть VII в.

15) Фрагмент фибулы из Скалистого, склеп 279 [5, рис. 20: 5]. Описание сохранившейся части аналогично № 14. Первая половина VIII в.

А. И. Айбабин отметил, что фибулы, аналогичные № 13–15 в Юго-Западном Крыму, датируются со второй половины VII в., но могли использоваться и в более позднее время [5, с. 22. Рис. 2: 167].

Днепровские фибулы из находок в Крыму (учтены варианты, а не экземпляры фибул) (рис. 2).

Типологическая группа 4

Стилистическая группа 7

16) Фибула из Лучистого, склеп 36 [5, рис. 19: 1]. Симметрия относительно вертикальной оси и бордюрная композиция нарушены. Шестигранный щиток беспорядочно покрыт геометрическим орнаментом из окружностей с точками в центрах («глазковым»), усложнен выступами геометризованной формы в центральной части и округло-удлиненными ажурными клювообразными выступами — в широкой. Полукругло-граненый щиток нерегулярно покрыт геометрическим орнаментом из концентрических окружностей. Дужка имеет горизонтальное продольное рифление и поперечное в виде угла по концам. Лучи оформлены в виде балясин с вырезами и округло-коническим завершением. Окончание отделено горизонтальной перекадиной, на переходе к округлой части — горизонтальное рифление и две окружности с точкой в центре. Вторая четверть VII в.

Фибулы типологической группы 4 сопоставимы с типологической линией IV, выделяемой И. О. Гавритухиным [6, с. 37. Рис. 49: 7, 8].

Типологическая группа 5

Стилистическая группа 8

17) Фibuла из Лучистого, склеп 36 [5, рис. 17: 3]. Общая композиция характеризуется симметрией относительно вертикальной оси и правильностью бордюрной композиции на полукругло-граненом щитке. Орнаментация из концентрических окружностей с точками в центрах; в центре шестигранного щитка — зона геометрической орнаментации в композиции сетки. Шестигранный щиток имеет сегментобразные вырезы и вогнутые грани, по концам вырезов — две пары выступов в виде окружностей с точками в центрах. Дужка имеет вертикальное рифление. Лучи расширяются, завершаясь округлыми фигурами. Окончание отделено горизонтальной перекадиной с рифлением, декорировано двумя окружностями и сужается. Вторая четверть VII в.

18) Фibuла из Лучистого, склеп 46 [5, рис. 19: 2]. Описание аналогично № 17, за исключением: в центре шестигранного щитка — прямоугольная зона с рифлеными рядами, аналогичный ряд — при переходе к оконечности; вырезы и вогнутые грани по концам помечены тремя парами круглых выступов, оформленных окружностями с точками в центрах; со стороны узкой части к паре выступов примыкает пара круглых выступов с отверстиями, так что вместе они получают удлиненную форму (реликт звериного мотива, аналогичный мотиву на фибулах типологической группы 3). При переходе к окончанию — горизонтальное рифление и две окружности с точками в центре, окончание завершено расширяющейся частью после сужения. Вторая четверть VII в.

Фibuлы данной типологической группы сопоставляются с типологическими линиями I и III, выделяемыми рядом исследователей и характерными для Поднепровья; наличие дугообразных выемок на щитке отражает более сложную форму фибул со звериным орнаментом [6, с. 36. Рис. 49: 16, 17].

Типологическая группа 6

Стилистическая группа 9

19) Фibuла из Лучистого, склеп 38 [5, рис. 17: 6]. Симметрия относительно вертикальной оси и бордюрная композиция полукругло-граненого щитка нарушены; оба щитка покрыты нерегулярным геометрическим орнаментом из окружностей с точками в центрах; в широкой части шестигранного щитка по углам — геометризованные выступы. Лучи оформлены в виде балясин, завершаясь округлыми фигурами. Дужка декорирована горизонтально-угловым рифлением по концам. Окончание отделено от щитка поперечным пояском и разделено объемно на две части угловыми вырезами, деление подчеркнуто крестообразной гравировкой. Вторая четверть VII в.

20) Фibuла из Лучистого, склеп 54 [5, рис. 17: 5]. Описание аналогично № 19, за исключением: выступы шестигранного щитка дополнены орнаментальными окружностями; окончание разделено поперечной гравированной полосой на две части, на каждой — по две окружности с точками в центрах. Лучи имеют расширяющуюся форму и дополнены поперечной гравировкой. Вторая четверть VII в.

21) Фibuла из Суук-Су, могила 154 [5, рис. 18: 2]. Описание аналогично № 19, за исключением: грани широкой части шестигранного щитка слегка вогнуты; выступы оформлены в виде концентрических окружностей; дужка — и с продольным, и с горизонтально-угловым рифлением по концам. Окончание гладкое, расширяющееся, с двумя орнаментальными окружностями. Третья четверть VII в.

22) Фibuла из Эски-Кермена, склеп 257 [5, рис. 18: 1]. Описание аналогично № 19, за исключением: шестигранный щиток и окончание сохраняют симметрию относительно вертикальной оси; на полукруглом щитке — симметрия и бордюрная композиции нарушены; орнаментальное покрытие состоит из концентрических окружностей двух размеров с точками в центрах. Выступы в центральной и узкой частях шестигранного щитка оформлены в виде концентрических окружностей. Лучи — с балясинами и с вы-

резами в основании и овальным завершением. Дужка орнаментирована продольным и горизонтально-угловым рифлением по концам. Окончание имеет овально-коническую форму, разделено крестообразно, в секторах — концентрические окружности. Четвертая четверть VII в.

Днепровские фибулы с № 17 по 22 объединены А. И. Айбабиным в тип I (по поверхностной орнаментации из концентрических кругов с точками) [5, с. 22. Рис. 2: 109].

Стилистическая группа 10

23) Фибула из Лучистого, склеп 36 (Айбабин 1990. Рис. 17: 2). Симметрия относительно вертикальной оси в целом соблюдена; полукруглый щиток характеризуется симметрией и бордюрной композицией из геометризованных S-овидных завитков; орнаментальное покрытие шестигранного щитка выполнено геометризованными S-овидными завитками, между завитками — треугольники. В центральной и узкой частях щиток дополнен круглыми выступами с орнаментальными окружностями. Дужка — с горизонтальным продольным рифлением. Лучи оформлены как балясины с вырезами и круглыми завершениями. Окончание при переходе имеет горизонтальное рифление, орнаментировано двумя окружностями с точками в центрах, завершение аналогично завершениям лучей.

24) Фибула из Эски-Кермена, склеп 257 [5, рис. 18: 6]. Описание аналогично № 23, за исключением: завитки округлые; шестигранный щиток в широкой и центральной частях дополнен по углам округлыми выступами с концентрическими окружностями; дужка — с горизонтальным продольным рифлением и гладкой центральной зоной; лучи — с цилиндрическим основанием и овальным завершением; окончание удлинено и сужается при переходе к нему и в центре — орнаментация горизонтальными выпуклыми линиями и двумя орнаментальными окружностями. Четвертая четверть VII в.

Днепровские фибулы № 23 и 24 объединены А. И. Айбабиным в тип II (по поверхностной орнаментации из S-овидных завитков). В Крыму они бытуют во второй

четверти — конце VII в. [5, с. 22, 23. Рис. 2: 110]. В целом типологическая группа 6 соответствует типологической линии II, выделяемой исследователями [6, с. 36, 37. Рис. 49: 14, 15].

Таким образом, два выбранных для анализа комплекса, крымских и днепровских, пальчатых фибул различны, как типологически, так и стилистически. Типологические группы 1 и 2 крымских фибул характеризуются щитком четких ромбических очертаний, что нехарактерно для днепровских. В днепровской серии отсутствует типологическая группа 1 фибул с тремя лучами, а также — типологическая группа 3 — с удлиненными ажурными выступами — реликтами зооморфных изображений (правда, в типологической группе 5 днепровских есть еще более отдаленные от зооморфной фигуры парные слившиеся кольцевые выступы). В крымской группе не представлена типологическая группа 5 (с сегментообразными выемками на щитке). Лучи днепровских фибул менее профилированы, окончанию не придается ошутимое сходство со звериной мордой.

Однако, при различиях между комплексами есть и типологическая связь или соединительное звено. Наблюдается общая типологическая группа 4 (с клювообразными выступами на щитке). Но фибулы одной типологической группы 4, крымские и днепровские, относятся к разным стилистическим группам: крымские — к группам 3 и 5, а днепровские — к группе 6. И, несмотря на то, что действует общая тенденция к геометризации, орнамент используется разный.

Еще более различны стилистические группы и более детальные стилистические характеристики. Общая композиция крымских фибул, как правило, симметрична. Часть днепровских фибул характеризуются композициями с нарушенной симметрией. На крымских фибулах выступы сохраняют определенную орнаментальную форму: круглые, в виде птичьих голов или остатков звериных мотивов. На днепровских выступы часто отклоняются от определенной формы — атрофируются.

Для крымских характерно бордюрное рифление щитков, чего не наблюдается на

днепровских. На большинстве крымских фибул используется завитковый орнамент, рифленый уступает ему место. На днепровских преобладает геометрический (кружковый) орнамент, спирального — меньше.

Ряд днепровских фибул в целом позже ряда крымских, но не продолжает его. К VII в. на крымских фибулах, наряду с завитковой, появляется геометрическая орнаментация. Параллельное упрощение

происходит разными стилистическими путями. Днепровские фибулы могли поступить в Крым тогда, когда уже прошли определенный путь упрощения. На них могли действовать аналогичные крымским прототипы, которые представлены и в Поднепровье. Уточнению данной картины в дальнейшем может послужить типолого-стилистический анализ всех днепровских фибул.

Список сокращений

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
СА — Советская археология

Источники и литература

1. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть 1 / А. К. Амброз // СА. — 1971. — № 2. — С. 96–123.
2. Фурасьев А. Г. Эпоха Меровингов: орлы Рима и вороны Вотана / А. Г. Фурасьев / СПб., 2007. — 38 с.
3. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. / Б. А. Рыбаков /. — М., 1948. — 792 с.
4. Рыбаков Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // СА. — 1953. — XVII. — С. 23–104.
5. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени / А. И. Айбабин // МАИЭТ. — Вып. I. — Симферополь, 1990. — С. 5–85, 175–241.
6. Гавритухин И. О. Пальчатые фибулы / И. О. Гавритухин // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. — № 3. — М., 1996. — Ред. Г. Е. Афанасьев, И. П. Русанова.
7. Минасян Р. С. Данные о способах изготовления крымских пальчатых фибул / Р. С. Минасян // МАИЭТ. — Вып. VI. — Симферополь, 1998. — С. 394–478.
8. Шаблавина Е. А. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. н.э.) / Е. А. Шаблавина // Древние ремесленники Приуралья. — Ижевск: 2001. — С. 308–321.
9. Засецкая И. П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода / И. П. Засецкая // МАИЭТ. — Вып. VI. — Симферополь, 1998. — С. 479–489.
10. Salin V. Die Altermanische Thierornamentik. / V. Salin/. — Stockolm, 1904. — 383 s.
11. Жилина Н. В. Тисненный убор по древнерусскимкладам X–XIII вв. (от орнаментального рифления до эмблемы княжеской власти / Н. В. Жилина // STRATUMplus. Культурная антропология и археология. — СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2010. — № 5. — С. 23–144.

Comparison of the results of stylistic and typological analysis of two series of finger fibulas from Crimean burial grounds, of Crimean and Dnieper origin, shows that Dnieper fibulas continue the Crimean row. Development of fibulas in Crimea and on Dnieper went in one typological direction, but in different stylistic ways.

Key words: Finger fibulas, stylistic analysis, typology, comparison, ornamentation.

УДК 902.26, 528.2/5

А. П. Пигин, Д. В. Бейлин, И. Е. Рак

**Топографо-геодезические работы на объектах
археологических исследований
(на примере работ сезона 2013 г. на территории крепости Илурат)**

В статье, на примере работ на комплексе Илурат, описываются методика и технология полевых и камеральных топографо-геодезических работ, обеспечивающие возможности объединения разнородных и разновременных картографических материалов, планов и схем. Методика позволяет объединять разбросанные по отчетам и публикациям пространственные данные извлекаемых в течение многих лет объектов археологических исследований, сохранять и анализировать такие данные в единой координатной среде и качественно обеспечивать дальнейшие исследования.

Ключевые слова: геодезия, топография, Илурат.

Цели:

- Объединение и сохранение в едином координатном пространстве материалов исследований (планов) разных лет (В. Ф. Гайдукевич, И. Г. Шургая, В. А. Горончаровский и др.);
- создание материалов, обеспечивающих планирование и проведение дальнейших перспективных исследований территории крепости и ближайших окрестностей в общей координатной среде;
- подготовка топографической основы для разработки концепции и проектирования музеефикации комплекса.

Решаемые задачи:

- Создание обзорного (1:2000) топографического плана с привлечением данных съемок предыдущих лет;
- создание крупномасштабного (1:500) топографического плана;
- создание детального, с включение археологических планов, (1:100, 1:50) топографического плана территории крепости;
- создание системы координат (сетки квадратов), жестко связанной с пунктами государственной геодезической

сети, что позволяет легко восстановить ее с надлежащей точностью при утрате.

Все топографические планы территории крепости и окрестностей созданы в единой координатной среде, связанной с государственной системой координат (СК63) и Балтийской системе высот.

Полевые работы 2013 года

Работы 2013 года выполнены волонтерами «Экспедиции Кредо», ежегодно организуемой на волонтерских началах компанией Кредо-Диалог студентами геодезических вузов на археологических объектах Восточно-Боспорской экспедиции, Керченским историко-культурным заповедником. Руководитель работ на памятнике Илурат — Д. В. Бейлин

Полевые работы велись с применением инструментов — электронных тахеометров и спутниковых приемников, представленных компанией ЕПС (Харьков).

Наземная съемка 2012 и 2013 гг. выполнена по стандартной технологии съемки М 1:500 электронными тахеометрами и спутниковыми приемниками в режиме STOP&GO.

На территории крепости координирование характерных точек элементов стро-

ений, съемка строительных остатков на участках, где отсутствуют археологические планы, выполнены с точностью, обеспечивающей создание планов М 1 : 100.

Камеральные работы

Камеральная обработка выполнена с использованием систем CREDO — комплекса программных продуктов для обработки и анализа геодезических измерений, формирования и использования в различных задачах цифрового моделирования местности.

В работе использованы следующие системы комплекса:

ТРАНСКОР — программа определения ключей различных систем координат и пересчета координат точек из системы в систему.

ТРАНСФОРМ — программа нелинейной трансформации картографических фрагментов и схем по группам опорных точек с задаваемыми координатами, позволяющих представить разнородные (в разных системах координат), частично деформированные и разномасштабные материалы в едином, однородном координатном пространстве.

CREDO DAT — система обработки наземных и спутниковых измерений при топографических съемках, решения других инженерно-геодезических задач.

CREDO ТОПОПЛАН — система формирования цифровой модели местности на основе растровых данных, наземных и спутниковых измерений. Используется для совмещения и последующего анализа приведенных в единое координатное пространство картографических данных.

Использование спутниковых снимков

Для контроля, выборки и отображения нетвердых контуров и других, второстепенных по требуемой точности элементов использовались спутниковые снимки. Спутниковые снимки загружаются из репозитория картографических сервисов GOOGLE и YANDEX с помощью системы SAS-планета, в которой предварительно расставляются опорные и контрольные метки. Координаты меток пересчитыва-

ются в рабочую систему координат по таким опорным точкам, затем производится трансформация снимков в рабочую систему координат с последующим сдвигом растра для ослабления систематических погрешностей.

Однако использование таких данных требует очень взвешенного подхода, так как имеется ряд проблем при использовании спутниковых снимков картографических сервисов. Без детального описания (это требует весьма значительной и объемной статьи) приведем перечень погрешностей, возникающих при использовании спутниковых снимков:

- погрешности привязки снимков в картографических сервисах;
- погрешности, обусловленные использованием разных картографических проекций сервисов и рабочего картографического материала;
- погрешности, вызванные неполным учетом влияния рельефа местности на спутниковых снимках;
- погрешности, вызванные неопределенностью датума и локальными погрешностями математической основы (опорной геодезической сети) картматериала;
- погрешности собственно создания (съемки) картматериала.

Простейшие пути ослабления влияния погрешностей сводятся к двум действиям:

- пересчет координат опорных меток снимка из WGS84 в рабочую систему координат с последующей трансформацией растра по координатам меток в рабочую систему координат;
- дополнительные сдвиги растра по X, Y в модели по опорным точкам, идентифицируемым на снимке и в рабочей среде (картах, данных съемки).

Использование данных предыдущих работ

В 2006 году археологами Института истории материальной культуры РАН (Кутимов, Реппо) выполнена инструментальная съемка в условной системе координат и высот, представленная слегка искажен-

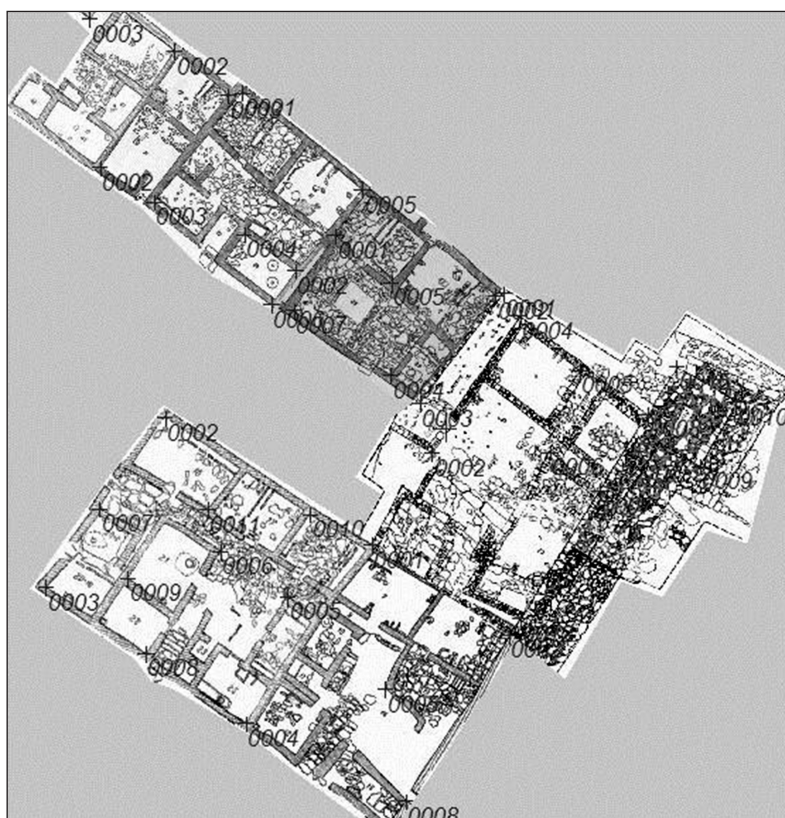
ным в масштабе растровым файлом. Для использования в работе материалов съемки 2006 на растровом плане Кутимова-Реппо опознаны и идентифицированы точки, координаты которых можно было определить по материалам наземной съемки и спутниковым снимкам (в WGS84). По пересчитанным в рабочую систему координатам опорных точек растр трансформирован из условной системы в общую систему координат с существенным ослаблением влияния искажений масштаба. Оттрансформированный растр отдельным слоем подгружался в общую систему формирования планов. Растр на большом участке перекрывался наземной съемкой 2012, 2013 гг, что позволило оценить качество съемки рельефа как допустимое для М1:2000 (для создания обзорного плана) и определить переход от условной системы высот съемки 2006 г. к Балтийской системе высот, в которой решались поставленные задачи. Последующая векторизация растра позволила

включить эти данные в общий обзорный топографический план.

На объекте в 2012 г. силами ООО «ГЕОИН-НОВАЦИИ» проведена топографическая съемка в СК63 и Балтийской системе высот, М1:500 h=1.0m, снимались в том числе и постройки территории крепости. В процессе создания плана на некоторых участках использовались археологические планы. Детальность съемки крепостных стен и сооружений неудовлетворительная, детализовка рельефа у стен крепости также не удовлетворяет нуждам археологов. Поэтому эта часть использована для подготовки абрисов. В остальном это вполне добротная выполненная работа, материалы которой используются в представляемой работе.

Детальный топографический план

Детальный топографический план в крупном масштабе создан с использованием археологических (архитектурных) планов, доступных в публикациях. На ряд участков

Рис. 1. Сводка трансформированных по опорным точкам архитектурных (строительных) планов помещений

раскопок 1947 г. и более поздних (М. М. Кубланов, В. Ф. Гайдукевич, И. Г. Шургая, В. А. Горончаровский, В. А. Хршановский), к сожалению далеко не всех, имеются детальные археологические планы. Сами планы созданы в разные годы, в разных масштабах (в основном 1:50 и 1:100), грубо ориентированы и, как правило, представляют собой планы отдельных помещений. Вместе с тем точность взаимного положения элементов планов достаточно высокая — порядка 3–5 см, что подтверждено контрольными промерами.

Эти растры привязываются путем координирования характерных точек наземными методами с использованием тахеометров. Далее фрагменты по результатам координирования последовательно трансформируются, сшиваются в общий план и используются как подложки и для векторизации при создании ЦММ.

Все подготовленные данные импортируются, с размещением по слоям, в систему формирования цифровой модели местности (ЦММ) — CREDO ТОПОПЛАН. Отработанные в ЦММ планы разных масштабов

выпускаются на печать в виде листов или планшетов, а также экспортируются в требуемые векторные или растровые форматы, при необходимости — с файлами привязки для ГИС или навигаторов.

Обеспечение дальнейших исследований в единой координатной среде

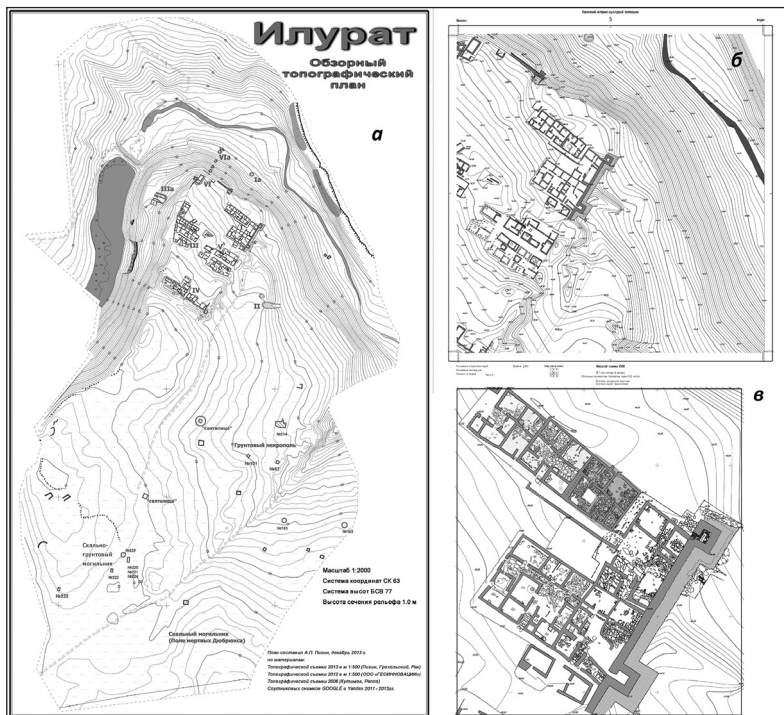
Разбивка сетки квадратов для производства раскопок с закреплением постоянными знаками и жесткой привязкой к государственной системе координат.

Таким образом, создан детальный и точный археологический (архитектурный) план памятника в М 1 : 100 с возможностью представления в еще более крупных масштабах.

Такой подход позволяет при утрате легко восстановить координатную среду с надлежащей точностью.

Выводы

Выработанные в процессе работ методы открывают, на наш взгляд, широкие возможности применения компьютерных технологий в подготовке качественных картографических материалов и проведении

Рис. 2.
Виды представленных результатов топографических работ.
а) Обзорный план М 1 : 2000,
б) Один из планшетов стандартной разграфки М 1 : 500,
в) Детальный план М 1 : 200 (фрагмент)

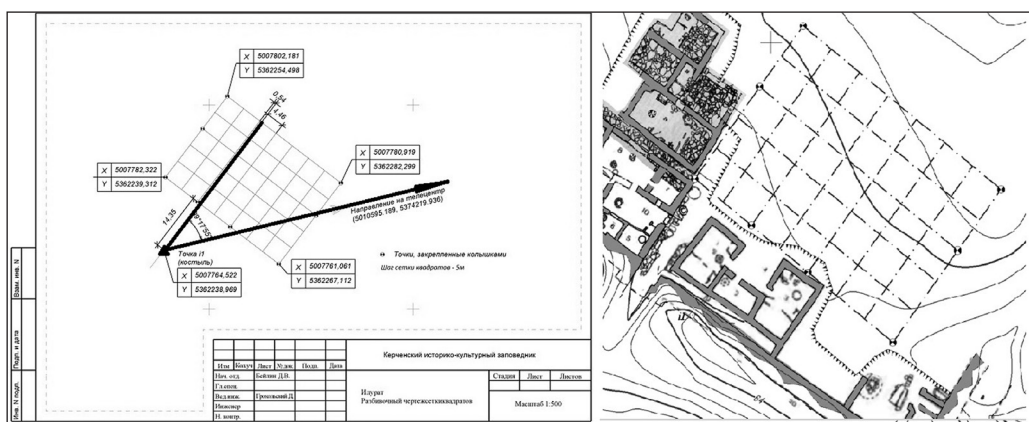

Рис. 3. Разбивочный чертеж и схема закрепления координатной сетки

историко-археологического анализа на основе таких данных.

Это, например, объединение в едином, метрически корректном, координатном пространстве топографических карт, созданных на разной математической основе, археологических планов разновременных исследований, выполненных археологами в условных системах координат топографических планов, данных спутниковых снимков, совмещение и анализ разнородных археологических карт и схем XIX, XX, XXI веков, решение других задач археологического и исторического анализа.

Такие работы были проведены в Восточно-Боспорской археологической экс-

педиции в 2011–2012 гг. по инициативе Н. И. Сударева, а в 2013 г. в Восточном Крыму на крепости Илурад под руководством Д. В. Бейлина, Парфении (руководитель П. Г. Столяренко), на Аллее Склепов некрополя античного Нимфея и на позициях правого фланга Эльтигенского десанта под руководством А. В. Куликова.

Методика позволяет объединять разбросанные по отчетам и публикациям пространственные данные изучаемых в течение многих лет объектов археологических исследований, сохранять такие данные в единой координатной среде и качественно обеспечивать дальнейшие исследования памятников.

This article shows the example of work held on the Ilurat complex and describes the methodology and technology of field and office land activities that provides opportunities for integrating heterogeneous and multi-temporal cartographic materials, plans and schemes. The methodology allows to combine scattered reports and publications on spatial data (that have been studied for many years the objects of archaeological research), to store and analyze such data in a single coordinate environment and to provide further quality investigations.

Key words: *geodesy, topography, Ilurat.*

УДК 904 : 72 (477.75)

Л. Ю. Пономарев

Жилые однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова

В статье приведен обзор жилых однокамерных построек салтово-маяцких поселений Керченского полуострова, рассмотрены их планировка, конструктивные и строительные приемы, уделено внимание вопросам хронологии.

Ключевые слова: салтово-маяцкие поселения, Керченский полуостров, однокамерные постройки.

К изучению салтово-маяцких жилищ Восточного Крыма впервые обратился А. В. Гадло, выделивший три типа построек, которые, по его мнению, могли отражать не только поиски рациональных, приспособленных к местным условиям, архитектурных форм, но и в какой-то мере, процесс социальной дифференциации общества. Наиболее ранними он считал землянки и полуземлянки с неукрепленными бортами, конструктивно ничем не отличавшиеся от аналогичных построек степного ареала салтово-маяцкой культуры. Позднее их сменил принципиально новый и более совершенный тип построек — полуземлянки и заглубленные однокамерные жилища, котлованы которых были облицованы каменной кладкой. Их появление А. В. Гадло связал с процессом приспособления традиционного для салтовского населения стационарного жилища к местным природным условиям. Генетически наиболее поздними исследователь считал каменные постройки с двумя помещениями и рассматривал их как усложненный вариант наземных или слегка заглубленных однокамерных жилищ, знаменующий определенный этап в жизни поселений, когда их обитатели полностью переходили к оседлому образу жизни. Таким образом, однокамерные постройки рассматривались А. В. Гадло как один из самостоятельных типов жилищ, однако узких хронологических рамок для них, собственно как и для остальных типов построек, он не выделил [1, с. 65–74].

Позднее работу в этом направлении продолжил И. А. Баранов. В русле предложенной им концепции о двух миграционных волнах тюрок в Крым для каждой из них была разработана собственная схема развития жилищ.

Эволюция жилищ, суммарно датированных исследователем концом VII – первой половиной VIII в., была выстроена им следующим образом. Первые постройки представляли в большинстве своем бесстолбовые полуземлянки с неукрепленными стенами котлована. Одновременно с ними или спустя небольшой промежуток времени стали сооружать полуземлянки, стенки котлована которых были облицованы каменной кладкой. Дальнейшую линию их развития определило влияние традиций местного домостроительства, что нашло свое отражение в появлении полуземлянок с каменными стенами и двускатной крышей. Позднее их сменили однокамерные наземные дома, к которым автор также причислил некоторые постройки, классифицированные до этого А. В. Гадло как полуземлянки. И, наконец, последнюю эволюционную ступень заняли двухкамерные наземные дома с каменными стенами.

Примерно такой же путь развития, но уже за более короткий промежуток времени, в представлении исследователя, прошли жилища второй половины VIII–X вв. Во второй половине VIII в. в Таврике салтовцы вновь стали возводить полуземлянки, но

уже в первой половине IX в. они были вытеснены однокамерными наземными домами с каменными стенами. В этом же столетии на смену последним пришли двухкамерные дома-пятистенки, а во второй половине IX–X вв. появились огороженные усадьбы с отдельно стоящими жилыми и хозяйственными помещениями. Таким образом, в рамках концепции о двух миграционных волнах, И. А. Баранов выделил две разновременные группы однокамерных построек, но в отличие от А. В. Гадло рассматривал их как своеобразную реплику устоявшихся в Крыму традиций византийского «каменного гражданского зодчества» [2, с. 41–53].

В настоящее время выделяются три региона, в пределах которых обнаружена большая часть однокамерных салтово-маяцких жилищ — Таманский полуостров, Юго-Восточный Крым и Керченский полуостров.

На Керченском полуострове жилые однокамерные постройки исследованы на поселениях Героевка-3, городищах Мирмекий, Тиритака и некрополе Илурата. При этом половина из них сосредоточена на раскопе II–IV, заложенном А. В. Гадло в центральной части поселения Героевка-3.

Постройки I и II на поселении Героевка-3 (рис. 1, 1). Постройки I и II расположены в ЮЗ части раскопа II–IV. А. В. Гадло трактовал их как два, сменивших друг друга, жилища, относящихся ко второму и третьему строительным периодам. Причем более поздняя постройка II, была пристроена с юга к остаткам постройки I и отчасти перекрыла ее [3, с. 24–25].

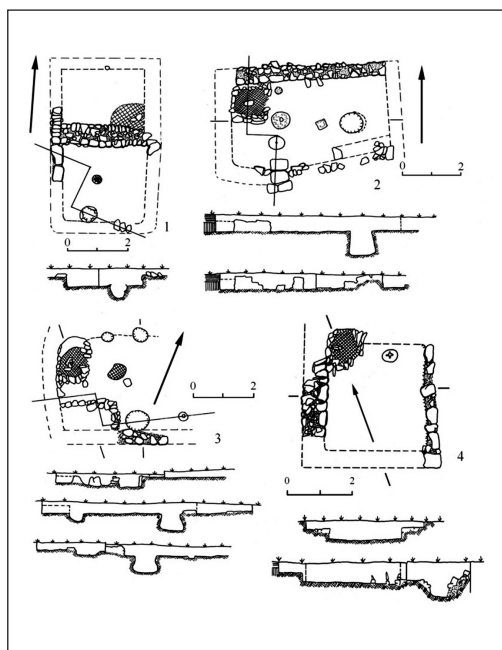
Постройка I ориентирована в направлении север юг. Размеры не превышали 3,0×2,7 м, при этом южная ее граница проходила к югу от северной стены более позднего дома. Этой же стеной частично перекрыта печь, пристроенная к ЮВ углу помещения. Западная часть дома врезана в склон на глубину до 0,40 м, восточная находилась на уровне древней дневной поверхности. Сохранившийся участок западной стены шириной 0,30 м пристроен к борту котлована. Кладка однослойная, сложена «в елочку».

К периоду существования жилища относится лощеная двуручная корчага. К сожжению, как и многие другие формы сал-

товской лощеной керамики, она имеет широкие рамки бытования, а других датированных находок при раскопках постройки I обнаружить не удалось.

Постройка II, частично перекрывшая, разобранный на момент ее строительства постройку I, имела в плане форму квадрата и ориентирована по сторонам света [3, с. 25–26]. Размеры помещения составляли 2,80×2,75 м. Первоначально А. В. Гадло реконструировал жилище как полуземлянку глубиной 0,27–0,35 м, позднее — как наземное сооружение. Единственная ее уцелевшая — северная стена, толщиной 0,62–0,65 м, возведена трехслойной двухпанцирной кладкой «в елочку». Вход, вероятно, находился с западной стороны, на что указывает сохранившийся здесь плоский камень с пазом для деревянной конструкции дверного проема. В центре помещения устроен очаг диаметром 0,27 м и глубиной 0,10 м, а в южной его части вкопан пифос. Находки из помещения представлены фрагментами причерноморских бороздчатых амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой и салтово-маяцких горшков. Таким образом, заключительный период существования постройки II следует датировать не ранее второй половины IX в. По мнению А. В. Гадло, она относилась к третьему — заключительному строительному периоду и была оставлена на рубеже IX–X вв., когда прекратило существование и само поселение [3, с. 26].

Постройка III на поселении Героевка-3 (рис. 1, 2). Постройка III расположена в 6,3 м к СЗ от построек I и II. В плане она имела прямоугольную форму и ориентирована в направлении ВСВ–ЗЮЗ. Ее внутренние размеры: 5,10×3,30 м, глубина котлована в северной части достигает 0,50 м. Поскольку западная и восточная стены не сохранились, размеры жилища в этом направлении реконструированы по границе пола. Северная стена, шириной 0,45–0,53 м, прослежена на всю длину. Кладка — двухслойная постелистая. На уровне второго ряда камней ее замыкают подтесанные блоки, установленные на узкое продольное ребро. Южная стена сохранилась в виде отдельных камней. В западной ее части устроен дверной проем,

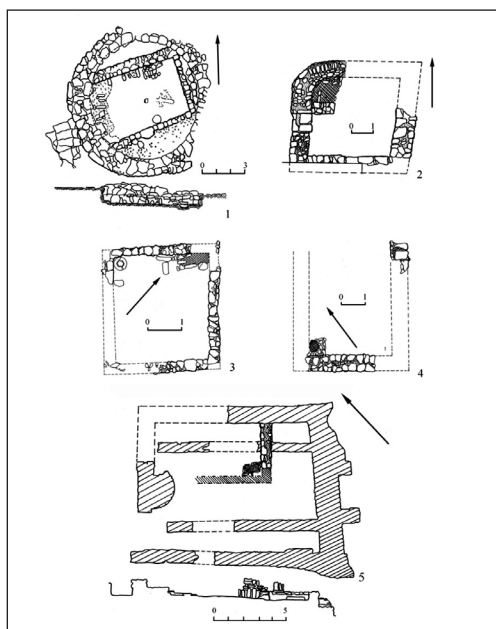
Рис. 1.

1 — Постройки I и II на поселении Героевка-3;
2 — Постройка III на поселении Героевка-3;
3 — Постройка IV на поселении Героевка-3;
4 — Постройка IX на поселении Героевка-3

шириной 0,60 м, оборудованный двумя каменными ступенями и небольшой вымощенной площадкой. В центре помещения установлен квадратный пяточный камень с выемкой для опорного столба перекрытия. В СЗ углу находилась печь-каменка. К северной стене пристроена необычная конструкция в виде «столика» высотой 0,46 м, сооруженная из двух поставленных на ребро камней, и перекрытая плоским камнем. К южной стене пристроен заком шириной 0,44 м, а в ЮВ углу находилась хозяйственная яма глубиной 0,80 м.

При разборке каменного завала внутри помещения и на полу были найдены фрагменты причерноморских бороздчатых амфор, салтово-маяцких горшков и обломок стеклянной рюмки.

Стратиграфические наблюдения на участке раскопа II–IV, занимаемом постройкой III, позволили А. В. Гадло отнести жилище к третьему строительному периоду и датировать его IX – началом X вв. [3, с. 32]. Учитывая находки в постройках

Рис. 2.

1 — Постройка в «каменном круге» на некрополе Илурата; 2 — Постройка «Г» на участке «Б» городища Мирмекий; 3 — Постройка СК–XIII на городище Тиритак; 4 — Постройка СК–VI на городище Тиритак; 5 — Постройка в базилике на городище Тиритак

II и III фрагментов одних и тех же сосудов, можно предполагать, что функционировать они прекратили в одно и то же время — не ранее второй половины IX в., но установить время сооружения постройки III гораздо сложнее. Хотя вряд ли оно выходит за пределы этого же столетия.

Постройка V на поселении Героевка-3.

Остатки постройки, частично попали в СВ угол раскопа II–IV, в связи с чем была исследована лишь ее ЮЗ часть. Жилище ориентировано в направлении ЮЗ–СВ. В СЗ углу помещения находилась печь. Пол перекрыт каменным завалом, при этом все камни имели следы температурного воздействия. Вероятно, постройка погибла в пожаре, следы которого прослежены также в виде слоя «горелой земли, золы и угля», мощностью 0,03–0,05 м.

К сожалению, обнаруженные при разборке завала и на уровне пола находки — фрагменты причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков не позволяют уточнить время гибели постройки и тем

более ее функционирования. Напомним, что А. В. Гадло отнес постройку ко второму строительному периоду. Таким образом, при отсутствии высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, комплекс можно датировать лишь не позднее первой половины – середины IX в.

Постройка IV на поселении Героевка-3 (рис. 1, 3). Расположена она в СВ углу раскопа II–IV и вплотную примыкает с ЮЗ к остаткам постройки V. В плане постройка имела прямоугольную форму и ориентирована в направлении ЮЗ–СВ. А. В. Гадло реконструировал ее как наземное сооружение, заглубленное в южной части до 0,30 м. Стены постройки практически полностью разобраны, но некоторое представление о них дает фрагмент ЮВ стены. Вдоль борта котлован опоясывала облицовочная однослойная кладка шириной 0,20 м. С уровня дневной поверхности она переходила в трехслойную двухпанцирную стену шириной 0,47 м. В СЗ углу помещения находилась печь-каменка, размерами 0,85 × 1,40 м. К югу от печи зачищена зольная яма, стенки которой были частично облицованы установленными на ребро плитами. В ЮЗ углу находилась загорodka, размерами 1,70 × 1,0 м. К СВ от нее устроена хозяйственная яма, глубиной 0,60 м.

При разборе завала камней внутри помещения и расчистке пола обнаружены обломки причерноморских амфор, салтовомаяцких горшков и грузила для рыбацких сетей. Эти находки, и, главным образом, стратиграфическая ситуация, позволили А. В. Гадло отнести постройку к третьему строительному периоду, таким образом, ее нижняя хронологическая дата может быть ограничена второй половиной IX в. [3, с. 40].

Постройка IX на поселении Героевка-3 (рис. 1, 4). В 1964 г. на раскопе VIII в южной части поселения А. В. Гадло исследовал однокамерное жилище, ориентированное в направлении ССВ–ЮЮЗ [4, с. 163–164, рис. 2]. В плане оно имело форму квадрата. Внутренние размеры помещения составляют 3,0 × 3,04 м. Пол заглублен в материк на 0,35–0,40 м. Цоколи наземных стен сохранились только с западной и восточной стороны на высоту одного ряда камней. Камни

нижнего ряда уложены на вырубленную вдоль бортов котлована материковую ступень высотой 0,15–0,23 м, однослойной постелистой кладкой. Пространство между западной стенкой и бортом котлована заполнено мелкими камнями, благодаря чему толщина цоколя на отдельных участках достигала 0,80 м. В СЗ углу находилась печь, сложенная из небольших округлых камней. Обнаруженная на полу керамика — причерноморская бороздчатая амфора, серолощечный пифосообразный сосуд, салтово-маяцкий горшок и железная мотыга относятся к заключительному периоду существования жилища, но, к сожалению, все эти находки имеют широкие рамки бытования. Учитывая отсутствие в комплексе высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, можно лишь предполагать, что постройка была покинута не позднее первой половины IX в.

Дом «Г» на угастке «Б» городища Мирмекский (рис. 2, 2). В 1936–1937 гг. в северной части городища В. Ф. Гайдукевичем был раскопан однокамерный дом [5, с. 177–178, рис. 2]. В плане он имел форму, приближенную к квадрату и ориентирован по линиям ССВ–ЮЮЗ – ЗСЗ–ВЮВ. Внутренние размеры помещения составляют 3,95 × 4,50 м. Юго-западный и юго-восточный углы постройки прямые, а северо-западный угол скруглен. Стены, шириной от 0,80–0,85 до 0,96 м, сохранились на высоту до 1,35 м. Сложены они трехслойной двухлицевой постелистой кладкой, а на отдельных участках камни уложены «в елочку». Входной проем шириной 0,95 м располагался в западной стене. В СЗ углу находилась печь.

К сожалению, массовый материал из заполнения дома В. Ф. Гайдукевич не опубликовал. Известно лишь, что при его раскопках были найдены обломки причерноморских бороздчатых амфор, поэтому любую, предложенную для этого комплекса узкую дату, следует рассматривать не более чем рабочую гипотезу. В частности дискуссионной представляется попытка И. А. Баранова и А. Л. Якобсона отнести дом к IX в. [2, с. 48; 6, с. 476]. Гораздо осторожней к этому вопросу подошел А. И. Айбабин, датировавший постройку не ранее второй половины VIII в. [7, с. 58]. В качестве нижней

хронологической границы комплекса предположенная им дата выглядит убедительно.

Постройка СК-ХIII на городище Тиритака (рис. 2, 3). В 2004 г. в ЮВ углу раскопа ХХVI В. Н. Зинько исследовал однокамерный дом СК-ХIII [8, с. 21–23, рис. 13]. Он представлял собой прямоугольную в плане, врезанную в склон постройку, ориентированную углами в направлении СЮ–ЗВ. Наибольшей глубины — не менее 0,30 м, котлован достигал в северной части, а в южной, по мере понижения дневной поверхности, нивелировался с нею. Внутренние размеры помещения составляют 2,80 × 3,20 м. Стены постройки сохранились фрагментарно, на высоту одного-трех рядов камней, облицовавших борта котлована. Сложены они однослойной постелистой кладкой. Отдельные камни уложены под небольшим углом. Толщина стен 0,24–0,38 м. В СЗ углу помещения находилась печь-каменка, размеры топки которой составляли 0,76 × 0,40 м. В ЮЗ углу размещалась прямоугольная в плане каменная загородка. Внутри нее была вкопана причерноморская бороздчатая амфора. Из заполнения постройки происходят обломки причерноморских амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, фляг, баклинских ойнохой и салтово-маяцких горшков. Стратиграфия, обнаруженных на этом участке городища раннесредневековых комплексов, а также присутствие среди находок высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, позволили отнести СК-ХIII ко второму строительному периоду и датировать не ранее второй половины IX в.

Постройка СК-VI на городище Тиритака (рис. 2, 4). В 2003 г. на раскопе ХХVI был раскопан однокамерный дом СК-VI [8, с. 23–24, рис. 40]. Сохранился он в виде обрывков двух кладок и реконструируется как однокамерное, прямоугольное в плане наземное жилище, ориентированное по длинной оси СВ–ЮЗ. Длина дома составляла не менее 5,8 м, а ширина не менее 5,0 м. Сохранившиеся участки ЮЗ и ЮВ стены сложены трехслойной, двухпанцирной, иррегулярной кладкой. Камни внешнего фаса уложены на постель, а внутреннего фаса ЮВ стены установлены на узкое ребро под углом. Ширина стен 0,72–0,74 м. Печь-каменка находилась

в ЮЗ углу помещения и имела в плане квадратную форму. Размеры ее топочной камеры 0,52 × 0,40 м.

На полу и в заполнении постройки обнаружены немногочисленные фрагменты причерноморских амфор с бороздчатым рифлением, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, лощеного сосуда и салтово-маяцких горшков. Таким образом, как и расположенный к ЮВ СК-ХIII, она относится ко второму строительному периоду и датируется не ранее второй половины IX в.

Постройка в базилике на городище Тиритака (рис. 2, 5). Как однокамерную постройку, вероятно, следует реконструировать жилище, устроенное в разрушенной базилике на участке ХIII в ЮВ части городища [9, с. 191, 203, рис. 1]. В плане она имела прямоугольную форму и ориентирована в направлении СЗ–ЮВ. С СВ ее ограничивала одна из стен базилики, с ЮВ, пристроенная к ней кладка «В», камни которой на отдельных участках сложены «в елочку», а с ЮЗ, печь-каменка, сооруженная в углу жилища. Таким образом, в направлении СВ–ЮЗ внутренние размеры жилища реконструируются в пределах 2,8 м. СЗ часть дома реконструировать гораздо сложнее, но вряд ли он выходил за пределы СЗ стены базилики. В этом случае размеры помещения в направлении СЗ–ЮВ не превышали 7,3 м. При зачистке пола, особенно в зольном слое около очага, обнаружено небольшое количество керамики, из которой надежно определяются только причерноморские бороздчатые амфоры.

Изначально В. Ф. Гайдукевич датировал жилище VII–VIII вв., затем VIII в., отметив при этом, что построено оно было спустя «сравнительно небольшой промежуток времени» после разрушения базилики [9, с. 204]. Однако предложенные им даты были скорректированы в рамках представлений того времени о нижней и верхней дате салтово-маяцкой культуры [10, с. 132–133]. Каких-либо аргументов не привел и А. Л. Якобсон. Жилище он отнес к VIII–IX вв., при этом за нижнюю хронологическую границу поселения принял конец VIII – начало IX вв. [6, с. 467, 471].

По мнению А. В. Гадло, базилика погибла не в конце VI в., а в конце VIII – на-

чале IX в., «разделив участь» христианских храмов на поселениях Пташкино и Героевка-3. Жилище, в свою очередь, было сооружено только в IX в. Таким образом, после разрушения базилики прошел небольшой промежуток времени. В противном случае остатки храма «были бы полностью перекрыты землей» [11, с. 139, 144–145; 12, с. 94–95]. Тем не менее, саму постройку А. В. Гадло реконструировал как полуземлянку, сославшись на указанный В. Ф. Гайдукевичем перепад высот между полом базилики и уровнем дневной поверхности к СЗ от нее, составивший 0,75–1,0 м. Однако, в своих выводах исследователь опирался, прежде всего, на опубликованные В. Ф. Гайдукевичем планы и разрезы базилики, и собственные исторические построения. Поэтому предложенная им дата возведения постройки — IX в. — оказалась ничем не подкреплена. Не достаточно аргументированной представляется и его попытка реконструировать постройку как полуземлянку, хотя ее пол по отношению к подошве стены «В», действительно, был заглублен.

В дальнейшем предложенная А. В. Гадло историческая схема, хотя и в несколько ином варианте, нашла поддержку в работах И. А. Баранова. По его мнению, «протоболгарские жилища»(?) «были поставлены внутри разрушенной ими же базиликальной постройки», но эти события произошли практически одновременно — примерно в середине VIII в. [13, с. 49]. В пределах VIII в. или начале этого же столетия нижнюю хронологическую границу жилища обозначили Т. И. Макарова и А. И. Айбабин. При этом базилика была датирована А. И. Айбабиным VI–VII вв. [14, с. 144; 15, с. 137, 190]. Ко второй половине IX в. прекращение существования постройки отнесли А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев, но ее нижнюю хронологическую границу, ввиду отсутствия каких-либо находок, указывающих на гибель базилики в VII в., оставили открытой [10, с. 132–133]. В работах этих же исследователей определен дискуссионный характер комплекса, анализ которого базируется на единственной статье В. Ф. Гайдукевича, где использованы материалы раскопок Ю. Ю. Марти. Поэтому любая концепция,

в конечном итоге, будет представлять собой цепочку исторических и логических построений без конкретного археологического наполнения. Дальнейшая же аргументированная дискуссия возможна только в случае полной публикации полевой документации Ю. Ю. Марти или раскопок участков городища, прилегающих к базилике.

Постройка в «каменном круге» на некрополе Илурата (рис. 2, 1). В настоящее время на позднеантичном некрополе городища Илурат исследованы семь т. н. «каменных кругов», интерпретирующиеся как погребально-поминальные комплексы первых веков нашей эры [16, с. 316]. Во второй половине VIII – первой половине X вв. некоторые из них были приспособлены под жилища или хозяйственные комплексы.

В 1972 г. М. М. Кублановым на юго-западной окраине некрополя был раскопан «каменный круг» с внутренним диаметром 7,8 м и глубиной до 1 м. Внутри него был возведен однокамерный, прямоугольный в плане дом, ориентированный по линии СВ–ЮЗ [17, с. 97, рис. 1, 5; 4]. Внутренние размеры помещения составляют 6,7 × 3,9 м. Образующие его стены упирались в борта «круга», при этом четвертая — юго-западная стена, отсутствовала. Насколько можно судить по чертежам и фотографиям, кладка стен двухслойная, постелистая. Отдельные камни внутреннего фаса уложены «в елочку». Двухскатную крышу поддерживали три опорных столба, ямки которых были зачищены по продольной оси помещения. В западной части помещения находился очаг. М. М. Кубланов отнес постройку к VII–VIII вв., однако керамика из ее заполнения — причерноморская амфора с бороздчатым рифлением и салтово-маяцкий горшок, позволяет датировать жилище не ранее второй половины VIII в. К сожалению, указанные находки графически опубликованы не были. То же самое можно сказать о материалах раскопок жилого комплекса в целом. Учитывая это обстоятельство, любая предложенная для жилища узкая дата может рассматриваться не более чем рабочая гипотеза.

Таким образом, в настоящее время на салтово-маяцких поселениях Керченского по-

луострова исследовано одиннадцать строительных комплексов, которые с полной уверенностью или с высокой степенью вероятности можно реконструировать как жилые однокамерные постройки.

Большая часть из них представляла собой индивидуальные жилища, в которых могли проживать небольшие парные семьи. В плане они имели квадратную или прямоугольную форму, размеры варьировались от $2,80 \times 2,75$ м — $3,95 \times 4,50$ м до $3,30 \times 5,10$ м — $3,90 \times 6,70$ м. Ориентированы они были в направлении СЮ–ЗВ, СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ, но какой-либо закономерности даже в пределах небольших участков поселений, проследить не удалось. Лишь в тех случаях, когда две однокамерные постройки возводились спустя небольшой промежуток времени рядом друг с другом, их ориентировка сохранялась. Иногда жилища возводили на месте разрушенных и покинутых древних сооружений, что выгодно отличало их с утилитарной точки зрения. Некоторые однокамерные постройки, при этом не обязательно наиболее ранние, будучи заглублены до $0,40$ – $0,50$ м, мало чем отличались от полуземлянок. Другие представляли собой обычные наземные постройки, глубина которых не превышала $0,10$ – $0,20$ м. Встречаются и комбинированные варианты, к примеру, постройки площадки для которых нивелировались у подошвы склона. Котлованы заглубленных построек облицовывались по периметру однослойной или трехслойной двухпанцирной кладкой из необработанных или подтесанных камней на суглинистом растворе. В забутовке использовали щебень, керамику и глинистые материалы. Нижние части наземных стен, а в некоторых случаях только лишь цоколи, возводили трехслойной двухпанцирной кладкой, при этом лицевые камни укладывали на постель или «в елочку». Углы каменных облицовок бортов котлована и наземных стен за редким исключением не перевязывались или же были закруглены. В верхней части стены однокамерных домов, вероятно, были саманными или сырцовыми, но в отдельных случаях высота каменных кладок могла достигать $1,35$ м. Таким образом, нельзя исключать, что неко-

торые постройки были возведены из камня практически на всю высоту стен. Ввиду плохой сохранности стен к числу дискуссионных относится также вопрос относительно наличия в однокамерных постройках дымовых отверстий и оконных проемов. Можно лишь отметить, что среди подъемного материала на некоторых поселениях были обнаружены немногочисленные фрагменты оконных стекол, но при раскопках строительных комплексов их находки не зафиксированы. Вход в помещения располагался обычно с южной или западной стороны, порогом иногда служила массивная подтесанная плита, а дверные откосы обрамляли вертикально установленные плиты. Для перекрытий использовались каркасно-столбовые конструкции, а крыши перекрывали подручным, природным материалом — глиной, дерном, соломой, ветками или камышом. Камки, вопреки ожиданию, даже на приморских поселениях, среди развалов построек, пока, не обнаружено. От использования более надежных во всех отношениях перекрытий из керамид и калиптеров, видимо, пришлось отказаться, причем не только ввиду отсутствия в этом регионе лесоматериала, пригодного для прочных опорно-балочных конструкций. Полы в помещениях, как правило, представляли собой сnivelированный материковый суглинок или суглинистую утрамбованную субструкцию. Иногда его дополнительно подмазывали жидкой глиной, а в редких случаях вымащивали камнем. Отопительные устройства, служившие одновременно и для приготовления пищи, представлены в основном печами-каменками, устроенными в северо-западном, реже юго-восточном углу. Наличие в некоторых из них отверстий дымоходов предполагает установку вытяжной трубы, которые, согласно этнографическим данным, вполне могли быть изготовлены из сплетенных и обмазанных глиной прутьев. В редких случаях печь заменяли заглубленные в пол очаги, но такого рода конструкции не способны были длительное время сохранять тепло. Помимо отопительных устройств, в жилом помещении иногда устраивали каменный ларь-

закром (в одном из них была вкопана амфора), использовавшийся для хранения небольших запасов продуктов. Хозяйственные ямы и пифосы в однокамерных постройках встречаются гораздо реже, что, по всей видимости, можно объяснить небольшим размером помещений. Ввиду полного отсутствия каких-либо глинобитных или сырцовых конструкций, которые можно было бы интерпретировать как лежанки, логично предположить, что их изготовляли из жердей и плетеного камыша или же для ночлега отводилось свободное пространство пола.

В заключение важно отметить, что при всей малочисленности планировочных решений и сравнительно небольшом выборе строительно-технологических приемов, конструктивных элементов и хозяйственно-бытовых устройств, каждая из рассмотренных однокамерных построек имела индивидуальный характер и каких-либо «типовых проектов» для них так и не было выработано. По всей видимости, строительство дома, включая его ориентацию, плани-

ровку, размеры, организацию жилого пространства и обеспеченность хозяйственно-бытовыми устройствами, осуществлялось с учетом различных факторов, в том числе природно-климатических особенностей поселения, а также возможностей и потребностей каждой семьи.

Обнаруженный в однокамерных постройках материал позволяет датировать наиболее ранние из них второй половиной VIII в. Господствующим типом жилищ они оставались, видимо, до середины IX в. Во второй половине этого же столетия появляется более совершенный тип жилища — двухкамерные дома-пятистенки. Однако полностью вытеснить однокамерные постройки они так и не смогли. Более того, оба типа построек не только в равной степени продолжали удовлетворять социальным, бытовым и хозяйственным запросам их обитателей, но и послужили основой для создания новых типов жилищ и появления отдельных жилищно-хозяйственных комплексов — усадеб [18, с. 205].

Источники и литература

1. Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X веков) / А. В. Гадло // Этнография народов СССР. — Л.: Наука, 1971. — С. 61–75.
2. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура) / И. А. Баранов — К.: Наукова думка, 1990 — 168 с.
3. Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). — Л., 1964 / А. В. Гадло // НА ИА НАНУ, № 1963/32.
4. Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. / А. В. Гадло // СА. — 1969. — № 1. — С. 160–168.
5. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. / В. Ф. Гайдукевич // МИА. — 1952. — № 25. — С. 135–222.
6. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма / А. Л. Якобсон // МИА. — 1958. — № 85. — С. 458–501.
7. Айбабин А. И. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи / А. И. Айбабин // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. — М.: Наука, 2003. — С. 55–59.
8. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев // БИ. Supplementum 5. — К.: АДЕФ-Україна, 2009. — 328 с.
9. Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке / В. Ф. Гайдукевич // СА. — 1940. — Т. VI. — С. 190–204.
10. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода» / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, А. К. Шапошников. — Симферополь: «АнтикВА», 2007. — 348 с.
11. Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. / А. В. Гадло // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Свердловск, 1980. — Вып. 17. — С. 130–145.
12. Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе / А. В. Гадло. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. — 362 с.
13. Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости / И. А. Бара-

- нов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. — Ростов-на-Дону.: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. — С. 46–62.
14. Макарова Т. И. Боспор-Корчев по археологическим данным / Т. И. Макарова // Византийская Таврика. — К.: Наукова думка, 1991. — С. 121–146.
  15. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. — Симферополь.: ДАР, 1999. — 352 с.
  16. Кубланов М. М. Новые погребальные сооружения Илурата / М. М. Кубланов // КСИА. — 1979. — Вып. 159. — С. 90–97.
  17. Ханутина З. В., Хршановский В. А. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата / З. В. Ханутина, В. А. Хршановский // БИ. — Симферополь, 2003. — Вып. III. — С. 315–328.
  18. Пономарев Л. Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) / Л. Ю. Пономарев // Судейский сборник. — К.; Судак, 2012. — Вып. V. — С. 186–209.

The article provides an overview of residential buildings unicameral Saltovo-Majak settlements Kerch Peninsula, considered their planning, design and construction methods, paid attention to chronology.

Key words: *Saltovo-Majak settlements, Kerch Peninsula, single-chamber construction*

УДК 902.034

В. В. Вахонеев

Исследования кораблекрушения XVIII в. у мыса Такиль в 2013 г.

В 2013 г. были проведены подводные археологические исследования места гибели турецкого судна конца XVIII в. Основное внимание было сосредоточено на приборном обследовании места кораблекрушения, геоакустике, составлении батиметрической карты, а также на визуальном осмотре без археологического вмешательства. Данное кораблекрушение с большой долей вероятности имеет отношение к событиям Керченского сражения между русской эскадрой и турецким флотом 1790 г.

Ключевые слова: кораблекрушение, кирлангит, подводные исследования.

Морское сражение в Керченском проливе произошло 8 (19) июля 1790 г. между русской эскадрой под командованием контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова и турецким флотом [1; 3]. В ходе боя русская эскадра одержала победу, которая не позволила Османской империи высадить свои войска в Крыму. Турецкая эскадра насчитывала 10 линейных кораблей, 8 фрегатов, 36 вспомогательных судов. Она шла из Турции для высадки десанта в Крыму. Днем 8 июля ее встретила русская эскадра (10 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирский корабль, 16 вспомогательных судов). Используя надветренное положение и превосходство в артиллерии (1100 орудий против 836), турецкий флот с ходу атаковал русский, направив свой главный удар на авангард бригадира флота К. Голенкина. Однако тот выдержал атаку врага и огнем сбил его наступательный порыв. Капудан-паша продолжил свой натиск, подкрепляя силы в направлении главного удара кораблями с крупнокалиберными пушками.

В битве оказалось, что ядра из российских фрегатов, поставленных в линию из-за недостатка линейных кораблей, не долетают до врага. Тогда Ф. Ф. Ушаков подал им сигнал выйти из линии для возможного оказания помощи авангарда, а другим кораблям сомкнуться, чтобы ликвидировать образовавшуюся между ними дистанцию. Турецкий вице-адмиральный ко-

рабль, выйдя из линии и став передовым, начал спускаться на русский авангард с целью его обхода. Но Ф. Ф. Ушаков предусматривал возможное развитие событий и подал сигнал фрегатам резерва защитить свои передовые корабли. Фрегаты подоспели вовремя и заставили турецкого вице-адмирала пройти между линиями под сокрушительным огнем русских кораблей.

Используя благоприятную перемену ветра в 4 румба (45 градусов), русский флотоводец стал сближаться с противником на дистанцию картечного выстрела, чтобы ввести в действие всю артиллерию, включая малую. От перемены ветра и решительной атаки русских турки пришли в замешательство. Они стали возвращать через оверштаг всей колонной, подставив себя под мощный залп флагманского 80-пушечного корабля «Рождество Христово» и 66-пушечного «Преображения Господня», получив при этом большие разрушения и потери в живой силе (на борту турецких кораблей находился десант, предназначенный для высадки в Крыму). Вскоре, будучи уже на ветру, Ф. Ф. Ушаков подал очередной сигнал авангарда выполнить поворот «всем вдруг» (всем вместе) через оверштаг и, «не наблюдая свои места, каждому по способности случая, с крайней поспешностью войти в кильватер» своего флагманского корабля, стал передовым. После выполненного маневра уже вся русская линия во главе с ад-

миралом весьма скоро оказалась на ветре у врага, что значительно ослабило положение турок.

Не надеясь выдержать очередную атаку, турки дрогнули и пустились наутек к своим берегам. Попытка преследовать противника в боевом порядке оказалась безуспешной. Легкость в ходу турецких кораблей спасла их от разгрома. Уходя от преследования, они скрылись в ночной темноте. Ф. Ф. Ушаков проявил себя умелым флагманом, способным творчески мыслить и принимать неординарные тактические решения. Не удаляясь главных правил, он смог незаурядно распорядиться силами флота. Осуществляя устойчивое управление флотом, он стремился поставить флагманский корабль в голову колонны и, вместе с тем, предоставить определенную инициативу в маневре своим командирам («каждому по способности случая»). Сосредоточив главный удар на флагманских кораблях противника, Ф. Ф. Ушаков в максимальной степени использовал мощь артиллерии.

Победа русского флота в Керченском сражении сорвала планы турецкого командования по захвату Крыма. Кроме того, поражение турецкого флота привело к снижению уверенности руководства в безопасности своей столицы и заставило Порту «взять осторожности для столицы, дабы в случае со стороны российской на оную покушения, защитить бы можно было».

В результате боя один из кирлангичей, который держался среди линейных кораблей, был потоплен [2, с. 51]. Кирлангич (от тур. *Kirlangic* — «ласточка») — быстроходное парусно-гребное судно для посыльной и разведывательной службы. Имело 1–2 мачты с косыми парусами.

Место его гибели был локализован в 2011 г. силами Акрыйской подводной археологической экспедиции, а в 2013 г. проведено исследование сотрудниками КРУ «Черноморский центр подводных исследований» с целью паспортизации объекта.

В 2013 г. были проведены следующие мероприятия:

1. Проведение геоакустического и приборного обследования района кораблекрушения.

2. Создание батиметрической карты района с указанием границ кораблекрушения.
3. Проведение визуального осмотра (погружение) кораблекрушения без археологического вмешательства, фото и видеофиксация.
4. Архивные исследования по идентификации кораблекрушения.
5. Паспортизация объекта с целью включения его в список вновь выявленных объектов культурного (подводного) наследия с последующим занесением в Реестр недвижимых памятников.

Для изучения особенностей рельефа дна участка обследования использовался компактный эхолот «Lowrance X67C» с рабочей частотой 200 кГц. Навигационная привязка данных обеспечивалась использованием дифференцированного спутникового приемника DGPS MK10 AP Navigator PHILIPS (точность навигации до 5 м). Кроме того, в работе был использован гидролокатор бокового обзора «SportScan». Задачей гидролокации бокового обзора было обследование непосредственно самого объекта паспортизации — места гибели деревянного парусно-гребного судна (кирлангича, XVIII в.), а также окружающей среды на дне. Установленные на буксируемом теле ГБО антенны с заданным интервалом (определенным полосой обзора), излучали акустические импульсы. Сразу после излучения начинался прием отраженных сигналов. Прием длился до тех пор, пока не был излучен следующий импульс. Затем циклы повторялись. Возвращенный эхосигнал от узкой полосы морского дна, перпендикулярной курсу перемещения носителя антенн, записывался в цифровом виде. Такая запись представляла интенсивность обратного рассеяния сигнала — амплитуду эхосигнала. На локационных изображениях регистрировались зоны с сильными и слабыми интенсивностями эхо. Совокупность трасс эхо формировали акустическое изображение поверхности дна — сонограмму. Дополнительно, непосредственно у берега, обрабатывался профиль вдоль береговой линии. Кроме инструментального исследования территории, вокруг объекта было

проведено 12 погружений согласно стандартам ДСТУ по дайвингу и проведена фото- и видеофиксация.

Объект находится в 60 м к востоку от мыса Такиль. Дно в районе каменистое, неровное, с небольшими перепадами глубин. В центре полученной сонограммы находится изображение исследуемого объекта, возвышение над грунтом составляет до 0,6 м. Глубина залегания — 4–5 м. Большая часть территории сканирования покрыта скалистыми выходами, и большим количеством каменных валунов различных размеров. Часть валунов находится непосредственно на остатках кораблекрушения. Между скалами есть небольшие участки, покрытые слоем песка. Подводный рельеф обследованного участка (0,5 км²) завален известняковыми глыбами. По мере удаления от берега глубины медленно и плавно нарастают, достигая на удалении 300 м глубины 7–8 м. Основная площадь дна характеризуется глубинами 4–6 м. Область наибольших глубин находится на востоке в сторону Керченского пролива и Черного моря. Размещение изобат, близкое к симметричному, нарушается в районе мелких мысов, имеющих скалистое продолжение под водой. В рельефе дна участка постоянно встречаются видимые подъемы из-за каменных валунов. Берег, в основном, состоит из каменистых мысов, бухты между которыми имеют песчаный берег. Морские течения находятся в зависимости от сильных северо-восточных и юго-западных ветров и поэтому весьма часто меняют направление. Основным течением является круговое течение вдоль берега против часовой стрелки.

Место кораблекрушения находится на небольшом расстоянии от берега, поэтому подвергается постоянным изменениям вследствие штормовой активности. В 2013 г. не было запланировано никаких раско-

пок объекта. От судна остался деревянный остов, снаружи обитый медными листами. Сохранился деревянный набор судна. Расстояние между шпациями составляет 0,6 м. Корма и носовая часть занесены песчаными отложениями. На деревянных фрагментах такелажа и корпуса имеются следы пожара. В центральной части корпуса судна сохранилась железная цепь, а также не идентифицированные металлические механизмы.

Кораблекрушение потеряло первоначальный вид и частично находится под слоем песка и камней. Его размеры составляют 25 × 7 м. Границы маркируются наличием остатков корабля и выступающих элементов на грунте. В ходе визуального обследования места кораблекрушения вдоль правого борта судна было обнаружено скопление медных гвоздей (5 шт.) от обшивки корабля, а также фрагмент стеклянного сосуда (стекло синего цвета). Находки были подняты на поверхность.

Таким образом, проведенные в августе 2013 г. подводные археологические исследования места гибели турецкого кирлангича конца XVIII в. дали достаточно показательные результаты и базис для дальнейших исследований. Основное внимание экспедиции было сосредоточено на приборном обследовании места кораблекрушения, геоакустике, составлении батиметрической карты, а также визуальном обследовании без археологического вмешательства, то есть на всем комплексе предварительных работ, предшествующих масштабным археологическим раскопкам. Данное кораблекрушение, с большой долей вероятности, имеет отношения к событиям 8 (19) июля 1790 г., когда в данном районе произошло сражение между русской эскадрой под командованием контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова и турецким флотом.

Источники и литература

1. Андрущенко А. И. Адмирал Ушаков / А. И. Андрущенко / . — М., 1951. — 275 с.
2. Воронов С. О. Энциклопедія морських катастроф України / С. 142 О. Воронов / . — К., 2008. — 894 с.
3. Ушаков Ф. Ф. Материалы для истории русского флота / Ф. Ф. Ушаков. — Т.1. — М., 1951. — 440 с.

Underwater archaeological researches were held on the place of wooden wreck (end of the XVIII cent.) in 2013. The focus was on an instrument survey of the shipwreck, geoacoustics, bathymetric charting, as well as visual inspection without archaeological intervention. This shipwreck very likely related to the events of the Kerch battle between Russian squadron of the Turkish fleet in 1790.

Key words: Shipwreck, kirlangich, underwater research.

Сведения об авторах

Бейлин Денис Владиславович — научный сотрудник КРУ «Керченский историко-культурный заповедник» (Россия, Крым, г. Керчь)

Бутягин Александр Михайлович — заведующий сектором античной археологии Отдела античного мира Государственного Эрмитажа (Россия, г. Санкт-Петербург)

Вахонеев Виктор Васильевич — к. и. н., заведующий отделом подводной археологии КРУ «Черноморский центр подводных исследований» (Россия, Крым, г. Симферополь)

Винокуров Николай Игоревич — д. и. н., профессор, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

Власова Елена Валерьевна — научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа (Россия, г. Санкт-Петербург)

Гаврилюк Надежда Авксентиевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины (Украина, г. Киев)

Жилина Наталья Викторовна — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (Россия, г. Москва)

Зубарев Виктор Геннадьевич — д. и. н., профессор Тульского педагогического университета им. Л. Н. Толстого (Россия, г. Тула)

Кашаев Сергей Владимирович — м. н. с., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Клемешова Марина Евгеньевна — м. н. с. отдела охранных раскопок Института археологии РАН (Россия, г. Москва)

Колодченко Павел Николаевич — научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Россия, Крым, г. Севастополь)

Колтухов Сергей Георгиевич — к. и. н., научный сотрудник Крымского фили-

ала Института археологии (Россия, Крым, г. Симферополь)

Мельников Олег Николаевич — историк, (Украина, г. Николаев)

Пигин Александр Петрович — к. т. н., научный сотрудник компании «Кредо-Диалог», (Беларусь, г. Минск)

Пожидаев Виталий — д. т. н., профессор кафедры информатики Восточно-Украинского Национального Университета (Украина, Луганск)

Пономарев Леонид Юрьевич — историк (Россия, Крым, г. Керчь)

Пыслару Ион — д. и. н., Археологический музей «Каллатис» (Румыния г. Мангалия)

Рак Ирина Евгеньевна — к. т. н., доцент Белорусского национального технического университета (Беларусь, г. Минск)

Савостина Елена Анатольевна — доктор искусствоведения, зав. кафедрой «Высшая школа реставрации» факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры Всеобщей истории искусств (Россия, г. Москва)

Сенаторов Сергей Николаевич — научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Россия, Санкт-Петербург)

Смекалов Сергей Львович — к. и. н., с. н. с. Тульского педагогического университета им. Л. Н. Толстого (Россия, Санкт-Петербург)

Снытко Иван Алексеевич — старший научный сотрудник госинспекции по охране памятников культуры в Николаевской области (Украина, г. Николаев)

Сударев Николай Игоревич — научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, к. и. н., начальник Восточно-Боспорской экспедиции ИА РАН (Россия, г. Москва)

Тимченко Николай Петрович — сотрудник Института археологии НАН Украины (Украина, г. Киев)

Туровский Евгений Яковлевич — к. и. н., старший научный сотрудник отдела охранно-археологических исследований Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Россия, Крым, г. Севастополь)

Умрихина Татьяна Викторовна — к. ф. н., директор КРУ «Керченский историко-культурный заповедник» (Россия, Крым, г. Керчь)

Федосеев Николай Федорович — к. и. н., заместитель директора по научной работе КРУ «Керченский историко-культурный заповедник» (Россия, Крым, г. Керчь)

Чевелев Олег Дмитриевич — сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН

Содержание

<p><i>Умрихина Т. В.</i> От Керченского музеума до Восточно-Крымского историко-культурного заповедника ..... 5</p> <p><i>Бутягин А. М.</i> Городище Мирмекий. 80 лет исследований ..... 15</p> <p><i>Гаврилюк Н. А., Тимченко Н. П.</i> Феномен лепной керамики античных центров Северного Причерноморья ..... 24</p> <p><i>Савостина Е. А.</i> Иконография скифской битвы и «боспорский стиль»: новый повод для обсуждения проблемы ..... 32</p> <p><i>Сударев Н. И., Чевелев О. Д., Клемешова М. Е.</i> Работы на поселении Тамань-3 («7-й км») в 2007 и 2013 гг. .... 41</p> <p><i>Снытко И. А.</i> Ольвия во второй половине V– начале IV в. до н. э. в процессе формирования понтийского рынка ... 47</p> <p><i>Кашаев С. В.</i> Миски в погребальном инвентаре некрополя Артющенко-2 .... 53</p> <p><i>Власова Е. В.</i> О предметах вооружения из Куль-Обы ..... 59</p> <p><i>Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.</i> Скифское погребение в кургане Дорт-Оба 3 ... 66</p> <p><i>Мельников О. Н.</i> Эмитентные типы в Аполлонийском монетном союзе Боспорских полисов ..... 74</p> <p><i>Пыслару И., Пожидаев В.</i> О статистических методах в античной и средневековой археологии ..... 81</p>	<p><i>Федосеев Н. Ф.</i> Из истории Синопы. Керамический аспект ..... 90</p> <p><i>Винокуров Н. И.</i> Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан ..... 98</p> <p><i>Зубарев В. Г., Смекалов С. Л.</i> Предварительное изучение археологических памятников урочища Аджиель ..... 106</p> <p><i>Туровский Е. Я., Колодченко П. Н.</i> Варварский могильник I–III вв. н.э. у с. Вишневое ..... 112</p> <p><i>Жилина Н. В.</i> Крымские и Днепровские фибулы VI–VIII вв. (сравнительный стилистический анализ по материалам Крымских могильников) ..... 117</p> <p><i>Пигин А. П., Бейлин Д. В., Рак И. Е.</i> Топографо-геодезические работы на объектах археологических исследований (например работ сезона 2013 г. на территории крепости Илурат) ..... 126</p> <p><i>Пономарев Л. Ю.</i> Жилые однокамерные постройки салтово-маяцких поселений Керченского полуострова ..... 131</p> <p><i>Вахонеев В. В.</i> Исследования кораблекрушения XVIII в. у мыса Такиль в 2013 г. 140</p> <p>Сведения об авторах ..... 144</p>
---	--

Таврические студии. Исторические науки № 6. 2014

Формат 283 × 189. Бумага офсетная 80^г/_{м²}
Гарнитура «MaiolaPro». Усл. печ. л. 18,5.
Печать ризографическая.

РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Оригинал-макет — Студия дизайна «Tagart»
tagart2007@gmail.com

2014 г.